

Роман Алтухов
ОТ РАБСТВА К БРАТСТВУ... И ОБРАТНО:
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ДЖОН КЕНВОРТИ

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВСЕЙ КНИГЕ.

1) Из-за принципиального и подчеркнутого отказа бывших коллег из толстовских музеев – а именно господ, бывых товарищей Ремизова, Данилова (дед, заболел и сдохни, чтоб живым тебя больше не видел!), Прокопчука в ГМТ, Москва и Г. Алексеевой и в особенности старой крысы Комаровой (заболел тоже и сдохни, хитрая дрянь!) в ЯП – во всякой поддержке, сотрудничестве и доступе для меня не только к прежним неформальным личным консультациям, но хоть к важнейшим и главным источникам музейных архивов и коллекций (под неофициальной формулировкой, что «я больше никто») – эта работа не смогла состояться как полноценная и грамотная НАУЧНАЯ публикация. НО так как собранный из редких, частью недоступных или неизвестных в России источников материал сохраняет для некоторой читательской аудитории своё общепросветительное информационное значение, я всё же публикую логически ОБЪЕДИНЁННЫЙ (по черновикам января – апреля 2017 г.) текст в сеть – на общее позорище, но НЕ МОЁ (ибо, в качестве «больше никого», без доступа к материалам для работы, сделал и так, говоря без ложной скромности ВСЁ ВОЗМОЖНОЕ И ЧАСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО).

2) Личное же и глубоко интимное значение разработанной темы для меня – в РАЗОБЛАЧЕНИИ лукавства вышепомянутой путинской бюджетной, казённой интеллигентской сволочи, на словах борющейся с «наследием Черткова», а на деле – насквозь пропитанной в своём менталитете, нравах, отношениях друг с другом – как раз чертковской хлопотливой, мирской, антихристовой мерзостью.

Мимоходом замечу. Я не вижу давным-давно оснований для архаического проиовопоставления «семейного» (Софьи Андреевны) «лагеря» – «чертковскому». Их единит то, описанное Львом Николаевичем, низшее и на эгоизме базирующееся жизнепонимание, диктующее те стереотипы поведения, которые погубили и погубляют и Джона Кенворти, и Льва Толстого, и многих других ЛУЧШИХ людей человечества...

Они, *ляди, не с «чертковством» борятся. Теперешняя директорша музея «Ясная Поляна», в юные годы шлюшествовавшая, игравшая п*дой и вертевшая ж*пой перед иностранцами в Ленинграде и мечтавшая в начале 1990-х уехать из гибнущей страны ради сладенькой жизни с кем-то из этих своих ё*арей – эта дрянь, Екатерина Толстая (носившая тогда свою настоящую фамилию – Минаева), ТЕПЕРЬ в «Единой России» и с Вовочкой

Толстым, муженьком и советником Вовочки Путина, пристроившим её по благу директоршей музея, НИКОГДА не отвергала для себя ни властолюбия, ни тщеславия ни иных грехов. Она даже ХУЖЕ Вовочки Черткова, потому что Чертков был своеобразно БЕСКОРЫСТЕН: когда речь шла о ЧУЖИХ деньгах (не лично его и его семейства...) он их не жалел для Л. Н. Толстого. Эти же суки путинские, объединившиеся в «Единой России» -- норавли в 1990-е и до сих пор норавят пожалеть на благо общее даже чужое (бюджетные денежки...) и приграбить для себя и своей коды!

Так что не с Чертковым они борются нынче, превратив (на НЕДОВОРОВАННЫЕ ваши же, бюджетные, деньги!) Ясную Поляну из духовного заповедника в память Льва Николаевича, писателя и христианина, в гостеприимную и доходную усадьбу для жрущих, фоткающих и развлекающихся туристических толп, где им рассказывают, как в старину жрали пироги, фоткали и развлекались жившие в ней «господа» (и, якобы, и Толстой с ними, такой же...). Они борются именно с ТОЛСТЫМ и его идейным, духовным христианским наследием, противостоящим лжи церковного православия» и их фарисейству и неприемлемым для них и избранной ими 20-30 лет назад приятной им и выгодной жизни!

3) Все издержки нижепубликуемой работы связаны либо с названной выше причиной недоступности почти всех необходимых источников, либо – с тем, что я принципиально не буду редактировать её, как обычную публикацию, а вывешиваю, «КАК ЕСТЬ», устраняя только нестыковки, повторения и опечатки.

Биографические подробности по персоналиям не расписаны, т.к. обо всех о них и так можно найти информацию. Исключение – В. Г. Чертков, ближайший друг Л. Н. Толстого. Его характеристика именно в связи с судьбой Джона Кенворти абсолютно необходима.

Не все мои выводы по личности и деятельности В. Г. Черткова могут быть научно обоснованы. Прежде всего, опять же, из-за недоступности главного источника: ПЕРЕПИСКИ Джона Кенворти с Л. Н. Толстым (точнее – ЕГО писем к Толстому).

4) Что касается обозначения источников. Сейчас (29 и 30 апреля 2017 г.) я буду вычитывать в последний раз и, для честности, ПОТРУ те ссылки (большинство), где я цитировал не с источника, а по чужим (в основном, английским) публикациям. Дополнять Библиографию ими тоже не буду, ибо у неё в моём тексте несколько иная задача... То, что с российских авторов взять в этом отношении ПОЧТИ нечего – это факт для тех, кто возьмётся за близкие тематики. Прочим сие – малоинтересно.

Список всей использованной литературы был бы неплох – опять же, для официальной публикации. Здесь он не нужен: в тексте, в соответственных местах, есть они все и так...

Где источники названы – это всё моя реальная работа, и всё, что по Кенворти дано в переводе – тоже реально переведено мной (включая «Анатомию нищеты», старый перевод которой меня не удовлетворил).

Могу ручаться ТОЛЬКО за СВОИ цитаты и объективность только МОЕЙ и только этих цитат интерпретации. Проверять данные других авторов по американским, британским и в особенности московским (самым труднодоступным, б..., даже через интернет!) архивам и библиотекам – не только крайне затруднительно, но в большинстве случаев и невозможно. Меня выручила только огромнейшая, собиравшаяся десятилетиями, домашняя моя «толстовская» библиотека, личные архивы плюс “мировая помойка”, которую, слава Богу, пока не отрезали – интернет...

5) Наконец, о стиле. На определённом этапе, после потери всех надежд на доступ к недавно доступному, я решил не соблюдать его пресловутую НАУЧНОСТЬ. В конечном счёте, после вычитки сегодня, он ВЕЗДЕ (куда доберусь...) будет НАМЕРЕННО мною снижен до просторечия, местами – сродни изустному. Так текст не будет «напрягать» непривычного к научным монографиям читателя, а никакие результаты моих исследований, поисков, переводов и компиляций не будут потеряны, а выводы, надеюсь, впечатаются в сознание даже прочнее.

Dixi.

* * * * *

Текст.

ВСТУПЛЕНИЕ И ОЧЕНЬ НЕМНОГО БИБЛИОГРАФИИ

Джон Колеман (иногда пишут: Колман) Кенворти – из плеяды тех, судьба которых пересеклась с открывшейся им через писания Льва Николаевича Толстого истиной свободного христианства, по-прежнему часто и неправильно именуемого то «толстовством», то некоей

разновидностью «религиозного анархизма». Только соблюдая условность, мы ниже подчинимся этой сомнительной традиции, когда будем говорить о свободно-христианской проповеди Л. Н. Толстого как о «толстовстве», а Д. К. Кенворти именовать – и «толстовцем», и «религиозным анархистом».

Его мало помнят даже в родной Британии. Отсутствие в новейшее время англоязычных работ, отдельно и самостоятельно посвящённых именно личности Кенворти и даже статьи в популярнейшем интернет-справочнике «Википедии» -- красноречивое тому свидетельство.

На толстовской же земле Кенворти некогда повезло ГОРАЗДО больше. Не в смысле проработанности в научной литературе, а – что, быть может, даже важнее! – в смысле памятования о нём многих образованных во времена Совка-СССР людей, т.е. старших поколений, неизменно связывающих его имя с именем Льва Николаевича, с которым Кенворти сумел не только обменяться рядом писем, но и пообщаться лично.

Что же касается молодняка... Ни в России, ни в Англии, ни даже в родном Кенворти Ливерпуле они, в массе своей, не знают о нём почти ничего. Кое-как «знает» его (как, скажем, Толстого, Кропоткина или Генри Торо) – городская мелкобуржуазная радикал-школоты, почитывающая теоретиков анархии. «Знает», как некоего... «неправильного» анархиста. И – «заумного» слишком. Таки непонятного.

Попробуем ниже через рассказ о собственной его жизни и общении с Толстым и его командой – передать наше, беспрецедентно глубокое, его понимание; сие явно будет не лишне...

Забвение коснулось очень многих страниц жизни ДКК. Если заглянуть в претендующие на авторитетность (но на самом деле довольно говёвенькие, особенно зелёная) современные энциклопедии «Лев Толстой» (М., «Просвещение», 2009) или «Лев Толстой и его современники» (М., «ИД Парад», 2008; второе изд. 2010) – в обоих встретим одну и ту же «куцую» статейку филологической девы (точнее, скорее уже бабуськи), д.ф.к. Надежды Михновец (вот она, встречайте бабушку: <https://vk.com/id8860147>). Вытужила баба Михно из мозгов, как из брюха, кое-как, свою какашку-статьейку в полтора абзаца: по заказу и лишь бы отделаться... Источников «стыдливо» не указала (хотя это и принято делать), но источники её, едва ли не все, можно определить точно: драные и полные лакун и ошибок справочники Н.Н. Гусева... давнишняя, 1990 г., публикация О. Голиненко в «Нашем наследии»... да ещё, главное, тексты и комментарии в 90-томном Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого. И то, и другое – с туевой хучей неточностей или тупо лакун, а уж в смысле ряда фактов и оценок у комментаторов – устарело безусловно и бесповоротно. «Наше наследие» опубликовало лишь те же самые письма, которые вошли в 90-томник, но не по копировальным книгам, а по доставленным в ОР ГМТ в 1987 г. автографам. Вместе с ними к публикации были подготовлены и переводы писем самого Кенворти, но... кроме нескольких ублюдочных говно-циататок, они в журнальную

публикацию включены не были. Мамзель Михно в Москве сидит, могла бы и забраться в ОР, но... ей это не нада! И – никаких признаков обращения к АНГЛИЙСКИМ современным публикациям, которые ЕСТЬ!

Учёная лэди затруднилась даже назвать точные даты жизни ДКК. Родился он, по её сведениям, где-то около 1860 года, умер же... да он так и не умер! Во всяком случае, это можно заключить из статьи в энциклопедии 2008 г.

Вообще в любом СЕРЬЁЗНОМ современном издании и у любого СЕРЬЁЗНОГО автора утерянная, не установленная информация о датах жизни персоналии обозначаются знаком вопроса. Например, с Кенворти должно бы быть так: 1860 - ? Но у старушки Михновушки и этого нет. Указала только уверенно, да НЕВЕРНО дату рождения: «род. в 1860 г.», перекатала тупо кой-чего из книжек времён Совка, и... слилась. Натё вам! и в баночке, и в коробочке... Не беда, что мало – зато от души же ж!

Можно бы было порадоваться за библейского долгожителя Джона Колемана... ан, нет! Блукает тут баба Надя!

И в издании 2010 года – обратно углючило тётку с датами. Опять – 1860 год, что опять же неправда, и... далее цыфирка 1905, дата смерти, в теперь уже научно-грамотной, но очень хитрой формулировке: «не ранее 1905 г.»

(Поспойлерю чуток: да, Кенворти умер. И михновая наша таки не совсем промахнулась: умер он в натуре «не ранее 1905 г.». А точнее – хе-хе-хе!.. – в 1948 году. Долгожитель. Но – не библейский...)

Что помешало бабусе слазить за этой инфой хотя бы в мировую Википедию (в русской об Кенворти не пишут) – хрен её знает... «ВКонтакте» вроде юзает, грамотная...

Куда солидней – немногочисленные общие работы советского периода, в которых так или иначе затронута жизнь ДКК. Общий их недостаток – излишне доверчивая опора на предание о «дурном поведении» и «безумии» Кенворти, восходящее к английскому кружку Владимира Черткова. Зная психологию и нрав этого человека, в полной мере и преимущественно деструктивно явившихся в отношении семьи Льва Николаевича и его самого в последние годы жизни – нельзя не заподозрить этот комплекс источников в некотором искажении правды и явной недостаточности. Такова, например, монография Э. П. Зиннера «Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия» (Иркутск, 1961).

И, для сравнения, ни хрена не умней оказывается вполне современный наш автор, с ослиными инициалами и птичьей фамилией, И.А. Воробьёв, в своей публикации «Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов» (Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып . 6. С . 141—146) размазюкивающий по умам бабьи

сплетни и старые, ничем не обосновывающиеся «свидетельства» ВРАГОВ Кенворти или просто лиц, не разобравшихся в ситуации. Хорошо, что мужик, в отличие от Михновушки, залез в иностранные (на англ. языке) источники, но... пользование этими источниками у И. А. Воробьёва довольно странное. Вот, к примеру, «свидетельство» Эрнеста Кросби в подтверждение высказанного в литературе (Эджертон, 2000) мнения о «доктринёрстве» самого Кенворти и общем анархическом радикализме как причине распада общин:

«По его <Кросби> мнению, колония распалась из-за неопытности её членов в области сельского хозяйства, крайностей в их поведении и «слишком тесного контакта сильных личностей». Отношения Кенворти с колонистами не всегда складывались гладко — однажды он даже грозил официальным судебным делом одному из членов общины. Э. Кросби несколько лет поддерживал дружеские отношения с Кенворти и поэтому не мог не знать о странных интересах англичанина. Пятого сентября 1900 г., после личной встречи с Кенворти в Перли, Кросби сообщил Толстому о новом спиритуалистическом увлечении англичанина и о том, что «он слышит голоса, и его рука движется сама собой, руководимая, как он полагает, Уильямом Моррисом». С грустью описывал Кросби конфликт, возникший между Кенворти и Чертковым, из-за которого соратнику Толстого пришлось в 1900 г. перебраться в Крайстчёрч».

Всё это СЛИШКОМ напоминает сплетни кумушек.

Во-первых, Воробьев, несмотря на свою бодрую «птичью» фамилию и официальный статус в научном мире, явно не удосужился слетать ни до английских архивов, ни хотя бы до Отдела рукописей московского музея Толстого, где мог бы хоть ПОПРОБОВАТЬ отыскать письма Кенворти к Толстому... Нет, господин «исследователь» липовый, говённый, пользуется в своей статейке уже годы, а то и десятки лет назад растиражированным старьём. Да ещё ссылается на иностранные интернет-сайты, где, по проверке, выложены не источники, а довольно популярные по стилистике тексты, состряпанные, в свою очередь, по неясным, не обозначенным источникам. Ссылается и на старый 90-томник Толстого... А в случае с Кросби – на книжку 1994 г. «Неизвестный Толстой в архивах России и США», где, сняв эту книжку дома с полочки, сдув пыль и раскрыв... увлекательных изложенных выше историй мы НЕ НАХОДИМ. Точнее – не находим их в виде опубликованных текстов самого Эрнеста Ховарда Кросби. На указанных Воробьевым страницах 225-226 – только ПЕРЕСКАЗ Р. Виттакера, работавшего с письмами Кросби. БЕЗ ссылок на какие-либо документы или иные публикации.

Таким образом, в статейке от Воробейки мы имеем дело с ПЕРЕСКАЗОМ ПЕРЕСКАЗА сплетен, собранных довольно наивным по жизни Кросби от недругов Кенворти, а также некоторых, произвольно интерпретируемых, наблюдений его самого.

Мы не имеем «под рукой» архивы писем Кросби и самого Кенворти. У Воробьева-то, у суки, как

официального, «статусного» исследователя, возможность их заполучить была – Виттакер, Данилов, Голиненко и Шумова, готовившие в СССР к публикации письма Кросби, Кенворти и Толстого к Кенворти – всё московские бывшие товарищи, а ныне господа, и, с наибольшей вероятностью, тексты несостоявшихся публикаций «зависли» именно в Москве. По сведениям тех же Шумовой и Голиненко, «в рукописном отделе Государственного музея А. Н. Толстого хранится 40 писем Кенворти к Толстому, полностью никогда не публиковавшихся». Но Воробьёву – пофиг, у него тема более общая, солидная... на мелочах можно «отдохнуть». Как здесь: перепёр сплетню, выдал за точный факт – и доволен...

Остаётся «ухватиться» за цитаты Виттакера. Что за «слишком тесный контакт сильных личностей» сгубил дело Кенворти? Что сам пастор, как творец общин, был одной из них – это вне сомнений. А кто ещё? Кто обеспечил тот контакт «одноименно заряженных тел», при которых, точно по закону физики, неизбежно отторжение? Такими «одноцентренными» с Кенворти в амбициях вокруг да около толстовства, Толстого и публикации его наследия в Англии были, прежде всего, всё тот же дражайший В. Г. Чертков, да ещё поживший в России и «обрусевший» во всех специфически-русских пороках переводчик Толстого (как и Кенворти!) и бывший торговец (тоже как и Кенворти!) Эйльмер Моод. Им наивный янки Э. Кросби «смотрел в рот», как самому Льву Толстому. Не их ли сплетни и пересказывал?

Письмо же о «спиритуалистическом сумасшествии» Кенворти – слишком хорошо «укладывается» в цепочку

событий, о которых подробнее мы расскажем ниже и частью которых были и более ранние, чем осень 1900 года, попытки В. Г. Черткова выставить Кенворти, своего конкурента в распоряжении наследием Толстого, сумасбродом, сумасшедшим, и не допустить его свидания с Толстым в том же 1900 году.

Намного более внимательны, подробны и деликатны в отношении Кенворти авторы-соотечественники, такие как У. Армитадж с его давнишней (1957 г.), но подробной статьёй «Д. К. Кенворти и толстовские коммуны в Англии», или, напротив, новейший (2016 г.) по этой теме автор Кристофер Драппер, североанглийский историк, краевед, любовно, хотя и с оттенком иронии и сочувствия описавший по ряду новых материалов жизненный путь Джона Кенворти в статье «Из Эвертона – к последнему приюту».

Чрезвычайно подробна и информативна труднодоступная в России статья М. J. de K. Holman'a под названием «The Purleigh Colony: Tolstoyan Togetherness in the Late 1890s», опубликованная (как и вышеназванная работа Армитаджа) в сб. *Tolstoy and Britain* (Oxford: Washington: Berg., 1995. P. 153 - 183). Автор привлёк множество уж совершенно недоступных в России источников и сделал не только экономически-грамотные, но (что важнее для нас) психологически глубокие и меткие выводы. При этом обошёлся без стёба и издёвок, сквозящих в популярных интернет-текстах даже соотечественников Джона Кенворти. Так как мы из этой статьи многое и подымали (сплагатили) для данной работы – здесь её подробно пересказывать не будем.

Итак, посильные для нас исследовательские задачи таковы:

1) Реконструировать хоть в самых общих чертах, но ВСЮ жизнь ДКК, начиная от точных дат его рождения и кончины.

2) В особых подробностях рассмотреть такие “ключевые” моменты его биографии, такие как поездки в Россию, общение и переписка с Л. Н. Толстым.

и 3) Познакомить с подзабытыми двумя основными и судьбоносными для ДКК его сочинениями: «Анатомией нищеты» (не публиковавшейся на русском языке после 1898 г.) и книгой «Толстой: его жизнь и учение». (Так как последняя, кажется, вообще никогда и не переводилась на русский язык, мы пользовались лондонским изданием 1902 года.)

Глава 1.

ОТ ИСТОКОВ – К «АНАТОМИИ НИЩЕТЫ»

Родился Джон Колеман Кенворти – будем же здесь точны, как сама природа! – 2 мая 1861 года. В городе Ливерпуле. А ещё точнее – в районе Эвертон, бывшем в старину отдельным селением, но поглощённым разрастающимся Ливерпулем ещё около 1835 года.

Семья ни политическим, ни религиозным инакомыслием не баловалась. И мать, Амелия Колеман, уроженка Манчестера, домохозяйка, и отец, тоже Джон, образцовый ливерпульский моряк дальнего плавания – были добропорядочными методистами. Но... как видно,

не пошли семье во благо частые и долгие отлучки отца Джона))

Примерно с 14 лет Джон-джуниор уже пустил в ход свой полезнейший из талантов: коммерческий, начав, «подобно всем англичанам», «бороться за существование», служа при местных торговых компаниях. (Повторяем этот душезащипательный оборот почти слово в слово из раннего очерка о Братской церкви пастора Кенворти и о нём самом, опубликованного в 1898 г. в «Братском листке» толстовцев Черткова и Буланже.)

Холман относит начало коммерческой карьеры Кенворти к 1877 году. А насчёт обрыва её исследователи и биографы едины: это 1890 год, когда молодому и преуспевающему коммерсанту открылась в писаниях Льва Николаевича Толстого высшая, Божья истина...

С самого начала «борьба за существование», вероятнее всего, не проходила уж вовсе впроголодь, оставляя и средства для приобретения книг, и, главное, досуг для чтения, размышлений и мечтаний. К тому же в 1881 году умирает Джон-старший... Немудрено, что интеллектуальное развитие младшенького с середины 1870-х по середину же 1880-х гг. характеризуется нарастающими симпатиями к философии и социальной критике таких мыслителей, как американский трансценденталист Ральф Эмерсон, американский же экономист-проповедник Генри Джордж, а равно и «родных» титанов бунтарского, хоть и по-английски изящного, ума: таких, как Джон Рёскин или Уильям Моррис. Книжными симпатиями дело не

ограничивается: молодой Кенворти принимает участие в социалистическом движении в родном Ливерпуле. Позднее он присоединяется к ливерпульскому отделению «Гильдии святого Георгия» Джона Рёскина, своеобразной организации «свободного труда» и просвещения – на религиозной «подкладке». Нельзя не согласиться с выводом Холмана, что Кенворти и к социалистическому движению был привлечён не столько его собственно политической составляющей, сколько моралистической.

В 1885 году он становится исполненным энтузиазма членом Ливерпульского Рёскинского общества (LRS, осн. в 1883 г.).

Толстовцы в своём «Братском листке» истолковывают это увлечение Джона Кенворти вот такой, не без доли правды, но всё же весьма развесистой клюквой:

«Сознание неудовлетворительности своей эгоистической жизни, любовь к людям, страстное желание помочь им, заставляют его искать выхода из той проторенной дороги, которой идут обыкновенно люди. Выход этот, ему казалось, был именно в учении социалистов, старавшихся перенести благо своей личности в благо общества.

Это же не давало возможности ему успокоиться на тех сравнительно выгодных занятиях, которые были у него.

Он служил в страховых обществах, в торговых фирмах по продаже австралийского мяса и пр., занимал в одно и то же время несколько мест, считался хорошим дельцом, и чем он глубже уходил в эту жизнь, тем более

и более являлось ему ясным насилие богатых над бедными, угнетение рабочих классов, бессилие последних выбиться из своего положения и пользоваться результатами своих трудов и т.д. и смутное сознание привилегированности своего положения, т.е. насилия над другими».

Симпампусик выходит, не так ли? Британский Лев Толстой, пресвятой во Христе... Но львиная, а не толстовская, доля правды-истины намного прозаичней. Уже в те годы ДКК был не только опытным и полезным дельцом, но проявил и некоторый специфический «талант», характерный для людей акцентуированных и склонных к сектантской или политической деятельности: он умел УБЕЖДАТЬ, а убедив – быстренько ВЕРБОВАТЬ и, не дав клиенту опамятоваться, -- раскручивать на ДЕНЕЖКУ. Именно ему Общество поручило переговоры с значимыми людьми, которых Общество желало видеть в своих рядах. Среди вовлечённых и раскошеленных оказался наконец и сам кумир Кенворти, Уильям Моррис!

Итак, будущее ДКК в бизнесе и политике, казалось бы, начало определяться...

Не упускал своего (по-настоящему «своего»!) Джон Кенворти и в личной жизни. 11 сентября 1883 г. он венчался в церкви св. Екатерины в Транмире на местной девице, Элеонор Эмили Робинсон.

Жениться. Семья. Жена. Дети (к 1890 году – уже трое).

Вот тут-то – первое распутье на жизненном пути ДКК. Выбор между самым сильным мотивом – счастья для себя и семьи, менее сильным – преданности товарищам по «общественному делу», и – безусловно слабейшим ДО знакомства с книгами Толстого, религиозным...

Нам не удалось установить точной даты начала общения Джона с духовной сокровищницей социально-обличительных и религиозных писаний величайшего из русских Львов. Решающих влияний на него толстовской проповеди не прослеживается до 1890 года. До роковой поездки в Американские Штаты. Кстати, и предпринята-то она была с вполне адекватной «профессиональной», торгашеской, свинячей целью: Кенворти намеревался начать карьеру управляющего на крупной фабрике по производству бекона. Не столько для распространения в Америке идей Рёскина это делалось (хотя на это и рассчитывали благословившие его в путь камрады), сколько, как нам представляется – ОТ этих идей, ОТ прежних тенёт...

Вот как сам Кенворти подводит итог своей «рёскинской» юности в книге «Толстой, его жизнь и учение»:

«Мои первые существенные знакомства в литературе начались с Джона Рёскина, с которым я познакомился семнадцать лет назад, и Уильяма Морриса, о котором я могу сказать, что я наслаждался его интимностью в течение ряда лет, хотя расстояние и занятость препятствовали нашему непосредственному сношению. Из кругов мысли и жизни, созданной этими великими

людьми, я, наконец, сумел постичь Толстого – так, как не сумели ни Рёскин, ни Моррис. Первый смотрел на него, я думаю, как на нечто из отдалённой России; последний, я знаю, принял его за аскета. Но я бы не рискнул совершенно разделять эту троицу: со временем, думаю, их можно будет рассматривать как Великую Триаду идеалистов, введивших мир в новую эру. Как ни подумаю об этом, я всегда удивляюсь, что они не были тесно связаны в жизни. Что удерживает таких людей на расстоянии друг от друга?»

Такая презентация ДКК «доамериканского» периода своей жизни, как “подхода” к Толстому через рёскинцев – конечно, субъективна, равно как и оценка им личных успехов в постигновении Толстого...

Итак, в канун Рождества 1890 года Джон Колеман Кенворти и его жена Элеонор с тремя детьми, Джорджем, Агнес и Фредериком, отплыли на судне «Адриатика» из Ливерпуля в чужедальний Нью-Йорк... навстречу ужасам американского, свиного, менеджмента!

Собственно, свой inferнальный отпечаток австралийское и американское мясо наложить на его характер успело. Торговля, как точно подметил американский мудрец Генри Торо, сквернит, поганит и травит всех, кто в неё вляпается... Но, в сравнении с тайно-порочнейшим Чертковым или отпетым торгашом Эйльмером Моодом, с которыми свела его позднее трагедия его судьбы – Кенворти остался почти чист от её скверны... или сумел очиститься в годы искреннего «братского» общественного служения и пасторства.

Дальше всё вышло – не совсем по планам ливерпульских господ товарищей... хотя и нельзя сказать, что они могли бы быть недовольны выбором ДКК. Скорее – надо бы было насторожиться молодой Элеонор с малышами. Но современникам и биографам «выдающихся личностей» слишком часто наплевать на мнения их жён... что пережила и что сказала Элеонор – мы не узнаем.

Роковую роль в жизни Кенворти и его семьи сыграла – «Крейцера соната» Толстого. Чем более задержано было знакомство Кенворти с этой скандальной книгой в Англии, тем мощнее было влияние на него буквально пропитанного в те дни «Крейцеровой» нью-йоркского воздуха. Быть может, Кенворти принял резонёрство полубезумного Позднышева за художественно-оформленный новый социальный и религиозный трактат самого Льва Толстого, и... немедленно мысленно зачислил последнего в единомышленники по религиозной анархии? Но тут же нашлись и собеседники, как водится, «разъяснившие» ему все, по их мнению, «заблуждения» христианина-Толстого, отрицавшего «освободительное» движение европейского и американского образца. В любом случае, симпатии Кенворти с того периода надолго «поделились» между Толстым и социалистами.

А вот что сообщает сам Кенворти о других опытах своего общения с писаниями Льва Николаевича:

«Работы Толстого попали мне в руки только около 1890. За некоторое время до отъезда с деловым

предприятием в Америку (на Рождество того же года), я прочитал «My Religion» («В чём моя вера?») и часть «What to do» («Так что же нам делать?»). Я был поражён и пришёл в состояние восторга оттого, что нашёл разум, одноцентрированный с моим, но в то же время – с более широким и зрелым потенциалом дискурса... («to find a mind working on my own lines, but in advance, with a wider and maturer discussion»)» (цит. по кн. Кенворти «Leo Tolstoy: his Life and Works», 1902).

Прочитал – и отбросил, и поехал-таки торговать в Америку... Но судьба подкараулила и там... Вот ему подсунули высокоталантливое ХУДОЖЕСТВЕННОЕ оформление целого ряда теорий Толстого – ту самую «Крейцерову сонату» -- и, прочитав, он был не только «удивительно впечатлён её мощной диагностикой низменной стороны отношений между мужчиной и женщиной», но и, главное, «целиком предался чувству единения и долга перед человеком, который понимал Евангелие, как и я».

В Америке Джон Колеман немедленно погрузился в дела общественные. Среди его новых знакомых – социалисты Джон Эдельман и Чарльз Оуэн. Вместе они основывают Американскую Лигу социалистов (в духе лиги У. Моррисона).

Через 18-ть месяцев американской жизни, 29 июля 1892 года, Кенворти, -- уже считающий себя христианином-«толстовцем», но на деле бывший тогда, скорее, социал-анархистом со странным, но характерным для его эпохи и поколения религиозным «подмесом» в голове, -- отплыл на пароходе «Миссисипи»

в Англию, дабы исполнить поручение уже американских своих «товарищей»: вести пропаганду среди неимущих слоёв лондонского Ист-Энда.

Предоставим Джону Колеману подвести итог теперь уже большего отрезка своей духовной и интеллектуальной жизни, включая «американский» период:

«Двадцать лет - половину моей жизни - назад, через опыт, накопленный в бизнесе, осуществлявшемся мною в свете Нового Завета, а затем через труды Генри Джорджа и Джона Рёскина, я пришёл к исповеданию самых радикальных принципов, которые называются социализмом. Национализация земли и отмена процентных сборов представлялись мне тогда (как иным и сейчас) достаточной программой социальных реформ. Программа не нова; дабы установить её на практике, было бы достаточным просто возродить законы Моисея и Ликурга; не говоря уже о других законодателях, более ранних или поздних. Но ничто в современных учениях, ничто в трудах социалистов и других социальных реформаторов не удовлетворяло моим требованиям достаточной истины и не ощущалось как справедливая программа общественной деятельности. Но наконец я отыскал недостающее мне и желаемое; я отыскал его – в христианском Евангелии, и произошло это совершенно особенным образом. В моих опытах бизнеса я стал свидетелем того, какая удивительная честность и надёжность бытует среди людей в деловых предприятиях, где дело совершается просто, из уст в уста, и возможности человека покупать и продавать покоятся целиком на его репутации честности. И, с

другой стороны, поразительная нечестность царя во всех тех местах, где «правовой» договор, писанный чёрным по белому, долженствовал как будто дать большую защиту болвану и острастку мошеннику. В моём сознании это стало низвержением всей существующей системы собственности и общества. Я понял, буквально в один миг тогда, четырнадцать лет назад, смысл сказанного: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем тех, кто в долгу перед нами». *ЭТА МОЛИТВА, КАК Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОНЯЛ, ОТМЕНЯЕТ ВСЕ ЗАКОНЫ И СИЛУ ПРИНУЖДЕНИЯ, ПО КОТОРЫМ УЧИТЫВАЮТСЯ И СОБИРАЮТСЯ ДОЛГИ.*

Джон Рёскин в своих знаменитых «Письмах к клиру» сказал очень немало. Но нигде он не привёл проблему к её полному разрешению. Я нашёл его в учении квакеров о «непротивлении». Но сколь безнадёжной представилась мне перспектива! Как и все люди, квакеры поддерживали нынешнюю систему собственности; как и все люди, самые современные социалисты не поняли и осудили «непротивление». Я оказался один, в недоумении. И тут, на фоне вихря перемен: бизнеса и поездки за границу, я натолкнулся на сочинения Толстого «What I Believe», «What to do» и «The Kreutzer Sonata» и нашёл в этих книгах, обильно инкрустированную подробностями личного опыта и теоретического обоснования, ту самую концепцию, к которой я уже был приведён. В конце концов, девять лет назад, я оставил торговлю и осел в лондонском Ист-Энде, изучая общественные условия и возможностей работы для дела, в котором я чувствовал себя совершенно одиноким, если не считать единственного знакомого: Толстого в России» (цит. по той же книге, всё в моём переводе).

Да, именно так он и сделал... Снова, у Бога ли, или у дьявола, но только у кого-то сильнейшего, чем сам Кенворти и все его социалистические друзья – оказались свои планы на ДКК. На родине он... совершенно «отходит» от околдования американской пропагандистской и околполитической свистопляски и... «срывается с крючка» политики, уже прочно возвращаясь к вере – и к Толстому! Ещё один судьбоносный шаг...

Да, он поселяется с семейством именно в ист-эндском Лондоне, а точнее – в бедняцкой дыре под наименованием Плейстоу, близ церкви Сен-Эндрю. Бедняков для поддержки и агитации он выбирает не простых: в 1892 – 1894 гг. мы видим его постоянным участником жизни университетской общины взаимопомощи Мэнсфильд-Хаус (официально на их вывеске было намалёвано следующее: «Mansfield House. University Settlement in East London - Canning Town»). Община имела характер не только хозяйственной, но и просветительской и религиозной организации, старавшейся, чтобы каждый угодивший в неё бедняк как можно скорее уже «be prepared for fully understanding that Fatherhood of God which was revealed to the world through Christ». Конечно, более полезными учреждениями, нежели обязательные проповеднические сборища, были страховка, касса взаимопомощи, «Cricket and Football Clubs for younger men» и многое-многое другое.

Вот, для примера, недельное расписание занятий в общине на зимнюю сессию 1891 – 92 гг.:

SUNDAY

- 9.00 — 10.45 a.m. Adult School.
- 3.00 — 4. 00 p.m. Pleasant Sunday Afternoon.
- 6.30 — 8. 00 p.m. Children's Sunday Evening.
- 6. 00 — 10. 00 p.m. Club (Reading Rooms) open.
- 8.15 — 9.30 p.m. Lectures, Discussions, Sacred Music, Social Conferences, &c.

MONDAY

- 6. 00 — 10.30 p.m. Men's Club open.
- 7. 00 — 9. 00 p.m. Carpentry Class.
- 7.30 — 9.30 p.m. Shorthand Classes.
- 8. 00 — 9. 00 p.m. Social Economics Lecture.
- 8. 00 — 9. 00 p.m. Harmony Class.
- 8. 00 — 10. 00 p.m. Orchestral Society.

TUESDAY

- 6. 00 — 10.30 p.m. Men's Club open.
- 7. 00 — 8. 00 p.m. Book-keeping Class.
- 7. 00 — 9. 00 p.m. Carving Class.
- 7.30 — 8.30 p.m. French Class (Elementary).
- 7.30 — 9. 00 p.m. Shorthand Class (Elementary).
- 7.30 — 9. 00 p.m. Poor Man's Lawyer.
- 7.30 — 9. 00 p.m. Mutual Aid Committee.
- 8. 00 — 9.30 p.m. Three R's Class.
- 8.00 — 10.00 p.m. Popular, or University Extension Lectures.

WEDNESDAY

- 6. 0 — 10.30 p.m. Men's Club open.
- 7. 00 — 8. 00 p.m. Machine Construction Class.
- 7. 00 — 9. 00 p.m. Carpentry Class.

7.30 — 8.30 p.m. Latin Class.
7.30 — 8.30 p.m. Mathematics Class.
8. 00 — 9.30 p.m. Drawing Class.

THURSDAY (** Early Closing Night.)

2. 0 — 10.30 p.m. Men's Club open.
8. 00 — 10. 00 p.m. Happy Evening for the People.

FRIDAY

6. 00 — 10.30 p.m. Men's Club open.
7. 00 — 8. 00 p.m. Book-keeping Class.
7. 00 — 9. 00 p.m. Wood-carving Class.
7. 00 — 9. 00 p.m. Bamboo-work Class.
7.30 — 8.30 p.m. French Class (Advanced).
8. 00 — 9.30 p.m. Three R's Class.
8.30 — 9.30 p.m. German Class.

SATURDAY

11. 00 — 1.00 p.m. Swedish Carpentry for Teachers.
2. 00 — 10.30 p.m. Men's Club open.
3. 00 — 5. 00 p.m. Football, &c.
7. 00 — 8.30 p.m. Penny Bank.
7. 00 — 8. 00 p.m. Sick Benefit Society.
8. 00 — 10. 00 p.m. Lecture, Discussion, or Concert.

В своём публичном обосновании деятельности и отчёте 1892 года члены общины настаивали, что «it affords an invaluable training for those whose lives are devoted to the ministry of the Gospel of Jesus Christ».

Без сомнения, участие в жизни общины было, действительно, an invaluable training, но плюс к тому и

великолепное brain purge после Нью-Йорка – и лично для Джона Колемана Кенворти!

Для общины он был не менее полезен. Используя свои старые связи, Кенворти в 1893 году привлёк к поддержке Mansfield House донаторов из родного Ливерпуля – прежде всего, коллег по Ливерпульскому благотворительному обществу Генри Ли Джонса.

В мэнсфильдский период Кенворти читает лекции для «Братства новой жизни» («The Fellowship of the New Life») и начинает сотрудничество с журналом с характерным евангельским названием «Seed Time» («Время сеять»).

В свою очередь, журнал знакомит Кенворти с творчеством и взглядами таких идейно близких лиц, как выходец из попов, поэт, философ, публицист и гомосексуалист Эдвард Карпентер (Edward Carpenter, 1844—1929), драматург и вегетарианец Бернард Шоу, религиозная пацифистка Олив Шрайнер (Olive Schreiner, 1855 - 1920), радикальный пацифист и такой же радикальный вегетарианец Генри Стивенс Солт (Henry Stephens Salt, 1851 - 1939), исследователь, пропагандист и защитник гомосексуалистов доктор Генри Хэйвлок Эллис (Henry Havelock Ellis, a.k.a. Havelock Ellis, 1859 - 1939) и ряд других.

Вот, для примера, образчик восприятия Кенворти состояния общественного сознания в Европе (из его статьи в этом же журнале):

«С сердечной болью слышим мы отрицания Карла Маркса, заглушающие для многих из нас речи истинных

пророков Возрождения («the true prophets of the Reconstruction») Карлейля и Рёскина. Оздоровление общества должно идти изнутри, от лиц и общин, служащих образцами новой жизни и приумножающих её, дабы в конце концов вытянуть и всё общество из болота отжитого».

А вот его, великолепная своей проницательностью и прямотой, презрительная сентенция против буржуазных «демократических выборов», из его статьи 1894 года для анархистского журнала «Freedom»:

«Почему мы должны тратить время, мысли и энергию на узаконенную клоунаду, состряпанную в Вестминстере игру, победителями в которой будут всегда эксплуататорские классы?»

И вот «конструктивная» альтернатива от мистера Кенворти, которая, несмотря на «социалистическую» фразеологию буквально «пропахла» Львом Толстым – не только по идейному содержанию, но даже и по некоторой усложнённости синтаксиса:

«Если когда-нибудь большинство мужчин и женщин объединятся по духу в братский Союз кооперации трудящихся на социалистических началах – это привело бы к подлинной революции отношений как в общественных нравах и отношениях, так и в формах хозяйствования и нанесло бы классовому и экономическому угнетению человека человеком более губительный удар, нежели все вооружённые восстания от начала мира».

Наконец, уже 1893 году Кенворти обобщает свой опыт общественной жизни, благотворительной деятельности, эволюции собственных политических воззрений и результаты экономических штудий под обложкой лучшей, быть может, но и роковой в его судьбе книги – «Anatomy of Misery. Plain Lectures on Economics» («Анатомия нищеты. Общедоступные лекции по экономике»).

Глава 2.
«ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ...»
(«Анатомия нищеты»
и начало общения с Л. Н. Толстым)

Книжечку эту лядащую (менее сотни страниц условно-полезного текста) нам охотнее было бы пропустить – из-за явной эпигонной неоригинальности её основных идей в сопоставлении с экономической концепцией кумира Кенворти – Джона Рёскина. Но... не получится. И не только потому, что в ней – истинный Кенворти, на своём, невысоком, но зато – СВОЁМ «максимуме»: своём пути жизни, популяризатора и практического воплоителя идей своего знаменитого соотечественника. Главное – в другом: именно эта книга, к глубокому несчастью Кенворти и его немногих истинных друзей (не интернациональных, как шлюхи, социалистических камрадов или русских «соратников» в толстовстве, а именно соотечественников и друзей!), была высоко оценена Толстым и вызвала роковое сближение с его русской командой – в первую очередь, с В. Г. Чертковым и Э. Моодом.

Итак, сперва скажем о содержании книги – кратко и схематично, в соответствии с её структурой.

В предисловии к переизданию «Анатомии нищеты», писанном в феврале 1900 года, Кенворти признаётся, что сам он из всех похвал своей книге наиболее ценит указание на то, что она устранила главный недостаток писаний Джона Рёскина, сведя их к СИСТЕМЕ. Автор не скрывает, что он сознательно ставил себе такую задачу: выявить со всею возможной рельефностью то значение «ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ» как основы, на которой держатся в целом наш общественный строй и экономические отношения», которое лишь обозначено в труде Рёскина «Последнему, что и первому». И не для того, чтобы подтвердить весьма субъективные выводы самого мэтра, но для того, чтобы послужить таким образом «возрождению понимания христианской доктрины непротивления злу насилием»...

Налицо прямое влияние Толстого с его некоторой “просвещенческой” наивностью: был ли когда-то истинно понят смысл слов Христа не одними честнейшими перед собой и искренними людьми, а ВСЕМИ христианами, пусть даже самыми-пресамыми «первоначальными»? Толстому хотелось верить, что – да, что лишь позднейшее, церковное, христианство было извращением его первоначального всеобщего истинного понимания ранними учениками Христа.

Кенворти выражает пожелание, чтобы его книга «всегда была связана с именами Рёскина и Толстого». Пожелание, сбывшееся только отчасти: с этими именами «Анатомия нищеты» просто даже необходимо

связывать, да только вот... КТО связывает-то? Многие ли читают или хотя бы помнят её в наши дни?..

Наконец, уже во вводной части Кенворти называет и предлагает читателю принять за аксиому принцип, «с которым, хотя бы теоретически, все должны согласиться как с необходимым условием оздоровления общественных порядков». И Кенворти, рискуя утратить тут же немалую часть своих читателей, называет его: это «максима, данная издревле и во многих формулах, таких как “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”». Применительно к экономике она означает, что «общественный строй должен обеспечивать равное благополучие всех его членов». Основа благополучия – равенство, опять же в его просвещенческом и толстовском понимании: равенство ПРАВ людей. В этом смысле он уподобляет общество организму, а своё исследование – деятельности оператора со скальпелем, определяющего посредством “анатомирования” экономических устоев общества «характер и степень заболевания в каждой его части, в сравнении со здоровым телом».

«Здоровый общественный организм ещё в действительности и на практике не существует, -- признаёт Кенворти, -- но мы создаём его в своём воображении, силой чувств и разума, для которого это совсем не трудная задача: понять, каким будет общество, утвердившее повсеместно относительно простой, но непреложный принцип общего равенства прав.

Задачей же особой важности для своей систематизации Кенворти признаёт обособление из сферы собственно экономических вопросов – вопроса о РЕЛИГИИ, под которой он, вслед за Толстым, понимает «истинное жизнепонимание и образ жизни в целом». Всё это нужно пастору для того, чтобы вооружить сознание своего читателя ориентиром, выраженным в формулировке, которой он начинает здесь, но которой же и заканчивает свою книгу: «никакого решения собственно экономических проблем быть не может без предварительного решения того или иного вопроса религией».

В курсе лекций Кенворти пять частей, заглавия которых позволяют понять логику всей книги: I. Принципы; II. Закон и собственность; III. Анализ современного производства; IV. Анализ современного распределения; и V. Реформа.

Наличие общего авторского резюме в начале V части делает для нас ненужным подробное изложение всей книги по частям. Приводим его полностью в русском переводе:

«1. Мы основывали наши соображения на том принципе, что общество должно регулироваться таким образом, чтобы в равной степени способствовать благосостоянию каждого своего члена. Для этого мы находим целесообразным, чтобы каждому человеку в его труде были созданы наилучшие условия, таким образом, чтобы способствовать его счастью и полному развитию его способностей. Мы также считаем необходимым для этого, чтобы материальное достояние, вырабатываемое

таким образом в обществе, было распределено каждому человеку в соответствии с его потребностями.

2. Мы обнаружили, что эти принципы, столь разумные и поэтому желательные в истинных интересах каждого из нас, нарушаются до крайности в нашей социальной практике. Средства производства и распределение, без которого люди не могут трудиться, и, следовательно, не могут жить, находятся под абсолютным контролем небольшого класса, который использует своё монопольное положение, чтобы присвоить себе весь продукт труда, за исключением той части, которая необходима, чтобы сохранить работника живым и работоспособным.

3. Это, как мы видели, осуществляется с помощью законов о собственности, которые принимаются и поддерживаются классом-монополистом, контролирующим общественное устройство. Этот класс в состоянии поддержать свои позиции и привилегии посредством силы, но апеллируя при этом к закону. Солдаты и полицейские, набранные из неимущего рабочего класса, позволяют использовать себя для отстаивания «права собственности» и, не ведая, что творят, превращают самих себя в инструменты, в орудия угнетения своих же братьев.

4. Мы, наконец, согласились и в том, что нынешнее ужасающее положение общества, такое его устройство, которое нуждается для своей поддержки в насилии, не может быть желательным само по себе. Желательные условия должны, как минимум, быть такими, какие люди будут поддерживать по их свободной воле.

Если мы хотим добиться реформирования общества, очевидно, что наша атака должна быть направлена на существующее законодательство о собственности,

вместо которого мы должны создать систему собственности, которая должна быть основана на доброй воле (goodwill) всех членов общества и осуществляться на практике исключительно миролюбивыми средствами».

(Kenworthy J. C. The Anatomy of Misery. – Third Edition. – London, 1902. – P. 88 - 90).

Наконец, в части V своего лекционного курса Кенворти последовательно критикует иллюзорные и доказавшие свою недействительность пути социальных преобразований: путь насильственной революции и путь пресловутого «парламентаризма», политической борьбы и законодательных ограничений произвола собственников.

Вот что говорит об этом Кенворти:

«Первым порывом угнетённых народов является – прибегнуть к силе, чтобы убить угнетателей или сломать их власть. История полна записей таких восстаний.

Но умы людей, страдающих под гнётом, устроены таким образом, что они не обращаются к оружию, пока не достигнут самой отчаянной нужды. Они позволяют себе дойти до края могилы, и только там пытаются развернуться. Сильный класс и может, и будет выступать против нарушения своих привилегий (как было с восстанием среднего класса в годы английской революции); но с порабощённым народом всё иначе. Народ поднимается, как всепоглощающая волна, но... лишь тогда, когда ему не остаётся ничего иного, когда

он достигает отчаяния. Так было в годы Французской революции.

Ни одна насильственная революция никогда не уничтожала угнетения. Восставшие классы никогда и не стремятся уничтожить его; их цель в том, чтобы поддержать собственные привилегии. Народные же восстания – это восстания невежд, не знающих, как положить конец угнетению. Мы можем принять за всеторжествующий в истории принцип то, что борьба и разжигаемые войной страсти уничтожают в людях правильное чувство, ясное суждение, необходимое для сотворения небезблагодатного общественного устройства. Насилие порождает насилие; удачливая толпа – не более чем инструмент в руках военного диктатора. Робеспьер – пророк Наполеона» (Там же. – С. 91 - 92).

Трудно сказать, повлиял ли на такие выводы ДКК именно Лев Толстой со своими религиозно-консервативными воззрениями на историю. Но, так как позиция Толстого в этом отношении не была оригинальна и «изобретена» им самим, то, вероятнее всего, у Рёскина, Кенворти и Толстого – просто были общие в этом вопросе наставники... Это могло бы стать темой самостоятельного исследования.

Итак, кровопролитие как путь к лучшей жизни – казнится, как всё неадекватное и чрезмерное. Но лучшим ли является путь английского парламентаризма? Как мы уже показали в предыдущей главе, Кенворти удерживал в его отношении громадный скептицизм. Это – обман трудящегося народа и самообман тех, кто реально таким путём хотел бы помочь ему.

Итоги парламентаризма в Англии, по мысли Кенворти, совершенно ничтожны:

«...В Англии с начала этого века ... были приняты бесчисленные акты парламента, якобы улучшающие условия жизни рабочего класса. Отмена закона о стачках и хлебного; расширение избирательного права; фабричные инспекции и контроль; народное образование; реформа законодательства о бедняках; эти и другие меры сейчас сделались законами в стране. Каковы же их результаты?

А они таковы, что рабочий класс по-прежнему без собственности; до сих пор существует невесть как, на минимальную заработную плату; по-прежнему, и даже больше прежнего, перегружен работой. Если, возможно, и сократилось количество рабочих часов, зато выросла интенсивность самого труда; если страдания фабричных немного смягчены, бремя переносится на вольнонаёмных и безработных. Крупные города, раковые опухоли общества, уничтожают людей трудового народа страданиями и деградацией в интенсивности, неизвестной прежним векам. Классовость по-прежнему полностью торжествует в парламенте и держит под контролем правительство.

Можно вполне обоснованно утверждать, что чистое преимущество, полученное путём действий в рамках политики, существует только на бумаге...» (Там же. – С. 93). По сути, никакой существенной реформы за целое столетие так и не было свершено, а коренную причину этого ДКК видит в том, что «законы для контроля собственников не работают, пока сама собственность остаётся в частных руках» (Там же. – С. 94). Кенворти

прибегает к такому сравнению: бороться парламентскими средствами с заведомо порочной по природе своей системой – это всё равно, что срубить по одному щупальца у спрута, вместо того, чтобы атаковать его сердце. И вот его общий вывод:

«Система, подобная современной нам, не может быть поддержана здоровыми методами. Её методами всегда были и будут несправедливость и угнетение, обман и коррупция – вот настоящие названия для того, что известно как «дипломатия» и «примирение». В атмосфере политики честный реформатор не может жить и работать; он утрачивает и честность, и целеустремлённость, и само представление о желаемых результатах. Невозможно бороться с системой её же собственным оружием, как нельзя сунуться пальцами в дёготь (в оригинале: “touch pitch” – P.A.) и не перепачкаться самому. Те, кто наиболее близок к лейбористскому движению, лучше всего знают беспомощность труда против парламента, коррумпированного классом богачей; они знают, что успешное политическое действие возможно только как результат создания здорового общественного мнения, которое должно смести весь нынешний государственный аппарат» (Там же).

Такой вывод способен направить мысль безбожного, неверующего автора... обратно к идее революционной борьбы. Но Кенворти, -- понятливый левёнок Льва Толстого-христианина, -- смело предлагает иной, третий путь. В оригинале книги он поименован: «PERSONAL CONDUCT». Это – не что иное, как «личные усилия каждого», активно и спасительно пропагандированные

Львом Николаевичем для России и всего
христианского мира.

Вот как убедительно обосновывает Кенворти если не
исключительность, то главенство именно этого пути к
свободному труду и радостной жизни для всех:

«Законы о собственности, которые мы подвергаем
критике, коренятся в мыслях, привычках и суевериях
большинства людей, богатых и бедных, угнетающих и
угнетаемых. Только когда эти мысли, привычки и
убеждения изменятся, наступят и улучшения.
Невежество и эгоизм в своём сочетании – вот два
поборника законов о собственности. <...> Ни сила
оружия, ни парламентские акты не в силах рассеять это
невежество, искоренить этот эгоизм. Тут потребен
исключительно свет разума, способный осветить
каждый тёмный закоулок человеческого ума» (Там же. –
С. 95).

Возжигает этот свет для себя и других каждый
человек, отрекшийся от поддержания словом или делом
насилованной или политической борьбы и обративший
все свои усилия – на СЕБЯ, своё нравственное
усовершенствование: в добре и разумности, в Боге...»

Автор, конечно, и слегка наивен, поверхностен, но
зато и неопровержим в своей этической аргументации:

«В обществе, которое должно быть, которое мы,
идеалисты, можем себе представить, определённые
правила поведения должны соблюдаться на уровне
потребности каждого человека. Так, для нашего

собственного блага и ради ближних наших мы должны соблюдать законы здоровья – воздержание, чистоту и деятельность. Кроме этого, должен быть соблюден и принцип справедливости в экономике: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» - «От каждого по его способности, каждому согласно его потребности». Только люди простые, правдивые, добрые, бескорыстные и могут повиноваться этим законам. Из-за неповиновения этим законам наше общество гибнет; единственная надежда на спасение – в возвращении к ним. Существует один человек – ВЫ САМИ и каждый из вас – кого вы можете сразу же привести к такой лояльности. Вы сами, лично, можете сделаться образцом жизни в истине. Своим личным примером и своими наставлениями вы сумеете отвоевать к истине разум и души других людей» (Там же, с. 95 - 96).

Весьма традиционна для Толстого и концовка книги, в которой Кенворти, как и его яснополянский учитель во многих из своих статей, отвечает на «убойный» (как представляется нашим оппонентам и по сей день) аргумент о «невозможности» жить человеку праведнику, как овце среди волков:

«Но – спросите вы – неужели я должен перестать бороться за деньги и имущество, как это делают другие люди? Неужели я должен отказаться от помощи закона для защиты своих прав и собственности? Должен ли я действовать в духе доброй воли по отношению к людям, которые поддерживают эту ненавистную систему? Должен ли я практиковать эти идеальные принципы в обществе, которое живёт по точно противоположным принципам? Ибо если стану делать так, я буду

рисковать собственной жизнью (В оригинале: “I take my life in my hands”. – P.A.); я стану овцой среди волков”.

Ответ, который вы дадите на эти вопросы, будет зависеть от вашего представления о цели вашей жизни. Экономические принципы, как мы уже видели, должны руководиться моральными соображениями. Мораль же, в конечном счёте, зависит от нашего жизнепонимания, так или иначе решающего для нас великую тайну: «Что с нами будет в бытии по ту сторону известных нам жизни и смерти?» («What is to become of us hereafter?») То есть, нравственность наша имеет основанием религиозные убеждения. Которые нам подскажут, что все экономические задачи именно в задачах религиозных обретают своё настоящее разрешение и – КОНЕЦ» (Там же, с. 96).

Так завершает Джон Кенворти свою книгу. Это – едва ли не всё, что он имеет сказать своим современникам, увлечённым социалистическими теориями или политикой. И это – не мало. Обличить самообман в общем-то добрых и неглупых людей и указать на НАСТОЯЩИЙ путь – это ОЧЕНЬ много. Беда только – не идут по нему те, кто УЖЕ связал себя с мирскими лжами. Да ещё и – отворачиваются от обличителя, как от мнимого противника, даже недруга... У русского Льва был ОГРОМНЫЙ «задел» социального статуса, семьи, писательской славы и прочего – чтобы, даже при самой радикальной из проповедей, не остаться в одиночестве... судьба же его английского левёнка – оказалась гораздо трагичней...

Несомненным украшением переиздания 1900 г. «Анатомии нищеты» стало набросанное Львом

Николаевичем к нему Предисловие. Именно “набросанное”, а не составленное: ибо СОСТАВЛЯЮТСЯ предисловия обычно с опорой на ТЕКСТ, на содержание той книги, к которой они пишутся. В случае же с толстовским Предисловием – всё было не так.

Любопытно в связи с этим, что даже старый исследователь В. П. Батуринский, современник первого русскоязычного издания «Анатомии нищеты» в 1899 году в толстовском журнале «Свободное слово» (№ 2), издававшемся одноимённым издательством В. Г. Черткова -- НЕ ЗНАЕТ этого издания! Это видно из его статьи 1908 года «Эйльмер Моод о Л. Н. Толстом» («Минувшие годы». - № 9. – 1908. – С. 92 - 127). Там, упоминая о переводческом интересе Моода к англоязычным сочинениям, переведённым по просьбе Толстого, Батуринский цитирует из его статьи примеры таких сочинений, среди которых – «О гражданском неповиновении» Генри Торо, отрывки из дневника Анри Амиеля, рассказы Мопассана... и, конечно «Анатомия нищеты» Джона Кенворти (называемая Моодом «брошюрою»). Называет Моод в этом перечислении и книгу Джона Морлея (Морли) «О компромиссе. В защиту свободы мысли», в связи с чем Батуринский тут же поправляет Моода: мол, ведь книга Морлея была переведена ещё в 1870-х годах, и безо всякого влияния Толстого (с. 104).

Вот так! И – «в луже» сам Батуринский! Ибо ТОЧНО В ЦИТАТЕ, взятой им у Эйльмера Моода, говорится следующее: «Ни произведение Торо, ни брошюра Кенворти не могли быть напечатаны в русском переводе» (Там же).

Это – скажем мягко и цензурно – не вполне так. Моод настолько проникся Англией, что не стал уточнять, что имеет в виду ПУБЛИКАЦИЮ В РОССИИ ПОЛНЫХ ТЕКСТОВ, а не публикацию за границей на русском языке. В полном же виде эта действительно остро-нецензурная статья Генри Торо была переведена на русский язык и на русском же языке опубликована – «Свободным словом» В. Г. Черткова, и даже на год раньше русской публикации «Анатомии» Кенворти – ещё в 1898 году!

Но Батурицкий хранит об этих довольно-таки НЕДАВНИХ (для него) изданиях гробовое молчание подцензурного имперского очкастого лошка... Это ж считалось антиправительственной и антироссийской агитацией толстовцев. Низзя было упоминать! И Батурицкий – покорненько молчит, пока Моод врёт...

Равно исследователи эпохи Совка-СССР (а “по наследству” – и теперешние, постсовковые) путают и раннее английское издание «The Anatomy of Misery» (Лондон, 1893), по которому с ним знакомился Толстой – с АНГЛИЙСКИМ же изданием издательства “William Reeves” 1895 г., а это издание – с изданием АНГЛИЙСКИМ ЖЕ по месту напечатания, но на русском языке – в чертковском же «Свободном слове» в 1899 году. И, наконец, это ПЕРВОЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ издание – путают с ДВУМЯ англоязычными переизданиями 1900 года, для ПЕРВОГО из которых (т.е. ВТОРОГО, считая от переиздания 1895 года, ошибочно считавшегося первым изданием) Лев Николаевич и написал своё Предисловие,

перепечатанное в этом же году и в ТРЕТЬЕМ англоязычном издании (ошибочно считавшемся вторым изданием), являющимся, таким образом, в общем числе, ПЯТОЙ публикацией книги в Англии, считая забытую первую и русскоязычную.

Говорить об официальном “second edition” 1900 года издательства «Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co» как о ТРЕТЬЕМ английском издании – можно только учитывая и первое, самое редкое и забытое – 1893 года. Но применительно к Предисловию Толстого и его опубликованию – следует учитывать и русскую публикацию в 1899 году, где оно – теоретически – тоже вполне могло бы появиться (Толстой задумывал его писание до 1900 г.). А так как официальное «третье» -- вышло ТОЖЕ в 1900-м, вослед за «вторым» (и с тем же предисловием Л. Н. Толстого), то исследователи по сей день допускают неточность, называя ТРЕТЬЕ англоязычное издание «Анатомии нищеты» (второе в 1900 году) первым, в котором появилось Предисловие. Для Толстого, следившего за изданиями Кенворти – оно было уже ЧЕТВЁРТЫМ (считая русский перевод, тоже английский по месту публикации), но для английского читателя 1899 года, для которого и второе издание 1895 года стало уже библиографической редкостью и казалось единственным (а о первом забыли, вероятно, и сами издатели), а русскоязычная эмигрантская пресса была неинтересна – оно было, в соответствии с указанием на обложке: «SECOND EDITION», и никаких гвоздей!

Херню пишут господа исследователи и тогда, когда утверждают, что своё Предисловие к «Анатомии

нищеты» Толстой и задумал не ранее 1900 года. Нет и нет, замысел был и раньше, когда отношения его с Кенворти были лучше, о чём свидетельствует вот это место из письма Л. Н. Толстого от 11 сентября 1898 года:

«Вчера, к стыду своему, в первый раз удосужился перебрать все свои письма и нашёл в них нераспечатанным прекрасное, особенно дорогое мне письмо Кенворти. Написать предисловие, хоть маленькое, к его *Anatomy of misery* для меня радость, и я знаю, что сказать. Нынче ночью думал об этом. Непременно напишу» (88, 125).

Не оставлен был замысел и в году 1899-м:

«...Милому Кенворти ... скажите, что я очень хочу написать предисловечко к его книге, но ещё не успел» (Письмо Черткову от 2(?) марта 1899 г., 88, № 545).

Неясно и то, из каких соображений комментаторы 34 и 67 томов Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого настаивают, что Предисловие Толстого для “третьего издания” (первого в 1900 году – т. е. того, которое *second*, «второе»...) «не было напечатано», а только написано Толстым. Да, он не отшлёпал его на машинке, а оставил в рукописи, но с рукописи-то оно БЫЛО опубликовано в книге 1900 года!

Советский исследователь Эрвин Зиннер ошибается не менее грубо и непростительно, связывая написание Л. Н. Толстым Предисловия к «Анатомии нищеты» Кенворти с переводом этой работы на русский язык и её

русскоязычной публикацией В. Г. Чертковым в Англии в 1899 году. «Грубо» -- потому что ошибка в целый год, потому что вряд ли удосужился в Ленинград смотаться и в чертковское «Свободное слово» хотя бы заглянуть. «Непростительно» же -- потому, что обстоятельства знакомства Толстого с книгой и написания к ней Предисловия связаны тесно с движениями международного социализма и еврейства, о которых профессор-еврей Зиннер вряд ли мог не знать.

Одним из тех, с кем поддерживал Кенворти эти сомнительные для христианина отношения, был Семён Исаакович Рапопорт (1858 - 1920), сын раввина, землемер и журналист, писатель-сатирик (в России это не только профессия, но, пожалуй, и указание на национальность...), сбежавший из России в 1891 году, как он пишет в биографическом словаре Венгерова: «по независящим причинам, связанным с моим еврейским происхождением». За границей он продолжил журналистскую деятельность, в том числе – и отношения с рядом российских изданий, которым высылал свой материал об английской жизни и социалистическом движении.

Толстоведам он известен в связи с деятельностью помощи Толстому в организации переселения духоборов, а также как переводчик толстовских сочинений «Краткое изложение Евангелия» («The Gospel in Brief») и «Повесть об Иване-дураке...» («Jvan the Fool»). Перевод повести Толстого «Хозяин и работник» он выполнил вместе с Джоном Кенворти (см. ««Master and Man». A story by Leo Tolstoy. Rendered from the russian into english by S. Rapoport and John Kenworthy, Walter

Scott, London 1895»). Другим их совместным переводом была статья П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 году», которая долженствовала привлечь внимание общественности к положению духовоборов (о этом эпизоде ещё поговорим ниже).

Именно по совету С. Рапопорта Кенворти в начале 1894 года отослал свою «Анатомию нищеты» в Россию, к Толстому -- с дарственной надписью: «Льву Толстому от Кенворти с дружеским приветствием. Сентябрь 1893» (Книга сохранилась в Яснополянской библиотеке – пешком дойти, рядышком, да хер доберёшься!.. не выдают... американская библиотека через посредство интернета оказывается ближе).

В марте 1894 пришло от Льва Николаевича ответное письмо (датировано 5 марта):

«Я ещё не получил оттисков ваших статей, которые меня очень интересуют, как и всё, что вы пишете. Я чувствую в вас родственную душу, и для меня большая радость быть в общении с вами. С большим интересом прочёл вашу «Анатомию нищеты» и, раньше чем получил её от вас, я достал эту книгу у одного книгопродавца и дал перевести её на русский язык. Сердечно благодарю вас за присылку. Я получил её своевременно. Моя книга — перевод евангелий — в настоящее время переводится в Петербурге профессором Тёрнером (Петербургского университета). Если ваш издатель напишет ему, то он сообщит ему всё, что касается её» (67: 61-62, № 62).

Несмотря на то, что мы не располагаем подлинными письмами Кенворти к Толстому (сдохните, весь ОР ГМТ,

суки!), в данном случае о главном содержании первого из них легко догадаться: Кенворти, вероятно знакомит Толстого не только со своей общественной и публицистической деятельностью, но и с планами переводов и издания сочинений самого Толстого. И первейшим из них, как мы видим, Кенворти выбрал – весьма неудачно! -- «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий». Это был «выбор сердца»: выбор “толстовца”, а не продуманного коммерсанта. Работу эту Толстой сам считал чрезмерно “перегруженной” богословско-филологическими изысками, и для «Братского книгоиздательства», чьё материальное положение оставляло желать много лучшего – она совершенно не годилась: во всяком случае, как «стартовый проект» в деле презентования сочинений Толстого-христианина английскому читателю.

Но Кенворти не задумался тогда об этом... Для него много значительнее была высокая похвала Толстого и его слова о «родстве душ». Вот как он сам пишет об этом в “мемуарной” части своей книги о Толстом 1902 года:

«Без преувеличения можно сказать, что это было похоже на руку, протянутую с небес. Я нашёл одного живого человека, которому я мог бы довериться вполне и наверняка, ибо осваивая всё больше и глубже его труды (тогда только явившиеся полностью на английском языке), я нашёл себя во всём, что было им затронуто, в безоговорочном согласии с Толстым. Любое различие, которое я чувствовал с ним, было только на уровне таких деталей, какие могут возникнуть среди

учёных, которые обсуждали бы наилучший способ писания греческим унциальным шрифтом».

(Kenworthy J. C. Tolstoy: his Life and Works. London, 1902. P. 215).

К 1900 году, когда ДКК, явившийся со вторым визитом в Россию, выцыганил у Толстого это самое Предисловие – Толстой уже позабыл нафиг, о чём конкретно тот писал в своих лекциях. Наскоро, с авторской датой “2 июня” (нового стиля, т.е. – до 21 мая), был набросан следующий текстик:

«Excusez la longueur de cette lettre. Je n'ai pas eu le temps de la faire plus courte», писал Мэстр своему королю.

Ничто не требует столь продолжительного труда, как краткость изложения значительного содержания, будет ли то дипломатическое письмо, художественное или учёное сочинение. А между тем в учёном мире, а вследствие того и в обществе установилось мнение, что только толстые томы могут быть авторитетными сочинениями. Обратное этого мнения представляет предлагаемая книжечка, дающая читателю не только более содержания, чем многие и многие томы сочинений, написанных на ту же тему, но и делающая то, чего не делают многотомные политико-экономические сочинения, — излагающая ясно и просто сущность экономических вопросов. Человек, который без предвзятых мыслей и с искренним желанием получить ответы на волнующие в наше время людей вопросы прочтет эту книгу, не только получит эти ответы и ясное понятие о том, что боль-

шей части людей кажется запутанным, но почерпнет ещё и нравственное руководство и поощрение к добру.

Мы все желаем лучшего, чем существующий порядок жизни. Для того, чтобы наступил этот порядок, нам надо самим быть лучше. Это единственное средство, и другого нет.

Вот эту-то простую, но всегда забываемую нами истину с полной ясностью и убедительностью доказывает эта книга» (34, 143).

Как видим, цитату Жозефа де Мэстра, с которой Толстой начинает своё Предисловие – с большим основанием следовало бы отнести к нему самому, а не к Кенворти и его «Анатомии нищеты». Предисловьице-то – БОЛЕЕ ЧЕМ кратко и общо... Тут вот видно хорошо, что Толстой – точно не безбожник: в погожие майские деньки или в начале лета, пребывая в гостях у родни в роскошном имении Пирогово (а именно там его и «накрыл» Кенворти), а потом, с 18 мая – балдея и дописывая статью «Рабство нашего времени» (о тяжкой доле трудового народа) в родной Ясной Поляне, Лев совершенно не стремился вспоминать содержание неких политико-экономических штудий, от которых за две мили разило лондонскими туманом и сыростью... Но уж – коль попросили... Чтоб зря не пропадало, он «убивает двух зайцев», параллельно готовя предисловие «к Японскому обзору политэкономических теорий нашего мира» (для книги Tentjaro Makato «Japanese Nations of European Political Economy»). Для Кенворти же он тупо: 1) вспомнил кое-как свои мысли и впечатления от знакомства с книгою Кенворти в начале 1894 года, и 2) «прикрутил» попутно и для солидности

чуток морализаторства в духе собственных идей нравственного самоусовершенствования – зная, что не «промахнётся», ибо писал-то Кенворти свои лекции под его, Толстого, и Джона Рёскина энд К° влиянием...

17/29 июня 1900 г. Толстой писал Кенворти: «Я написал небольшое предисловие к «Anatomy of Misery», но перед тем как послать его вам, я хочу перечесть книгу ещё раз. Если у вас есть свободный экземпляр, пожалуйста, пришлите его мне» (72, 386). Без сомнения, Толстой хотел это сделать для переработки своего наскоро набросанного Предисловия, но... лето и летние заботы и радости взяли своё. Пора, когда благодарить Бога за жизнь надо радостью под открытым небом, а не кабинетной писаниной... И Лев отсылает Кенворти свой набросок – КАК ЕСТЬ, и выбрасывает и его, и его автора из головы. Кенворти, вероятно, почувствовал это охлаждение к нему Толстого (вызванное навязчивыми сплетнями о его «сумасшествии»). Оценил он и тот факт, что книгу его Толстой или кто-то из семейства толстовского – куда-то после 1894 года заныкали, так что Толстой теперь просил выслать ему ещё один экземпляр...

Но важно подчеркнуть: то, что старик Толстой в принципе вспомнил тогда если не содержание книги Кенворти, то свои впечатления от неё – говорит о мощности этих впечатлений и в пользу самой книги. Кенворти тогда, в 1894-м, ещё больше усилил это впечатление, выслав на прочтение Толстому две другие свои книги: «От рабства к братству. Послание к рабочим» («From Bondage to Brotherhood. A Message to the workers», Лондон, 1894),

и сборник статей под заглавием «The Christian Revolt» («Христианское восстание», Лондон, 1894). Обе произвели на Толстого то же самое положительное впечатление. Впечатление должно было быть даже сильнее, ибо книги эти не были так «сухи», как лекции экономике (хотя и последние, надо отметить, читаются легко). Сборник презентовал Кенворти как публициста религиозно-анархического и отчасти социалистического уклона, а «От рабства к братству» -- ещё и как общественного деятеля (в связи с практикой в Мэнсфильд-Хаус).

Вот почему, кстати, нам представляются чистой брехнёй тиражируемые исследователями до сих пор сведения от Эйльмера Моода, что лишь «Анатомия нищеты» понравилась ему – «своей краткостью, ясностью изложения и систематичностью», а о «дальнейших произведениях» Толстой держался мнения, что они «несмотря на такие хорошие качества, уступают ... его брошюре». В отношении Толстого это – ТОЧНО выдумка Моода. Здесь сравнивается – несравнимое: публицистические статьи – с экономическими лекциями. Толстой критиковал их (ниже скажем и об этом), но ни в коем случае не мог их сравнивать с лекциями «Анатомии нищеты» по ОБЩЕМУ критерию «краткости» или «систематичности»!

Около 14 мая 1894 года Толстой рекомендует все три книги Кенворти в письме к одному из своих единомышленников, князю-сектанту Д. А. Хилкову. Содержание книг Кенворти он описывает как «проповедь христианства, как учения, изменяющего жизнь людей и всего общественного и государственного

строя, как последствия такого изменения», а самого Кенворти заочно аттестует так: «Очень даровитый и горячий и цельный, без компромиссов, человек» (67, №135).

Знакомит – по случаю – Толстой с писаниями Кенворти и одного из его соотечественников. Некто Джордж Ф. Гривс, сын капитана морской службы, служивший тогда клерком в Лондонском городском суде, спрашивал Толстого, в числе прочего, о его толковании Евангелий и английском издании их «Соединения и перевода». В связи с этим Толстой и вспомнил о Кенворти – и рекомендовал Гривсу его книги. «Мне очень радостно было найти в нём сотрудника» -- пишет он здесь о Кенворти (67, № 138).

15 мая Толстой пишет самому Кенворти свои впечатления и критики:

«Не знаю, как выразить вам ту радость, которую я испытываю, видя, что такой способный и искренний человек, как вы, занимается тем же делом, на которое и я положил свою жизнь, и положил не потому, что избрал это призвание, а потому, что это единственное дело в этой нашей жизни, которое стоит делать. Я полагаю, что вы находитесь в том же самом положении, и думаю, что наша задача заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, что в этой жизни не может быть другого дела, как помогать установлению Царства Божия, — того, которое не может быть установлено иначе, как прежде всего в наших собственных сердцах тем, что мы будем стремиться быть совершенными, как совершен Отец наш небесный.

Пожалуйста, сообщите, много ли у вас единомышленников. Живо ли религиозное чувство среди английских рабочих? Не заглушено ли оно социалистическими учениями? Мне очень нравится, как вы толкуете различие между христианством и социализмом. Нельзя достаточно настаивать на нём. Для того, чтобы христианство было могущественным, оно должно быть свободным от всякой примеси как догматизма, сентиментализма и евангелизма, так и социализма, анархии или филантропизма» (67, № 136).

Вот, и так противоречив Толстой – везде, начиная с первых писем Кенворти! В письме к нему самому он и Кенворти – РАВНЫЕ делатели в мире дела Божия, строители Царства Божия на земле. В письме же Гривсу, как мы видим, Кенворти «разжалован» в... просто «сотрудника», без пояснений. Практически-полезного (и то в потенциале...) «своего человека» в Англии.

А в дальнейшем, как мы покажем, «трудовая ценность» нового «сотрудника» станет в глазах Толстого снижаться... Ему нужен был – на время, пока Чертков не выехал в Англию – такой человек в Лондоне, но... «одноцентричный». Как Чертков. Кенворти же был – ДРУГИМ, человеком другой страны, культуры, иных, сложившихся до знакомства с Толстым, привычек и убеждений...

В то же время – Чертков обманывал и себя, и Толстого. Уже тогда. И – вплоть до семейной трагедии Толстых и смерти Льва Николаевича, в которые он, как умел, внёс свой чёрный вклад... Кенворти же – не

обманывал ни в чём. Ни в том, в чём совпадал с Толстым, ни в том, в чём хранил свою особость...

Можно быть уверенным, что Толстой не вполне осмыслил тогда (да и позднее – вряд ли...) всё РАЗЛИЧИЕ их с Кенворти положения, всю НЕОБЩНОСТЬ их в их якобы «общем деле». С последних чисел апреля 1894 г. Толстой с семейством слянял из богатого московского дома – в Ясную Поляну, на природу. Балдеть да пописывать... в то время, главным образом, Христианский Катехизис (так “скромно” Толстой называл в своём Дневнике черновик статьи, названной впоследствии ещё “скромнее”: «Христианское учение»). Он всё больше “зарывался с головой” в догму, в ТЕОРИЮ... вполне безопасную для него, если иметь в виду его авторитет, социальное положение, деньги, родню, влиятельных знакомых... При этом – уже эволюционировал в своих убеждениях, известных Кенворти по сочинениям 1880-х гг. Кенворти же – с максимальной искренностью намеревался следовать проистекающей из проповеди Толстого 1880-х социальной ПРАКТИКЕ. При этом он решительно рвал прежние близкие связи не только с социалистами, многими анархистами и сектантами не общих с Толстым убеждений, но жертвовал ВСЕМ: и личной жизнью (у его жены подрастали дети, заброшенные отцом... Софья Андреевна любила винить за это мужа, Льва Толстого... но у Кенворти это выразилось куда радикальнее!), и материальным благополучием, и репутацией... в конечном счёте, как оказалось – и душевным здоровьем.

Даже по тексту толстовского письма видно: это письмо состарившегося, ослабевшего, берегущего силы и

эмоции человека, закрывшегося в «раковину» устоявшегося образа жизни, отношений и идей. Если с образом жизни Толстой и мечтал героически “порвать”, то панцирь «идейности» из многих «чешуек»-идеологем был прочен. Им-то, помимо расстояния и принятого на веру вранья, и отгородился Толстой от погибающего Кенворти после 1900 года...

Следующее большое письмо Толстого Кенворти, от 8 июля 1898 года, знаменует собой уже открытое расхождение Толстого со своим ПРЕДАННЫМ львёнком.

Письмо это сочинялось Толстым примерно с 1 по 8 июля и сохранилось аж в трёх рукописях, включая копию, «заботливо» снятую для коллекции вездесущим В. Г. Чертковым. Оно было связано с получением двух корреспонденций от Кенворти: газет и двух писем, в которых он описывал успехи коммунитарного движения, в котором участвовал и с особенной радостью сообщало своём намерении организовать в Англии, свободно-христианские общины в духе научения Л. Н. Толстого.

В ответ Толстой – будто старается убить эту радость и этот энтузиазм Кенворти... отписав ему целую критическую проповедь, значительную часть идей которой, как нам думается, ему было бы актуальней довести не до религиозного человека и пастора в далёкой Англии, а прежде – до ближайшей своей свиты во главе с В. Чертковым, равно как и до большинства доморощенных «толстовцев», губивших ещё с 1880-х свои судьбы и души в разваливавшихся на глазах

общинах и не понимавших, отчего у них не вытанцовывается «трудовая жизнь в любви и единении».

Вот значительная часть этого значительного письма Толстого, в переводе на русский язык:

«Конечно, нельзя не желать наибольшего распространения того, что считаешь истиной, и не только отвлечённой истиной, но истиной практической, такой, признание которой избавит людей от их бедствий и даст им величайшее благо; но, как ни странно сказать это, ничто не препятствовало столько распространению истины, как слишком поспешное желание заставить других принять её.

Меня всегда поражали мало замеченные вообще слова Христа своим 70 ученикам, когда они вернулись с проповеди и хвалились своими успехами, говоря, что везде бесы повинуются им:

«Не ищите того, чтобы бесы повиновались вам, а того, чтобы имена ваши были написаны на небесах». Другими словами: не ищите внешнего, видимого всем успеха, не перечисляйте своих прозелитов, как церковники и армия спасения, а ищите того, чтобы быть в истине, никогда не отступать от неё, и успех, может быть и невидимый, будет, наверное будет, потому что, когда человек отыщет истину, действие неизбежно будет, хотя бы оно было и невидимо для него. То же говорят и слова: «Ищите Царства Божия и правды его, а остальное приложится вам», и слова: «Будьте чисты, как голуби, и мудры, как змии».

Истина, чтобы действовать на людей, должна быть полною, неурезанною, не сделанною à l'usage des gens du monde. [фр. в угоду светским людям] И это-то всегда забывается людьми. И это делает тщетным самые могущественные усилия. Драгоценна не та община, которую мы образуем в Туле или Croydon'e из близких по времени и пространству людей, хотя и такая община может иметь своё место и значение, но драгоценна та община

людей всех времён и народов, которые сходятся в единой истине, в которой я встретился с такими далёкими мне по месту и по времени людьми, и между прочим и с вами.

Община, предстоящая теперь человечеству, составляется не из людей, которые соберутся вместе для того, чтобы осуществить известные экономические, выгодные для них самих, цели, как тот [кооператив Brotherhood] Trust, о котором вы прислали мне описание; а из тех людей, которые рассыпаны везде и навсегда отреклись от всяких мирских целей и посвятили свою жизнь одному служению Богу.

Все самые величайшие начинания кончались не только ничем, но обращались против того дела, которому они хотели служить, только вследствие поспешности, вследствие желания людей поскорее обратить как можно больше других людей или, если не обратить, то сделать их по внешнему виду подобными обращённым. Так, ещё первый Павел начал урезывать требования Христа и приспособлять их к существующему порядку; так, но уже в огромных размерах, извратил христианство Константин *) для того, чтобы сделать его доступным себе и своему народу.

*) Константин I Великий (273—337), римский император, придавший христианству значение государственной религии.

Так же поступали все те вводители христианства в Англии, Франции, России, когда они почти насильно крестили свои народы. И так же извращают христианство все учредители и организаторы сект, от мормонов до армии спасения; это же было и продолжает быть главным тормозом для распространения христианства.

Будем всеми силами держаться сами, для себя, всей истины во всём том свете, в котором она открылась нам, и этот свет неизбежно будет освещать людей вокруг нас, и эта же истина неизбежно соединит всех нас, если бы мы даже об этом не

думали, потому что истина одна, и только она одна прочно соединяет людей.

Какие глубокомысленные и добрые начинания были начинания С. Симона, Фурье, Прудона, Robert'a Owen'a и сотни основателей общин в Америке, и что осталось от них? А как ничтожна была деятельность назаретского столяра, которого повесили за не понравившиеся властям того времени речи, а какие огромные последствия.

Анархизм есть поразительное знамение времени. Это начало разрушения старого порядка. А когда разрушается старое, нельзя строить. Одно, что можно, это указывать законность этого разрушения, возможность и необходимость новой постройки, и те основы, на которых она может быть сделана.

В такие времена, как наше, когда существующий порядок разваливается от своей собственной тяжести, то, что людям особенно нужно — это маяк, который звал бы их к себе. И вот этот-то маяк надо стараться не затемнять. Это самое значительное и плодотворное дело, которое мы можем сделать. Сбережём же на него все свои силы. Главное же напряжём все усилия и всё внимание на то, чтобы не отступить от истины, не умалить её, не поддаться сознательно ни на какой компромисс. — Если мы в жизни не будем в состоянии вполне осуществить ту истину, которую мы знаем, то пусть будет виною этому одно наше несовершенство и слабость, а не сознательное умаление, искривление истины. Будем искать Царства Божия и правды его и твёрдо верить, что остальное (включая в него воздействие на других людей) само собой приложится нам.

Ваша деятельность мне тем особенно дорога, что вы не боитесь исповедовать всю истину, без тех ограничений, посредством которых её делают бессильною. Мне очень понравилась поэтому ваша статья в «Новом методисте». *)

*) Толстой имеет в виду статью Кенворти в журнале «Новый методист», русский перевод которой был помещен в первом

номере «Архива Л. Н. Толстого» за 1894 г. под заглавием: «Чего требует теперь Христос».

Для того, чтобы огонь жёг, тот огонь, который Христос желал низвести на землю, нужно, чтобы он был огонь, а не потушенная, только дымящаяся лучина.

Один из признаков исполнения закона Христа — единение. А мы все разбиты на партии, сословия, народы, веры, секты, партии: политические, экономические, литературные, сословия: богатых, бедных, интеллигентных, народных, аристократов, vulgo народы, племена: разных цветов белых, чёрных, жёлтых... разные правительства, веры, секты: христианские, магометанские, еврейские, будистские и куча других, и еще в каждой — секты. Как же тут основывать секты, communion, не бояться этого, не бояться увеличивать разъединения. Напротив, главное наше дело: ломать все перегородки, отделяющие нас, держаться только того, что единит не только с христианами, но с будистами, магометанами, дикими. В этом христианство» (67, 165 - 171).

Вот так сам Толстой своим доктринёрством нанёс по живым и дружеским отношениям с Кенворти весьма болезненный и даже разрушительный удар. Если бы не Чертков, не предвидевший тогда ещё для себя высылки и будущей своей заграничной деятельности и поэтому организовавший ИСПОЛЬЗОВАНИЕ Кенворти для перевода и издания сочинений Толстого за границей — отношения могли бы угаснуть уже к 1895-му, а не делаться теснее. Соответственно, постигшая Кенворти к концу 1890-х годов экзистенциальная драма, возможно, не переросла бы в трагедию сумасшествия... Да и драмы разрушения отношений Кенворти с друзьями в Англии, разорения книгоиздательства, распада общин — тоже, вероятно, и не было бы: и издание книг Толстого,

и аграрные общины – всё было результатом сближения и личного общения несчастного пастора с Чертковым и Толстым. Но судьбе было угодно иначе...

Трудно отыскать в вышеприведённом письме Толстого, хоть ЧТО-ТО, что не представилось бы читателю высокой истиной: и религиозной, и социальной – и не нашло бы подтверждения в дальнейших событиях. Но, повторю: Толстой глядел на ситуацию глазами русского человека, исходя из обстоятельств и неудачных опытов общин именно в России. Специфики Англии 1890-х гг. он учесть просто НЕ МОГ. И насколько важно в индустриально-урбанистических условиях Европы людям христианского жизнепонимания держаться вместе и именно, что практически УПРАЖНЯТЬ свои физические и душевные силы в трудах и заботе друг о друге – этого он тоже не мог понять. Он мог бы ПРЕДОСТЕРЕЧЬ Кенворти от ориентации общин на аграрную сферу?.. но и это – нет: только не Толстой с его идеализацией «земельного» крестьянского труда!

Самое же ужаснейшее в этой позиции Толстого то, что он сам был не уверен в том, что Кенворти встанет именно на ложный путь. Ряд успешных в России общин и хуторов «толстовцев» -- казалось бы, только подтверждали его правоту относительно аграрного будущего освободившегося и «охристианившегося» человечества.

Вот его письмо от 18 августа 1894 года из Ясной Поляны – на один из таких хуторов, влиятельному «толстовцу» Митрофану Васильевичу Алёхину. В письме

упомянут и Кенворти с его планами просветительства и общин, причём – в исключительно положительных характеристиках, как один из «передовых людей»:

«Более ж всего меня радовало последнее время то, что в Европе происходит и явно обозначилось в последнее время христианское движение жизненное, т. е. проповедь изменения всего строя жизни. Такие люди — в Англии Кенворти, о котором писали в «Неделе» и которого книги мы переводим и будем распространять, другой Морисон-Давидсон — прекрасные две книги его, которые переводятся. Люди эти в сношениях с нами и совершенно разделяют наши верования. То же в Германии. <...> Мне кажется, что одновременно разгорается свет с одной стороны и сгущается мрак с другой: казни, розги, гонения за веру, поощрение убийств на дуэлях; в Европе безумная ненависть к анархистам с безумным приложением око за око» (67, 197).

И, несмотря на то, что сам во многом идейно сблизился в 1890-е годы с европейским анархизмом, Толстой, под влиянием писем Кенворти, достаточно критично отзываясь и о них в своём Дневнике, в записи 1 июля 1894 года:

«Вчера утром встал очень свеж, и пришли ряд мыслей о слепоте людей, борющихся с анархизмом уничтожением анархистов, а не исправлением порядка жизни, того самого, во имя безобразия которого борются анархисты» (52, 125).

Специалистам хорошо известен подобный ход толстовских рассуждений. Так он чаще рассуждал – о «революционерах»: как о паразитах, которых не следует

вылавливать и отправлять в тюрьму по одному, а от которых раз и навсегда можно избавиться посредством оздоровления жизни общества.

Наш вывод о том, что Толстой весьма неверно и неполно оценивал и экономические, и, главное, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ условия жизни британских толстовцев – подтверждает его письмо Дмитрию Ростиславовичу Кудрявцеву от 16 января 1895 года. Дмитрий Ростиславович, помещик в Херсонской губернии, промышлял тайным копированием и распространением запрещённых цензурой книг Льва Николаевича. Поэтому, ясное дело, его преследовали страхи полицейского обыска и ареста. Толстой «ободряет» Кудрявцева перечислением тех несчастных его единомышленников в России (Попов, Страхов, Иванов, Алёхин...) до которых УЖЕ к тому времени добралась полиция и сожалеет, что его самого (Толстого) всё ещё «оставляют в покое». И тут же добавляет: «Радостно мне последнее время очень то, что в Англии Кенворти и его друзья, в Австрии — Будапеште — Eugen Schmitt и вообще все члены кружка Religion des Geistes [нем. «Религия Духа»] совершенно совпадают взглядами со мною и ведут там ту же работу, встречая тот же отпор, хотя и в других формах» (68, № 14, с. 18).

Это всё та же произвольная надежда идеалиста-Толстого на то, что, раз уж люди приобрели ориентир в едином Боге – они непременно сойдутся и в социальных практиках служения Ему. Но практики-то как раз – теснее прочего были “привязаны” к конкретным экономическим и социокультурным условиям той или иной страны и были неизбежно – ОЧЕНЬ разные! Тот же

Кудрявцев был – «толстовец на час» (вскоре окончательно усравшийся со страху и отошедший от движухи), Эуген Шмит – социал-анархист, балующийся философией и религией (вполне типичное явление для тогдашней Германии). Кенворти же, напротив – уже религиозный человек, в то время уже – пастор Братской церкви в Кройдоне, не успевший и НЕ МОГУЩИЙ (по специфическим условиям именно Англии) совершенно порвать отношения с политикой в пользу жизни с Богом и в Боге. Его попытка «вырвать» общины из-под влияния не только социалистов, но и едва ли не всей английской жизни с её приматом торговли и промышленного производства – обернулись драмой распада общин...

Для Толстого же эта не «ложная», а просто ДРУГАЯ жизнь, из которой людям христианского жизнепонимания надо было ПО-СВОЕМУ и без радикализма выкарабкиваться и вести других к новому, разумнейшему её устройству – была попросту НЕ ЖИЗНЬ, анти-идеал, illth (в терминах Рёскина). Вот как он пишет об этом в Дневнике от 6 января 1895 года (в связи с новыми известиями от Кенворти, вызвавшими у него, как видно из этой записи, новый припадок скепсиса):

«Никольское. Получил много приятных писем: от Kenworthy, от Сергеевко и Stadling'a. Думал. Служба, торговля, хозяйство, даже филантропия не совпадают с делом жизни: служением Царству Божию, т. е. содействию вечному прогрессу. Жизнь истинная — в движении вперёд, в улучшении себя и улучшении жизни мира через улучшение других людей. Всё, что не

ведёт к этому, не жизнь, тем более то, что препятствует этому» (53, 3-4).

Но разве нельзя служить такому прогрессу иначе, чем российский грамотей-крестьянин? или выкинутый из университета молодой разночинный очкарик, подавшийся «в общины»? или помещик, заведший в своём хозяйстве гектограф? Если отказы одиночек от военной службы – служат «делу Божью», то отчего ему не могут служить – в английских условиях – «братские» электротехнические мастерские Кенворти? «братские» просветительские собрания в кройдонской церкви? «братская» прачечная? «братское» книгоиздательство?

Несомненно, Толстой тут был не чужд определённой стереотипности и зашоренности восприятия и даже своего рода эгоистической «монополии на Бога»: на знание того, что содействует «вечному прогрессу» и в чём он сам исчерпывающим образом состоит.

Жизнь уже в 1894 году вносила коррективы в эти его стереотипные представления. Вскоре уже весьма полезными представились Толстому связи Кенворти в политических и журналистских кругах. Произошло это в связи с преследованием в России очередного отказника от военной службы – одесского рабочего-корректора Ефима Николаевича Любича. Свой опыт отказа и борьбы за право не участвовать в службе Любич изложил в особых «записках», которые, в письме Е. И. Попову, Лев Николаевич советовал «переслать Кенворти» -- для опубликования за границей (67, № 265).

А сильнее всего Толстому припекло – на фоне усиливающихся преследований его единомышленников во Христе – когда у него явилось желание усилить распространение и влияние на умы своих сочинений за счёт их массовой публикации за границей, в издательстве типа того народного «Посредника», который, с благословения и при поддержке Толстого и Черткова, к тому времени уже 12 лет выпускал просветительскую литературу в России. Толстой так и назвал свою задумку: «международный “Посредник”».

Вот как Толстой хвастается своей задумкой перед единомысленным ему во Христе князем-сектантом Хилковым в письме к нему от 27 марта 1895 года:

«Ещё занимает меня последнее время то, чтобы составить программу изданий, как мы называем: международного Посредника. Издавать в Швейцарии, в одном формате, под одним заглавием, книги и брошюры на 4-х языках, русском, немецком, французском, английском, самым дешёвым образом, 1) разъясняющие смысл жизни, 2) указывающие на несоответствие форм жизни с её смыслом и 3) средства установления этого соответствия, не революционным и не государственным путём, а изменением своей жизни каждым отдельным человеком. <...> Что вы думаете о таком издании? Что вы вообще думаете? Мне недостаёт общения с вами» (68, № 50).

Но тут же, уже при самом замысле, Лев Николаевич почуял и весь гордо-суетливый нехристианский характер этого соблазна. Он ослаб и лишился важной опоры в личной жизни со смертью младшего сына

Ивана. Он растерял многих товарищей по христианскому делу. Ему недоставало общения с идейно близкими... Экзистенциальный вакуум требовал заполнения, и одних утешений духовной жизни явно недоставало... он не мог не уступить соблазну. Но и чуял, что это – соблазн, могущий повлечь зло. Вот интимнейшая запись этого же дня в его Дневнике:

«Письма к Кенворти и Шмиту с затеей Европейского издания мне не нравятся. Как будто в глубине души голос говорит, что это нехорошо. И я думаю, что нехорошо. Ничего не писал; но не доволен собою» (53, 14).

А тут ещё «сигнализировали» Толстому с Кавказа – о духовборах, тоже переживавших тогда поворотный в их судьбах кризис и нуждавшихся в гласной поддержке...

Как видим по этой записи, Толстой УСТУПИЛ соблазну: он написал в это день письма не только малополезному князю, но уже и двоим знакомым иностранцам, занимавшимся, по его сведениям, издательством (Шмиту он сообщил для сношений тогдашний адрес Кенворти: «Pitlake Bridge, West Croydon, London»).

Вот строки из письма Шмиту – своеобразная «история болезни» духовно ослабевшего в тот проклятый год Толстого:

«В последнее время я с нескольких сторон получил предложение денег с просьбой употребить их на полезное для людей дело. Вместе с этим у меня

всё больше и больше накапливается материала для статей, книг, брошюр: русских, немецких, английских (удивительна в этом отношении безжизненность французов) — одного и того же направления и духа, указывающих на невозможность продолжения существующего порядка вещей и на необходимость изменения его, и изменения не старым, оказавшимся недействительным средством насильственного низвержения его, а внутренним, индивидуальным, религиозным совершенствованием. (Я говорю не свою программу, а только выражаю один несомненно общий признак всех тех статей и книг, которые я получаю.)

То и другое обстоятельство: предложение денег и накопление книг и статей одного и того же характера и часто очень сильных, в числе которых занимают не последнее место и ваши, побуждает меня вернуться к давно уже приходившей мне мысли основать в Европе, в свободном государстве, в Швейцарии, например, международный не журнал, а издание под одним и тем же заглавием, в одной и той же форме, книг и брошюр на четырёх языках: французском, английском, немецком и русском, в котором бы печатались самым дешёвым образом все сочинения, отвечающие следующей ПРОГРАММЕ:

Существующий строй жизни подлежит разрушению. В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его.

Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и

арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей.

До сих пор для достижения всех этих целей употреблялись два средства: первое — насильственные революции, свержение людей, поддерживающих нежелательный порядок и замещение их другими, долженствующими устроить другой, желательный порядок жизни; и другое — состоящее в том, чтобы, не разрушая существующего порядка, вступая в ряды правительства, постепенно, понемногу достигать того изменения существующего порядка, которого требует человеческое сознание нашего времени.

Первый способ не достигает своей цели, потому что, во-первых, всякое насильственное разрушение существующего порядка вызывает в большинстве индифферентных людей реакцию, желание удержать во что бы то ни стало, какой бы то ни было ценой, существующий и даже существовавший прежде, когда не было пертурбаций, порядок вещей, и потому вызывает реакцию, только отдаляющую достижение цели.

Во-вторых, потому что люди, вступающие во власть при удержании прежней государственной машины насилия, очень скоро становятся столь же деспотичны, иногда ещё и более, чем сверженные. (Реакция большой французской революции против деспотизма

королевской власти, реакция Наполеона и реакция 15-го года, реакция после 30-го, после 48-го, после 81-го у нас и реакция теперь, после анархистских взрывов и убийств во Франции.)

Второй способ, состоящий в том, чтобы, участвуя в правительстве, улучшая, изменять его, ещё менее достигает своей цели, потому что люди, не только вступающие в ряды правительства с целью постепенного улучшения существующего порядка, но даже признающие правительство и пользующиеся его выгодами и уверяющие себя, что они пользуются выгодами правительства только для того, чтобы быть в состоянии видоизменить его и улучшить, — незаметно для себя, очень скоро и неизбежно, потому что вся жизнь их опирается на правительственном насилии, становятся не только <не> исправителями и изменителями насилий правительства, но самыми горячими защитниками его. Всё равно как если бы человек, взявшийся исправлять лодку, сидел бы и плыл в ней.

Люди в продолжение нескольких поколений, уже сознав ложность своего положения, стараются изменить его то тем, то другим средством, но ни то, ни другое не производит действия, и положение становится всё хуже и хуже. Существует же одно средство достижения этой цели, и самое простое и естественное, состоящее в том, чтобы оставить в покое государство и правительство и не думать о нём, а думать только о себе и своей жизни; уяснять себе цель и значение своей жизни и, соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь.

И удивительное дело, это средство, оставляющее совершенно в стороне вопросы о государстве,

правительстве, обществе, одно разрешает (и самым несомненным образом) все вопросы государственные, правительственные и общественные. Средство это, по отношению к вопросам государственным, правительственным и общественным, состоит в том, чтобы вместо того, чтобы насильственно разрушать существующий строй жизни или, желая разрушить или заменить его, на нём строить свою жизнь, — средство это состоит в самом простом приёме, который, казалось бы, первый должен бы был придти в голову людям, — именно в том, чтобы не участвовать в этом насильственном строе жизни, который мы отрицаем и хотим изменить.

Для того же, чтобы не участвовать в этом насильственном и ложном строе жизни, нужно 1) сознавать ясно смысл и назначение своей жизни, 2) ясно понимать, что в нашей жизни соответствует назначению нашей жизни и что противоречит ему, и 3) знать те средства, которыми возможно привести в согласие свою жизнь с требованиями своего сознания, и потому в предполагаемых изданиях печатались бы:

1) Сочинения, уясняющие религиозное сознание людей;

2) указывающие на несоответствие этого сознания с существующим порядком, и

3) разъясняющие средства изменения существующего порядка и осуществления нового, соответствующего сознанию строя жизни. Назвать эти издания можно бы было: «Возрождение» или что-нибудь подобное.

Такова приблизительно была бы программа этих изданий «Возрождения». Я знаю теперь десятки таких книг и статей; в том числе ваши, которые бы нашли

там место. Такое издание соединило бы в один фокус всех единомыслящих людей, теперь рассеянных и незаметных людей. А их много и становится всё больше и больше. И сила их великая, потому что будущее принадлежит им» (68, 63 - 66).

Титаническое и ОЧЕНЬ гордое начинание... Оно осуществилось только отчасти, в меньших масштабах. Но и в этих масштабах приобрело себе жертвы... об одной из них, собственно, мы и ведём здесь речь.

Среди толстовских адресатов этого же дня – и сам несчастный ДКК. Ему Толстой также отписывает – в много более кратком виде, чем Шмиту – свою программу «международного “Посредника”».

Это письмо Л. Н. Толстого связано и с ПЕРВЫМ ЭПИЗОДОМ в драматической эпопее перевода и издания Джоном Кенворти книг Толстого и его единомышленников в Англии. Оно было ответом на письмо Кенворти от 24/12 марта 1895 г., в котором тот, посылая Толстому первую часть только что вышедшего из печати перевода книги Толстого «Соединение, перевод и исследование четырёх евангелий» и собственную свою брошюру «Slavery: ancient and modern» («Рабство древнее и новое», Лондон, 1895), сообщает об учреждении им, совместно с несколькими друзьями, небольшого издательства «The Brotherhood publishing Co» («Братское издательство») и о намерении посвятить это предприятие распространению в Англии сочинений Толстого и его последователей.

Таким образом, сошлись один с другим два замысла: Толстого и Кенворти. Толстой почуял свой интерес в начатом английском пастором деле. Кенворти же – желал, вероятно, заручиться не одними словами поддержки, но и официальными разрешениями Толстого.

Толстой оценил перевод и издание своей книги как «превосходный», но тут же подчеркнул, что не считает это книгу удачной и подходящей для презентowania массовому читателю: «В ней много недостатков, которых я не сделал бы, если бы писал её теперь, но исправлять её уже не могу. Главный недостаток в ней — излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое-то слово именно так, а не иначе, надо понимать, а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним» (68, 54).

От разорения на этом издании Кенворти спасло разве что громкое имя Толстого. Книгу всё-таки покупали: из-за имени на обложке... А вот критика – обходила её опасливым или презрительным молчанием, о чём Кенворти жаловался Толстому в ответном письме от 3 мая (н. ст.) 1895 г., тут же придумывая этому своё объяснение:

«Ваше сочинение о Евангелиях встретило удивительно мало внимания со стороны критики. По-видимому, они не знают, КАК взяться за него. Оно

явилось среди других книг, как бы принесённое из совсем иного мира.

Тем не менее продано около 700 экземпляров, и несомненно сочинение будет иметь постоянный сбыт».

«Тем не менее», Кенворти надо бы было, обжегшись на этом первом опыте – поостеречься следовать в коммерческих предприятиях собственным предпочтениям. Но он не сделал этого, а Толстой, уже разаппетитившийся на перспективы массового издания за границей, только поощрял его (письмо 10 июля 1895 г.):

««Продолжается ли издание следующих томов «The Four Gospels» [«Четвероевангелия»]? Очень жалко бы было, если бы оно остановилось на первом томе. Неполнота более всего помешала бы пониманию сочинения. Я не удивляюсь тому, что книга эта так плохо продаётся. Это не может быть иначе. Книгу эту нельзя понимать, перетолковывая её по-своему; нельзя соглашаться кое с чем, отбрасывая другое, а надо принять всю, — не в её подробностях, а в её общем смысле, — или всю отбросить» (68, 117).

Этот первый эпизод совместной (неожиданно для пастора) с Толстым книгоиздательской работы Кенворти – начало очередного драматического поворота в его судьбе. Отношения с Толстым вышли на новый уровень. Толстой теперь уже не забывает о Кенворти, рекомендует его сочинения людям духовного поиска (например, Александру Макдональду в письме ему от 26 июля 1895 г.) и связывает его деятельность со своими интересами раскочегаривания по Европе

«международного “Посредника”». Всего через месяц после «программных» писем Шмиту и Кенворти, 28 апреля 1895 года, он обнадеживает князя Хилкова тем, что видит три «центра» деятельного единомыслия себе и Христу: «...Кроме Kenworthy в Англии, два немецкие центра: один в Будапеште, Eugen Heinrich Schmitt, а другой в Штутгарте, Грунский. Оба издают маленькие журналы и совершенно сходятся с нами во взглядах»; и поэтому, хотя «о международном издании ещё ничего не решено, но кажется, что это дело сделается» (68, № 79).

Продолжение этих отношений повлекло огромную переписку Толстого и Кенворти (всего пастор написал Льву Николаевичу не менее 40 писем, большинство из которых нам, к сожалению, недоступны) и двоекратное посещение им России – в 1895 и в 1900 гг. Переходим к описанию первого из посещений Кенворти России, а также ряда предшествующих ему и последующих обстоятельств, вызвавших его или связанных с ним.

Глава 3.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ. ПОМОЩЬ ДУХОБОРАМ. КНИГОИЗДАНИЕ

Зло по цепочке производит и вызывает зло – таков закон. Человеку, оставаясь человеком, надо быть или совершенно праведну и неколебиму, или уж – в отшельничестве от общества, чтобы хоть надеяться не пострадать за свои грехи от других грешных людей.

Чаще всего порочную цепочку зла запускает или человек, или система – глубоко порочные, проникнутые

в своём социальном поведении атавистическим зверством, животностью, всеми признаками всеторжествующего зооимперства своей атавистической психики. На уровне «политики», жизни и взаимосвязей крупных сообществ людей, такое зооимперство проявляется в деятельности разбойничьих гнёзд – «великих» государств, некоторые из которых даже именуют сами себя «империями», «рейхами» и т. п.

Такова была и Российская империя с её преступлениями (против Божьей истины) военщины, полицейщины, тюрем, казней и благословлявшей всё это лжи – научной и церковной, лжехристианской.

Те, кто так или иначе отщеплялись от общей вакханалии насилия и лжи – подвергались преследованиям как преступники или «сектанты». Среди них были и духоборы, преследование которых имперским режимом вызвало серию ответных мер со стороны Льва Николаевича Толстого и его единомышленников. В рамках этих мер были востребованы и услуги Джона Кенворти с братией. Он откликнулся – и сделал ещё шаг в ловушку и к гибели...

«На русское сектантское движение мы смотрим, как на одно из главных проявлений неуклонно усиливающегося и ничем не преодолимого роста духовного сознания русского народа; и верим, что в своё время, раньше или позже, но неминуемо рост этот должен привести к коренному его внутреннему возрождению» -- так супруги В. Г. и А. К. Чертковы мотивировали поддержку толстовцами сектантских движений в статье в журнале «Свободное слово»

(Свободное слово. 1903 г. № 4. С. 20). Коренное внутреннее возрождение, упоминаемое супругами Чертковыми, должно было привести к принятию народом ценностей и идей, исповедуемых и толстовцами, и представителями различных христианских сект, таких, как духоборы, штундисты и молокане. Задачей толстовцев же является как можно большее сближение и объединение близких по духу учений. По их мнению, у толстовцев и русских сектантов есть единая цель – духовное возрождение, которое принесёт внутреннюю свободу, при которой народ не станет больше подчиняться насилию правительств и лжи церквей. При этом толстовцы были уверены в поддержке сектантами их намерения обеспечить социальный переворот на ненасильственных, бескровных началах: «Сектанты, как люди религиозные, хорошо знают, что посредством ненависти, насилия и убийства невозможно достигнуть истинной свободы» -- так подчёркивали Чертковы общность идей ненасилия религиозного сектантства и толстовства (Там же, с. 21).

Сходство идей духоборов и толстовцев – очевидно и признаётся всеми исследователями. «Можно легко убедиться, -- писал ещё в хрущёвском Совке В. Клибанов, -- что эта программа в своих решающих пунктах совпадает с религиозно-социальным учением Л. Н. Толстого и сложилась под его непосредственным влиянием» (Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. — М. 1965. - С.106).

Духоборчество, как и многие иные прогрессивные течения мысли и общественные движения, зародилось

во второй половине XVIII столетия в землях будущей свободной Украины, а также на территориях губерний Тамбовской, Воронежской и Екатеринославской. Подобно «толстовцам», словцо «духоборы» первоначально было кличкой, которой награждали этих свободных, нецерковных христиан их противники, церковноверующие антихристовы рабы и слуги. Значило это сперва – «борцы с Духом» (ипостасью Бога по лжеучению церквей), но сами сектанты быстро изменили семантику этого прозвища на позитивное: «борцы ЗА Дух» (Бога единого). Духоборы открыто признавали, что официальная церковь лжехристианства «православия» с её идолопоклонством обрядов, икон и молитв на них, «таинств», пышных богослужений – исключает торжество в жизни Христа и первоначального учения его. Всё это – вредит торжеству дела Божьего в мире, как вредит и сама церковь как внешний «общественный институт», её ложь посредничества «духовенства» между Богом и людьми, поклонение мёртвому (умерщвлённому бессчётными переписками, искажениями и перетолкованиями) слову Библии. Духоборы завели, в противовес библейской дохлятины, свою Живую (животную) книгу, в которую включили псалмы и духовные стихотворения собственного сочинения.

Гонениям со стороны Империи духоборы подвергались практически с самого начала своего духовного исповедания. Их ссылали на поселение в Сибирь, на каторгу, в тюремные монастыри «на покаяние»... Только в 1801 году молодой царь-отцеубийца Александр I, заигравшись ненадолго в либерализм, выпустил Манифест об «амнистии»

религиозным «преступникам», под которую попали и духоборы. В следующем году им позволили поселиться в Таврической губернии, местечке Молочные Воды, выделив по 15 десятин земли, по 100 рублей на семью и освободив от податей на 5 лет.

К 1830 г. на Молочных Водах было 9 слобод и около 4000 жителей, имевших в своём распоряжении 49 235 десятин земли. Хозяйство их процветало, высок был и моральный уровень – как и у многих других религиозных колонистов в России, как и в поздних толстовских общинах, истреблённых новоимперским палачеством душегубца Сталина, на которого дробчат теперешние покоричневевшие, фашизировавшиеся в хлам, подпутинские «коммунисты»...

Разумеется, спокойно и счастливо им имперские разбойники жить не дали... При Николае I их объявляют «особо вредной сектой» и, особым императорским указом 1841 г., подвергают высылке на необжитые земли Закавказья.

Активная деятельность толстовцев по поддержке русского сектантства начинается в 80-е гг. XIX века, что связано с началом нового витка гонений на духоборов.

Летом 1895 года на Кавказе в Таврической губернии начались правительственные гонения на местные духоборческие общины. Начальной точкой будущего противостояния становится объявление в 1887 году в Закавказье всеобщей воинской повинности, когда к исполнению данных обязанностей были призваны даже духоборы, ранее имевшие

возможность выбрать службу, не требующую использования оружия. Первоначально духоборы подчинились приказу, однако, даже отправившись в воинские части, сектанты не собирались юзать пукалки, учиться антихристову делу человекоубийства. Подобное долго продолжаться не могло и постепенно большинство духоборов отходит от «соглашательской» политики. Их руководителем явился человек талантливый и фанатический – П. В. Веригин.

В ночь с 28 на 29 июня 1895 г. «большая партия» (большинство) духоборов под руководством Веригина осуществила торжественное сожжение оружия, сопровождавшееся пением псалмов. Услышав об акции, даже подчинившиеся было и исполнявшие военную службу духоборы отказались её продолжать.

Члены враждебной «малой» партии, злобствующие на то, что им не достались деньги общей кассы, наследованной Веригиным и большинством от прежнего руководства, донесли на них, как на зачинщиков вооружённого антиправительственного переворота. В Карской области донос этот не вызвал агрессивных действий со стороны имперской властной сволочи, но в Елизаветпольской были арестованы 40 духоборов, а в Тифлисской губернии над ними была учинена настоящая расправа, положившая начало гонениям. Конечно же лозунги отказа от военной службы, по мере развития конфликта, дополнились негодованием по отношению к правительству и царской власти вообще, что не могло не вызвать ещё более серьёзных мер. Всего в тюрьмы было брошено до 200 «зачинщиков восстания», а семьи их (около 4 000 человек) выгнали из

домов и расселили по аулам Горийского уезда, заражённым малярией, не выделив земли и запретив помогать друг другу. Запуганные местные жители также не жаловали принудпереселенцев, часто отказывая даже в приёме на работу батраками. До 2 000 человек из числа переселённых вскоре умерли от голода, тифа, лихорадки... Огромный процент погибших – дети, умиравшие также от дифтерита. Привыкшие к прохладному горному климату и переселённые в уезды жарких грузинских долин духоборы были чрезвычайно восприимчивы к таким острым заболеваниям.

Как только становится известным факт гонений на духоборов, на Кавказ отправляется один из виднейших представителей толстовского движения, замечательный Пал Иваныч Бирюков (по кличке «Поша»), первым узнавший о происходящих событиях. Целью его поездки являлось расследование истинного положения дел на Кавказе и сбор как можно более полной информации о расправах над духоборами. Его деятельность тут же привлекает к себе внимание имперских полицаев, но в решающий момент Поше удаётся смыться от них на пароходе.

В числе предпринятых Пошей с благословения Л. Н. Толстого мер был сбор информации о преступлениях империи в отношении духоборов. Так, выяснилось, что назначенные властями для контроля и поселённые среди духоборов в Карской области и Елизаветпольской губернии старшины вместо поддержания порядка и законности грабят духоборов, совершают безнаказанные преступления. Переселённых, судя по их состоянию, намеренно морили голодом: «У изгнанных

духобор нет иной пищи, кроме хлеба, и в том иногда бывает недостаток. У большинства уже появились зловещие признаки голодания: общее истощение и куриная слепота». Толстовцами были собраны данные по смертности среди духоборов в течение года с момента переселения. «На месте ссылки в Сигнакском уезде из 100 поселённых там семейств (около 1 тысячи душ) умерло 106 человек. В Горийском уезде из 190 семейств умерло 83 человека. В Душечком уезде из 72 семейств умерло 20 человек. Почти все страдают болезнями, и болезненность и смертность всё увеличиваются» (Бирюков П., Чертков В. Положение духоборов на Кавказе в 1896 году. Лондон, 1897. – С.10).

Но не менее важной проблемой духобор толстовцы справедливо посчитали ЗАМАЛЧИВАНИЕ их положения и КЛЕВЕТУ на них, распространяемую сторонниками имперской гадины Россиюшки. Духоборы преподносились обществу как религиозные «революционеры-анархисты», руководимые проповедями Л. Н. Толстого и Д. А. Хилкова (Там же. С. 13). Это была лестная для свободных христиан-толстовцев, но всё-таки неправда: сношения толстовцев с духоборами, их активное взаимодействие начались уже после протестных акций 1895 г.

Необходимо было всколыхнуть общественность – и в России, и за рубежом -- и расположить её к поддержке духоборов.

В письме от 14 июля 1895 г. князь Хилков сообщал Толстому со слов очевидца о тех насилиях, которым подвергались духоборцы, отказавшиеся от военной

службы. В ответном письме от 29 июля Лев Николаевич писал ему, что ни одна русская газета не согласится и не сможет напечатать правду об истреблении духоборов, а «если и напечатают, то с такими урезками, что пройдёт незаметно, -- но для того, чтобы статья имела влияние на тех, на кого она должна иметь влияние, нужно, чтобы она была написана строго правдиво, обстоятельно, точно».

«Одно, что я сделаю теперь, -- продолжает Толстой, -- это то, что по вашему плану напишу в Англию нашему другу Kenworthy и другому ещё о том, что на духоборов происходит жестокое гонение, и что если они хотят узнать подробности этого, то прислали бы корреспондента, направив его к вам с тем, чтобы вы уже направили его, куда надо. Завтра посоветуюсь об этом с Чертковым и напишу» (68, № 129, с. 131 - 132).

Как видим, ещё даже не услав на Кавказ верного Пошу Бирюкова, Толстой уже кумекает, как распространить впоследствии собранный им компромат на российский преступный режим. Судя по письму Толстого от 4 сентября другому толстовцу-радикалу, Митрофану Алёхину, он даже заготовил уже эдакий типовой, «болваночный» черновичок обличительной статьи – но тупо не хватало точных фактов, проверенной информации, а не слухов или газетной брехни. Пошу ждали со дня на день... Тем «другим», кого, наряду с Кенворти, хотел «пробомбить» его жареной инфой Лев Николаевич, был всё тот же Эуген Генрих Шмит, издававший в Будапеште журнал «Религия духа» и как раз тогда выступивший, вполне в

конкордате с толстовством, в защиту Альберта Шкарвана и других отказников от военной службы.

Фразеология Толстого в этом письме по поводу вдохновившей его перспективы объединения усилий с зарубежными пропагандистами – вполне себе революционная, заставляющая вспомнить блоковское: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...» или девиз известной революционной газетки, украденный из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». (Но только толстовское «пламя» подразумевало мирное, христианское ненасильственное сопротивление – ИНФОРМАЦИОННУЮ ВОЙНУ с несправедливым режимом буржуазной России.)

Толстой пишет, в частности: «Он <Шмит> написал теперь, как он называет это, манифест, в котором выражает — по случаю гонения на христиан нашего времени, отказывающихся от исполнения противных христианству дел, и в особенности суда над Шкарваном, — выражает всю нелепость и жестокость таких гонений. Он прислал мне этот манифест и на днях напечатает его. Мы же с своей стороны напишем, как сумеем, то же самое по случаю духоборов. Вы хотите написать министру внутренних дел. И прекрасно. Так не только будет одна искра, но несколько и, если угодно Богу, они загорятся. Загорятся ли они теперь, и увидим ли это пламя, увидеть которое томилась душа Христа, — дело Божие, но раздувать эту искру в себе, зная, что этим я зажигаю других, это наше дело и дело всегда радостное. — И даже, как оглянешься назад, видишь, что сетование о том, что не увидишь пламени, несправедливо. Пламя разгорелось и разгорается в

сравнении с тем, что было, но оно кажется малым в сравнении с тем, что оно будет и должно быть. В последнее время определились за границей, кроме многих разбросанных везде единоверцев, два определённые и деятельные центра: один в Будапеште — Шмит, и другой в Англии — Кенворти. Оба молодые, деятельные, горячие, даровитые и вполне совпадающие с нами центрами» (68, № 151, с. 154 - 155).

8 сентября Поша явился пред светлейшие очи – цел, невредим и с возделенным компроматом! Он оформил его в виде статьи «Гонение на христиан в России в 1895 году», к которой Толстой пришпандорил свой материал в качестве Предисловия.

Дальше всё пошло, как по накатанной колее. Толстой оправляется от очередной болезни, женит старшего сына Сергея, обдумывает творческие планы... а между тем брат во Христе Иван Михайлович Трегубов – переписывает статью Бирюкова.

Сохранилось письмо-запрос Толстого Кенворти на публикацию бирюковской статьи (с точной датировкой письма косяки, но, разумеется, это сентябрь):

«В последнее время на Кавказе происходило ужасное гонение на так называемую секту духоборов. Один из наших друзей ездил на Кавказ со специальной целью узнать об этом всю правду. Он составил описание этих гонений, а я прибавил к этому описанию маленькое предисловие. Мне очень хотелось бы напечатать всё это в наиболее распространённых английских газетах. В какую газету

вы советуете мне послать эту статью? Не взялись ли бы вы за это дело? Это сэкономило бы время. Я думаю, что вы находитесь в сношениях с г-ном Рапопортом, и он мог бы сделать перевод. Его переводы очень хороши. Статья будет содержать около 40 000 знаков.

Пожалуйста, отвечайте как можно скорее.

Искренно ваш

Лев Толстой» (68, № 169).

Кенворти децл запоздал с ответом (датирован только 26 сентября), а Лев уж дюже спешил... По сведениям из письма Толстого дочери, Марии Львовне, первый же переписанный экземпляр Толстой отослал Кенворти – «без разрешения Поши и без его имени», и не дождавшись ответа от самого ДКК. Другой экземпляр – уехал в Будапешт, Шмиту. Вослед отправленной статье полетели запоздалые «поправки» и дополнения (68, № 187). Уже 23 октября н. ст. при содействии Кенворти статья с прилагаемым к ней письмом Толстого была в переводе на английский язык опубликована в газете «Times» (№ 34715).

Благодарность и заочная – всё ещё – любовь Толстого были безудержны. Чертков пока в Англию не спешил, хотя уже и собирался (скажем об этом ниже), и яснополянский проповедник рассматривал Джона Кенворти как полезнейшего агента не только по распространению своих писаний и идей в английских читательских массах, но и по влиянию – через границу – на положение дел в России.

Новые предлоги для обращения к Кенворти не заставляли себя ждать. Так, в декабрьском письме к Толстому толстовец-радикал Трегубов напоминал: «Недавно я вспомнил, что Вы, Л. Н., были гонимы за свою веру и, главное, за ту любовь, которую Вы обнаружили во время голода 92 года. Попы и возбуждённая ими толпа называли Вас антихристом и собирались причинить Вам и Вашим помощникам вред» — и просил Толстого, не может ли он записать это и прислать ему». Толстой отвечал ему: «О моём гонении надо справиться у Фёдора Алексеевича Страхова. Он знает про священника, читавшего проповедь про антихриста. Всю статью вашу о гонениях мы хотим передать Кенворти, когда он приедет».

Это первое упоминание Толстым в письмах о подготовке визита Кенворти в Россию. И, разумеется, вызывался он не «на огонёк» или смотрины, и уж никак не за страховским говно-пасквилем против “попов”.

Зачем понадобился приезд и кто его готовил?

Судя по комментариям в томах старого Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, подготовленным частью ещё при жизни и под руководством и влиянием В. Г. Черткова, можно бы было заключить, что тот едва ли не «затащил» Кенворти в Россию, и всё-превсё устроил для его приезда, и его самого уломал... Но на деле – всё не так радикально. Да, Чертков помог в организации приезда пастора. Он и пригласил его, и частично (в один конец) оплатил проезд... Но приехать – хотел и должен был и сам ДКК. Не только для свидания с духовным наставником... Важно то, что Кенворти-

издатель испытывал и без исполнения просьб Толстого большие трудности, а Толстой, сам того не желая, -- приумножил их. Уже со статьёй о духоборах вышел косячок. Дело в том, что (как выше уже упоминалось) Толстой выслал «свой», дополненный и отредактированный, вариант статьи напрямую Кенворти, не оповестив П. И. Бирюкова. Пал Иваныч, в свою очередь, без согласования с паханом, отправил её другому переводчику, Маршалу (John Marshall — корреспондент английских газет в Петербурге, переводчик). В письме от 7 октября 1895 г. Толстой жалобится на это Черткову и высказывается за то, чтобы у Маршала текст отобрать, «предоставить перевод одному Кенw., тем более, что он пишет вчера, что с помощью Рапопорта, который переводит её буквально, он, исправив язык, напечатает её» (87, № 403, с. 332).

Маршал, завязав злой “узелок на память”, конкретно из этой ситуации таки выкрутился с честью: он подсуетился закончить перевод и, дождавшись опубликования перевода Рапопорта/Кенворти в «Таймс», свой перевод... выслал для публикации в Штаты. Тем самым он особенно угодил Толстому, желавшему скорейшего распространения сведений о духоборах по миру, и даже схавал от него печеньку благодарности в письме от 21 октября (68, № 203).

А вот Кенворти, по ходу, влип – только по иному... В письме от 19 – 24 сентября, на которое ответил вышецитированным письмом Лев Николаевич, Чертков торжественно объявляет дорогому учителю, что решившись всецело посвятить себя делу «распространения вокруг себя того света (писаний)»,

которым он пользуется, и думая о неизбежных, по его мнению, при этом аресте и ссылке, он усомнился в своём праве подвергать непосильным лишениям семью, и решил уехать за границу, где он думает продолжать дело редактирования перевода писаний Толстого на английский язык. «Дело в том, что, живя здесь, среди удерживаемого в темноте народа, я уже долее НЕ БЫЛ БЫ В СОСТОЯНИИ молчать, бездействовать» (87, с. 333).

Но тут же, в сделанной 24 сентября, перед отправкой письма, приписке хитрый Чертков будто бы “даёт обратный ход”: «За границу мы навряд ли поедem по своей воле. Это, кажется, была минута малодушия с моей стороны» (Там же, с. 334).

Тут «одноцентричный» друган Льва – будто в воду глядел... Уехать ему пришлось. И не по своей воле, таки да-а. Как преступнику... Но важно тут другое: в письме он явно манипулирует хорошо известной ему психологией «учителя», выцыганивая у того благословение на эвакуацию с семейством из “опасной” России. Скажи он однозначно: «Хочу ехать» -- Толстой обязательно наканючил бы в ответ, что и не хочет “терять” такого друга и помощника в России, и тосибоси...

А вот какую реакцию получил Чертков от ТАКОГО своего хода (цит. из письма Л. Н. Толстого от 7 октября):

«Получил ваше письмо, дорогой Владимир Григорьевич, об отъезде за границу и огорчился немного тем, что это отдалит (как кажется) меня от

вас, но с многих других сторон понял и одобрил это и увидал выгоды этого для дела Божия, как оно нам представляется. Я уверен, что ваша близость с Kenworthy только бы была полезна ему и делу и, может быть, осуществился бы международный Посредник, который должен рано или поздно осуществиться. <...> ...Мне кажется, что опасности вам от правительства никакой нет, что повториться то, что было сделано с Хилковыми, не может, и что если вы уедете, вас всегда опять пустят назад» (87, № 403, с. 331).

Итак, Чертков получил своё желаемое «скорее “да”, чем “нет”». Косвенным образом письмо подтверждало и надежды Черткова избежать более серьёзного, чем высылка, наказания за свою деятельность – благодаря заступничеству влиятельных особ, так или иначе связанных с ним или с Л. Н. Толстым.

Можно предположить, что активное участие в организации приезда заочно симпатичного Толстому Джона Кенворти было ответной печенькой Вовочки Черткова в пасточку Льву, таким гостинчиком за паханское “любо” в ответ на изъявление его (Черткова) пожелания уберечь семью и убрать собственную свою задницу из “припекающей” оную Рашки. Так как Кенворти, в свою очередь, “припекало” по поводу разрешения Толстого на перевод и издание им его книг в Англии, то обойтись он (Кенворти) мог бы и без такого посредника...

Кстати, и обходился. Пытался... Мы уже упоминали о письме Толстого Кенворти от 10 июля 1895 года – в связи с мыслями Льва Николаевича о публикации его

«Четвероевангелия». Письмо это было ответом на письма Кенворти от 3 мая и 27 июня, с последним из которых ДКК выслал Льву свои свеженькие переводы аж трёх его книг: блестящего «Отрочества», развесистой религиозной «В чём моя вера?» и отвратной «Ходите в свете, пока есть свет». Толстой по переводам шарить не стал, но обнадёжил своего адресата:

«Я, разумеется, очень рад вашему плану хорошего и, главное, дешёвого издания моих писаний на английском языке. Мой друг Чертков имел эту самую мысль, и вам хорошо бы было войти в сношения с ним, тем более, что нет человека, который бы так внимательно, серьёзно и так одинаково со мною смотрел бы на значение моих писаний. Он тоже хотел написать вам об этом деле. <...> Я охотно напишу вам a letter of authorisation [разрешение на издание], но не знаю, в какой форме выразить её, и потому пришлите мне образец такого письма, которое, подписав, я верну вам» (68, № 116).

В конце августа Толстой выслал «Братскому книгоиздательству» две авторизации на переводы Кенворти «В чём моя вера?» и «Ходите в свете, пока есть свет» (68, №№ 149 и 150).

Итак, без Черткова обойтись – попросту не удалось... Тот ещё доёрызал, боясь ареста, в имперской Рашке, – а безгранично доверявший ему Лев Николаевич УЖЕ сдал Джона Кенворти «тёпленьким» под контроль ближайшего дружочка. (Так что, намылся Владимир Григорьич лиять, не дожидаясь большого шухера – насчёт Англии и первенства там в глазах Толстого, по

издательским делам, ему уже и стрематься было бы впаду: дельце и так уж почти выгорело...)

«Kenworthy мне написал о том, -- накручивает Чертков в письме Толстому 18 ноября 1895 года, -- что чуть ли не с января они хотят начать новый ежемесячный журнал, ввиду вашего обещанного сотрудничества, и спрашивая, можно ли рассчитывать на статью от вас для каждого месячного выпуска. Я ответил, что НЕТ. Но вместе с тем убедился в том, что это издательское дело, которое они затеяли, настолько важно, что требует личного свидания с ним, Kenworthy, кого-нибудь из нас. И я решился предложить приехать ему к нам в Москву для того, чтобы он мог лично познакомиться с вами, и мы могли бы вместе обсудить желательную программу журнала. Я предложил половину расходов по этому его путешествию взять на себя, а половину со временем покрыть из выручки журнала. И я думаю, что хорошо сделал, потому что слишком жаль было бы, если б такое издание, которое будет считаться за границей вашим «органом», завязывалось без предварительно возможно более обстоятельных указаний и советов с вашей стороны. Я ему советовал приехать в начале декабря (ст. ст.), когда и я надеюсь быть в Москве» (87, с. 343).

Поначалу Толстой отнёсся к этому плану без особого сочувствия. Он писал Черткову 1 декабря 1895 года:

«Kenworthy уже писал мне о вашем плане выписать его. Мне это не очень нравится. Всегда боишься, что ничего не выйдет из стольких усилий, которые нужны для личного свидания» (87, № 406).

Но Чертков распознал такую близкую ему самому эгоистическую нотку в этом ответе, и решил – не отступать в перехваченной уже инициативе. Самое гадкое в этом моменте то, что, судя по его письму от 18 ноября, где он скулил, как не хочет расставаться с Толстым, он уже определённо в это время решил ехать за границу, и знал, что будет там продолжать то, что считал исполнением «воли Божьей» -- распространение истины Христова жизнепонимания, выразившейся в писаниях Льва Николаевича Толстого. Нужен ему был для этого конкурент в виде Кенворти? Определённо, не таким коршунам, как Чертков. Может быть, он рассчитывал на ПРОВАЛ личных переговоров Кенворти с Толстым? на дурное впечатление от английского пастора? Тоже нет. Всё куда тупее: он просто НЕ ДУМАЛ о последствиях. Кенворти был так полезен в 1895-м и угодил Толстому – значит, надо угодить пахану, устроив личную свиданку... а там уж, в Англии, тет – а – тет... Собственно, так он и расправился с Кенворти впоследствии, когда их интересы в «служении» Толстому столь конфликтно пересеклись...

К тому же договорённость с Толстым была насущно нужна, ибо каждый следующий ход Кенворти-издателя был неудачливей прежнего, и эти неудачи и возможные скандалы задевали и высокоценимого «учителя». Так, например, в письме от 1 февраля 1896 года Чертков известил Толстого об очередной склоке Кенворти – на этот раз с журналистом Джоном Мансоном (John Manson). Тот сделал в конце 1895 года запрос Толстому (письмо не сохранилось) в котором просил высказаться по поводу происшедшего тогда столкновения между

Северо-Американскими Соединёнными Штатами и Англией из-за границ Венесуэлы. На этот запрос Мансона Лев Николаевич разразился целой статьёй, известной под заглавием «Патриотизм или мир?».

Кенворти получил разрешение В. Г. Черткова и самого автора, Л. Н. Толстого, на публикацию статьи в собственном переводе в газете «Дэйли Хроникл». Уезжая в Петербург 7 января, Чертков взял статью с собою для перевода её на английский язык совместно с Кенворти. В письме к Толстому из Петербурга от 12 января 1896 г. Чертков сообщал: «Статью вашу о патриотизме Kenworthy возьмёт с собою», и 17 января: «Kenworthy уехал, очень довольный своим пребыванием в России.... Письма ваши к поляку и последнее о патриотизме мы вместе проверили (перевод), и он тотчас же отдаст в «Daily Chronicle» (потому что это наиболее распространённый орган), предварительно сговорившись с вашим корреспондентом».

Разумеется, Кенворти (не посоветовавшись с Чертковым) с радостью оповестил своего соотечественника Джона Мансона о том, что публикует ответ ему Л. Н. Толстого в своём собственном переводе и по собственной же инициативе. Мансон подчинился было тут воле Кенворти и Толстого, но... вскоре не вынесла его душонка журналюжная такой муки, и он вдруг заявил, что публикация Кенворти нарушает некие его «права» не только как журналиста, но и как адресата «письма Толстого», которым он продолжал считать новую статью Л. Н. Толстого. Частным образом (благо, по возвращении Кенворти в Англию они оказались близёхонько друг от дружки), Мансон огульно обвинил

Кенворти в использовании писаний Толстого для личной наживы. Именно так он и презентовал ситуацию в письме – кому? – разумеется, Черткову! Самому же Толстому он адресовал гневное письмо, в котором пригрозил ему принять «энергичные меры для того, чтоб установить моё право собственности на это письмо и на напечатание его согласно моему обещанию» (90, 361).

И вот тут-то Чертков повёл себя архихитрейше и... как будто «прощупывая» Кенворти «на слабака»: в Англию, самому Кенворти он (не спрашивая Толстого) послал телеграммой распоряжение немедленно УСТУПИТЬ Мансону ВСЕ права! А вот дражайшему Льву Николаевичу он отослал, вместе с жалобным письмом от Кенворти, собственное письмецо с вот таким вот плетением словес:

«Мне кажется, что для того, чтобы и в этом случае реабилитировать Kenworthy в глазах тех, кто его заподозрил в корыстолюбии, и в особенности на будущее время предохранять его от подобных подозрений, которые были бы особенно несправедливы и тягостны для него при всех предстоящих ему сложных хлопотах его при дальнейшем издании в Англии переводов ваших писаний – вам следовало бы вашей рукой переписать и подписать приготовленное мною прилагаемое маленькое заявление, выражающее не более, как действительную правду, и которое послужило бы ему в будущем как бы некоторой рекомендацией при вступлении в сношения со всякими издателями и т.п. в связи с вашими новыми писаниями, и устранило бы возможность нового заподозрения его в том, что он

корыстный аферист, что очень невыгодно отразилось бы на всём его деле.

(Если согласны на это, то пришлите мне для отсылки Kenworthy это заявление, так как я хотел бы прибавить ему от себя некоторые указания)».

Толстой от такого многоречивого напора – не мог не уступить. 29 января М. А. Толстая, по поручению отца, известила Черткова, что он дал согласие Мансону на опубликование статьи. «Папа находит, — писала М. А. Толстая, — что в таких случаях надо как можно скорее соглашаться, для того чтобы не вызвать неприятностей и дурных чувств» (90, 362).

В письме от 5 февраля 1896 г., писанном уже лично, старец Лев снова выражает Черткову своё согласие, а в Англию накануне отсылает следующее своё ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ, документ юридической, исторической, и трагической в судьбе Джона Кенворти, значимости:

«1896 г. Февраля 4. Москва.

Мой дорогой друг, Всем сердцем сочувствуя целям Братского издательства, я намерен предоставить в ваше распоряжение право первого перевода всех моих писаний, как до сих пор не опубликованных, так и будущих. Если бы вы нашли почему-либо более удобным, — например, чтобы обеспечить им более широкое распространение, — предложить первую публикацию каких-либо моих сочинений какой-нибудь английской газете или журналу, и если бы отсюда воспоследовала денежная прибыль, то я желал бы, чтобы эта прибыль

была употреблена на дело вашего Братского издательства.

Что касается дальнейшего права издания моих сочинений (т. е. после этой первой публикации на английском языке, которую я намерен предоставить в ваше распоряжение), то они становятся общественным достоянием, согласно с моим распоряжением, сделанным мною раньше, и которое я теперь желаю подтвердить.

Уважающий вас

Лев Толстой.

Москва, 4 фев. 1896» (69, № 16, с. 33).

Именно этим разрешением, как документом юридической силы и значимости, и пользовался и ИМЕЛ ПРАВО пользоваться Джон Колеман Кенворти в своей переводческой и издательской деятельности. А вот то, что над ним было сделано активно Чертковым и его кодой, а пассивно, соглашательски – и Львом Толстым... если не перед людьми, то перед Богом однозначно ПРЕСТУПНО!.. хотя и ОЧЕНЬ по-русски... Россия – щедрая душа, а русский ванда, поганец, вельми торюват... на всякое дерьмо!

Таким образом, как видим, сам «визит любви» Кенворти, состоявшийся ещё до инициативы Черткова и заявления Толстого, с 21 декабря 1895 года по 7 января 1896-го, не имел в деле Братского книгоиздательства того решающего значения, на котором настаивают до сих пор некоторые родные наши, расейские, исследователи. Устные выражения симпатии и договорённости ничего не решали, пока

Чертков буквально не подтолкнул Льва Николаевича к написанию официального разрешения для Кенворти на перевод и первую публикацию ВСЕХ его (Толстого) сочинений.

В результате всего вышеописанного скандала злосчастная статья Толстого была напечатана только 17 марта 1896 года – в том же самом «Daily Chronicle», в котором хотел публиковать её Кенворти, под заглавием: «Patriotism or Peace? Letter on Venezuelan Dispute». В письме к Толстому от 17 марта н. с. 1896 г. Мансон, удовлетворённый желудочно и всячески, выражает «дежурное» и лукавое сожаление о происшедшем «недоразумении» с Кенворти и о том, что статья появилась в английской печати так поздно.

Но это было лишь одно из первых таких «недоразумений», имевших своим содержанием отнятие у Кенворти его безоговорочных переводческих и издательских прав. И в каждом из последующих тоже были примешаны мутные русские дружки Льва Толстого...

Нельзя не рассказать немного и о самом визите ДКК в Россию, в течение которого была достигнута предварительная устная договорённость. И лучше всего – предоставить в этом деле слово ему самому, благо он потрудился скрупулёзно изложить уже в 1896 году обстоятельства своего свидания со Львом Николаевичем в книжке «Паломничество к Толстому», вошедшей затем, как отдельная глава, в капитальный труд Кенворти «Толстой: его жизнь и труды» (1902), которым мы и воспользуемся.

«Последние дни 1895 года. – так начинает Кенворти свой рассказ. - Я собираюсь в Россию, в первый раз. Деловое предприятие, а не простое любопытство путешественника (хотя, в немалой степени, и оно) отправляет меня в этот путь... Ибо я еду, чтобы увидеть Льва Толстого и его друзей и обсудить с ними пути и средства перенесения в Англию деятельности, которой они посвятили себя в России. Всего несколькими годами ранее, когда я шёл по мучительной стезе коммерции и только изучал христианские истины, которые Толстой, человек превыше всех людей, возвратил нашему веку, теперешнее моё поприще показалось бы мне восхитительной и несбыточной мечтой.» (Tolstoy: his Life and Works. - The Walter Scott Publishing C^o., Ltd., London and Newcastle-On-Tyne. – 1902. – P. 47).

Далее Кенворти вспоминает, в связи с предстоящим ему новым большим путешествием, о поездке в 1890 году в Америку, когда он, несмотря на довольство уже материально обеспеченного человека, всё более проникался отвращением к суетному образу жизни торговца и собственным попыткам «служить мамоне и Богу». «А теперь, когда моя жизнь полностью изменила своё течение, и я совершаю поездку по поводу такого предприятия, которое не связано с мамоном, что я чувствую? Нет тревоги – независимо от того, какой отрезок времени отделяет меня теперешнего от смерти; совесть в основном (но далеко не полностью) покойна и удовлетворена; и – радость в надежде встретить великую душу, в чьи земные очи я могу посмотреть без обиняков или задней мысли, со всею доверительностью» (Р. 48).

Как будто нарочно с этим возвышенным образом мыслей пастора входили в резкий контраст картины суетной и чувственной повседневности, которые он мог наблюдать, проезжая через Голландию и Германию. Германия запомнилась Кенворти огромным количеством военщины, устрашающими и мерзко дымящими заводами Круппа в Эссене и – трудностями в заказе вегетарианского обеда, усугубляемыми незнанием языка (Р. 52)

Въезжая в Польшу, т.е. уже в пределы Российской империи, Кенворти опасался за то, что багаж его будет обыскан и отобраны некоторые книги: «Robertson Smith and Westcott, which I had, might well seem dangerous, because incomprehensible». Но русские таможенные офицеры оказались куда понятливей, чем полагал Кенворти: едва взглянув на его благостную и наивную пасторскую физиономию – они пропустили его вовсе без обыска.

Варшава, «this capital of a conquered people» («эта столица завоёванного народа»), встретила Кенворти вполне себе русским морозом и приблизительно тою же картиной, что и в Германии: копошением ещё большего числа военщины, но теперь уже – русско-имперской (Р. 55).

Попутчиками Кенворти в поезде от Варшавы до Смоленска оказалось офицерское семейство, успевшее за время пути как минимум дважды шокировать английского пастора: с одной стороны они проявили очевидное «варварство», разлив себе чай не по чашкам,

а по невиданным ранее Кенворти дорожным стаканам; с другой же – сконфузили отличным знанием не только его родного, но и французского языка, который сам Кенворти выучить ниасилил (Р. 56 - 57).

У следующего встреченного уже по пути от Смоленска до Москвы офицера с семейством путешественник наш с радостью обнаружил в походной библиотечке «дозволенные» российской цензурой художественные произведения Л. Н. Толстого (Р. 58).

Под воздействием всех этих впечатлений Кенворти подъезжал к Москве в таких вот раздумьях:

«Как сопоставить реальность с моими предчувствиями? За эти пять лет, по настоящее время, я узнавал всё более и более Льва Толстого как романиста, автора «Анны Карениной», мастера в познании сердца и жизни людей; как последователя Иисуса, обнаружившего в Евангелии радостное решение всех проблем жизни; в качестве революционера, отказавшегося, как последователь Христа, от имущества, титула, друзей и известности; и как учителя, каждая книга которого переводится на многие языки мира и уловляет издали, как сеть или паутину, учеников для новой мысли и жизни. Я думаю о мировом движении, движимом толстовской мыслью и откликающимся на неё, и я говорю себе: «Теперь я смогу увидеть центр этой паутины: Толстого в работе и отдыхе, в теле и телесном поведении живого человека. Будет ли этот центр достойным всего того, что исходит от него и на него опирается?»

Нет, я не буду требовательным. Разве не знаю я о самом себе, как плохо моя настоящая жизнь могла бы служить иллюстрацией благороднейших моих дум, того, что я более всего и стараюсь говорить и писать? Великие слова и произведения, вышедшие из самой жизни, напротив, могут показаться незначительными, иногда даже ничтожными, -- разве исторический опыт не подготавливает нас к такой возможности? Что касается Толстого, творцы слухов, сплетен и скандалов во всём мире говорят о его неспособности жить по его собственной возвышенной проповеди, констатируя, -- всегда с кивком головы, долженствующим изобразить умудрённость жизненным опытом: «Ах, ну, мы же говорили вам; такого рода учение не имеет отношения ни к христианству, ни к обыкновенному здравому смыслу; итоги его – только вздор, и Толстой не лучше остальных сумасбродов; он следует за особенным своим капризом, который развлекает его, вот и всё». Что из этого может оказаться справедливым?

Но уже тогда, заранее, я чувствовал свою уверенность в том, что само это злословие есть не более чем выразившаяся таким образом несостоятельность умов, слишком ограниченных для того, чтобы суметь осмыслить великую жизнь. А наше дело больше, чем просто исследование великих вопросов жизни, -- а именно, поиск путей и средств обеспечения более свободных, продуктивных и всеохватных путей для раскидывания сети-паутинки истинных христианских мысли и жизни, над которыми трудятся теперь Толстой и многие другие люди» (Р. 59 - 61).

Морозным солнечным утром 21 декабря 1895 года Джона Кенворти встречал на вокзале «очень высокий,

хорошо сложенный мужчина среднего возраста, с бородой и усами, высоким лбом и волосами, отросшими до воротника» -- Владимир Чертков. Примечательно, что Кенворти без труда опознал Черткова в толпе народа – и вовсе не по платку в горошек, который Чертков повязал вокруг руки, как условленный опознавательный знак. Ведь барин-аристократ Чертков стремился, как правоверный «толстовец», одеваться «по-народному». И тем разительней и шутовски выделялся среди истинного народа! «По его дублёному пальто из овчины, шапке *a-la fés* из толстой серой ткани и здоровенным кожаным сапогам в нём сразу можно опознать единомышленника Толстого, практикующего опрощение» (Р. 61). Да к тому же вместе с ним вышел встречать пастора и неразлучный «Поша», Павел Бирюков: «*Beriukoff*, невысокого роста, с длинной бородой, одетый с головы до ног в какое-то тряпье» (Там же). Тут уж, как говорится, и слепой бы унюхал!

С Чертковым у ДКК языковой проблемы не возникло: тот совершенно говорил по-английски. А вот с Павлом Ивановичем удалось только кое-как обменяться несколькими словами на ломаном французском и английском языках. «Их приветствие тихо, но более, чем добродушно: это приветствие братьев; ибо мы знаем мысли и цели друг друга. Толстой выслаал для меня огромную шубу (*shuba*), с подкладкой и плотным, мягким, чёрным мехом, что я нашёл вполне подходящим к этому острому морозцу в тихом воздухе» (Р. 62).

Вторую половину дня пастор провёл в гостях у Черткова, неподалёку от толстовского дома в Москве, и смог убедиться в огромной разности судеб его и

«одноцентренного друга» Льва Толстого. Их объединяло только общее – как уверял себя ДКК – дело: «перевод, отбор писаний, и так далее...» (Р. 65).

Насколько субъективно-наивно смотрел Кенворти на Черткова и его просвет-легионеров и насколько тот стремился поддержать в английском госте эту наивность, хорошо видно из такой сентенции автора:

«Человек, с которым я говорю – тот самый, кто отдал свои имущество, жизнь, мысли и дела служения той истине, которую Иисус Христос принёс в мир. И все те, кто в России таким образом стремятся быть последователями мира и исполнителями, как он объяснил мне, находятся под запретом правительства; он рассказывает мне о страданиях и угрозах, которые даже сейчас, когда он говорит, переживают наши друзья, которые отказываются повиноваться правительству с тем, чтобы не стать ослушниками слово Божия: “Не противьтесь злему, но любите врагов ваших”» (Р. 65).

Наконец, вечером 21 декабря Кенворти был представлен Льву Николаевичу. Вот некоторые его мысли по пути в Хамовнический дом:

«Белый свет фонарей, земля под ногами и чёрная ночь над нами, а я вместе с Чертковым иду по широкой аллее. Пока длится наша беседа, я думаю о своих друзьях в Англии о которых я буду говорить с Толстым. Лица четырёх или пяти из членов нашей Братской Церкви в Кройдоне – будто живые передо мной; полагаю, что по причине верований и целей, которые

свели нас вместе. Их совместное имущество, дома, мастерская по пошиву одежды, типография — все их усилия жить честным трудом, исключаяющим несправедливость при распределении “ренды, процента и прибыли”, могущие иметь в братской общине высочайшие результаты, — всё это, как мне представляется, свидетельствует само за себя. Искренность и благородство тех моих друзей, которых я знаю наилучшим образом — вот что хотелось мне передать в беседе с Толстым, сделав ему этим истинный рождественский подарок: дать почувствовать и понять, что он, и все, кто сеет семена Истины, трудятся не напрасно! И даже если бы он мог не знать (а он знает на самом деле, как оно должно быть) несовершенство знаний, привязчивость и деспотизм привычек и нравов, старых злых мыслей, желаний и страхов, которые ещё разделяют нас и препятствуют нам, он всё же может быть уверен, что мы не смеем и думать об удовлетворении нашей работой, придавая ей не большее значение, чем разве только незначительных начинаний в деле торжества в мире жизни духа» (Р. 66 - 67).

Вот двойные створчатые двери «виллы» Толстого распахиваются перед ним, лакей принимает shuba с плеч английского гостя, и Чертков ведёт его «через длинный узкий боковой проход первого этажа и через приёмную, в довольно большую комнату с голым полом и со стульями, множеством книг и бумаг».

И вот — апофеоз дня и всей поездки: встреча двух манипулируемых жертв Черткова, старого ребёнка и ребёнка молодого:

«В свете единственной свечи, рядом с круглым деревянным столом в дальнем конце, я вижу тёмную согбенную фигуру человека с волосами рыхлыми, серо-стальной седины, утонувшего в кресле. Он поднимается; он представился мне высоким, худощавым, несколько сутулым, облачённым в длинную свободную тёмно-синюю блузу; мощные и грубые черты лица, глубоко посаженные глаза и рельефные брови; это Лев Толстой. Он вглядывается, приближается, узнаёт одного из нас; его глаза проясняются; наши руки соединились, он также рад. Он медленно говорит по-английски. Что же было сказано? Я едва ли вспомню. Его первые слова, которые я с радостью вспоминаю эти, или подобные этим:

«Я читал ваши книги. Вы один из тех, кто думает, как я».

Мои собственные слова не помню совершенно; от избытка сердца глаголили уста...» (Р. 67 - 68).

Чертков, разумеется, был расчётливо-пунктуален: привёл английского гостя прямо к five o'clock dinner, семейному обеду Толстых. Кенворти, наконец, отвёл душу на милых ЕГО желудку вегетарианских кушаньях и немало удивился тому, что обед для Leof Nicolai'tch (так на слух уловил Кенворти произношение членами семьи имени и отчества Толстого), его жены и детей обслуживали только два лакея: «Во многих английских семьях, даже среднего класса, можно наблюдать много большую церемонность» (Р. 68).

Вот впечатления пастора-львёнка от членов семьи Льва:

«Графиня на вид высока ростом и из породы тех, кто без труда несёт на плечах груз своего возраста; она бойка, энергична и явная госпожа. Она, среднего возраста старший сын, две старшие дочери, младший мальчик и девочка, а также два или три посетителя – ясно демонстрируют, что глава дома далеко распространила своё влияние на всех их, и они в разной степени и подчиняются ей, и пытаются отстаивать свои несходные позиции. Они все говорят по-французски, на языке, на котором я поддержать общий разговор не отважился; некоторые сносно говорят и по-английски...» (Р. 68 - 69).

На то, что обеда в дни посещения Кенворти были не совсем обычные по составу участвующих, указывает сообщение в письме Толстого жене от 28 декабря 1895 г.: «За обедом были тёмные: Леонила Фоминична [Анненкова], Марья Фёдоровна [Кудрявцева], Чертков с женой, Kenworthy, Поша...» (84, 247 - 248). «Тёмными», как известно, Толстой и члены его семьи презрительно именовали религиозных ходоков – сектантов, и в особенности «толстовцев».

Описание дальнейших событий и бесед с Толстым этого вечера подменено в книге Кенворти пространном рассуждением о нравственных достоинствах Толстого. Хороший признак того, что разговор, если он был, -- был СЕРЬЁЗНЫЙ. Не для массовых книжек и читателей...

А вот на следующий вечер Кенворти «ангажировал» для себя Чертков, дабы познакомить его со своим толстовствующим легионом, а легион, в свою очередь, – с английским «единоверцем».

Заседание, конечно, было тайным. Кенворти не называет адреса, где оно проходило. И стульев, разумеется, на всех не хватало: пастора приветствовали слушатели как сидячие, так и толпящиеся по углам и на всём свободном от мебели пространстве комнаты; всего их было 25-30 человек (Кенворти напрасно застеснялся пересчитать сборище точно по головам...), «четыре пятых из них мужчины». Народец сей, хоть и «просвещённый» Божьей истиной, в английском языке был, по большей части, унизительно «тёмен», и Кенворти пришлось прибегнуть к услугам переводчика, дабы донести до русской «духовной братии» («spiritual brethren») благовестие, как он пишет: «о людях, которых я знаю, кто, как и они сами, верят в Бога и Его справедливость и в учение и пример Иисуса, и кто ищет путь к праведной жизни» (Р. 72 - 73). С наивностью, равной разве что искренности, пастор внушал аборигенам полудикой Империи, что в России, по его представлениям, «человек может сравнительно легко обрести для себя трудовую жизнь в бедности, хотя бы где-нибудь среди крестьянства, на земле; в то время как в Англии нет непродажной земли, и даже если можно было бы купить землю, только в исключительных случаях и при счастливом стечении многих обстоятельств люди могли вообще жить трудом с неё».

Эти разъяснения были бы неизмеримо значительней и полезней для самого Кенворти, произнеси он их накануне, перед Толстым. Бог ведает – может быть, он и пытался с глазу на глаз растолковать “великому мужику” земли русской социопсихологическую и экономическую специфику условий, в которых приходилось выживать

английским единомышленникам Бога, Иисуса и Льва. Изнурительно-долго, стоя перед перетаптывающимся, ёрзающим, зевающим, сопящим, бздящим и т. п. легионом мессира Черткова Кенворти распинался о том, как они в Англии «вынуждены организовать систему мелкого обмена произведёнными изделиями (shopkeeping) в удобных для нас производственных отраслях, надеясь таким образом создать круг отраслей, в которых мы можем, в один прекрасный день, работать только друг для друга, освободив себя и всех кто захочет идти с нами, из рабства нынешних дурных условий труда и обмена его продуктами».

Наконец, пастор выдохся и захотел выслушать замечания и вопросы. То, что за этим последовало – повергло его если не в шок, то в ОГРОМНОЕ разочарование. Он встретил ВО ВСЕХ почти русских «единоверцах» тот же «барьер невосприятия», то же тупоумие, а главное – то же отсутствие ЕДИНСТВА в христианском религиозном понимании жизни, с которым сталкивался постоянно в Англии, в лице ХУДШИХ из тамошних его слушателей! Недолгое первогостевое околдование сорвалось с его очей: spiritual brethren, пасомая братия вдруг оказалась просто типичным РУССКИМ БЫДЛО-СБРОДОМ, вполне подобным тому, какой и на нашем уже веку и памяти, в 1990-е и 2000-е годы, собирался на территории бывшего Совка по облезлым «храмам», из которых только что выселили какой-нибудь склад, детский лагерь или венерический диспансер, пропахших сортиром и крысами Домам культуры или Политпросвета, чтобы, ёрзая залатанными, ушлёпанными русской грязью турецкими джинсами на перекошенных и заляпанных

скрипучих креслах, послушать очередного “мессию”, попеть с ним хриплыми, прокуренными «Примой» без фильтра глотками, “религиозные” гимны и “помолиться” в уссано-жёлтый, с грязными разводами, потолок... Торжество городского индивидуализма, невежества и омрачённости, прикрытое ритуалом МНИМОГО единства. Чем это лучше церковной лжи и самообмана церковных адептов? В России – точно никогда и ничем!

Ни о каком «общем деле» и его обсуждении не могло быть и речи: сборище тут же поцапалось друг с дружкой по «важнеющим» богословским вопросам. Кенворти ошарашено замолчал и только наблюдал русских «братиков», как некогда Христос – свиное стадо... «Своё слово произнесла дама, которая полагала, что Иисус был больше, чем человек; бывший офицер, который считает его не больше, чем человеком; человек, который принимает Библию как книгу богодухновенную, и другой, кто относится к ней “исторически”» (Р. 73 - 74). И так далее... Кое на чём, однако, сошлись: «Все считали, что люди должны жить честно и разделять плоды труда, как братья», но только – “люди” в целом, как абстракция, как всё человечество, но.. не ЛИЧНО они в их ЛИЧНО “положении”!

Вот вывод пастора по итогам этой ужасной встречи: «Все вместе, они были более поглощены, скорее, каждый своими идеями, больше озабочены внутренней работой своего ума, менее склонны к действию и обоснованию своей правоты, чем можно бы было ожидать от такой же группы, собравшейся в Англии» (Р. 74). Пытаясь оправдать их, добрый пастор называет их «мечтателями», созидающими уже новый, лучший мир:

«мирный путь к лучшему человеку проходит как раз через мечты мечтателей» (Там же.). Он явно закрывал глаза на различие между горящим верою ко Христу и Богу мечтателем и – обыкновенным городским и досужим мелкобуржуазным БОЛТУНОМ, каких полно в Москве и в наши дни, через 120 лет после описываемых в книге ДКК событий...

И только один – всего один! – из слушателей Кенворти, каким-то случаем оказавшийся в общем собрании, был, вероятно, достоин хотя бы этого благородного звания – христианского Мечтателя. Тот юноша не участвовал в общей склоке и брезгливо сторонился крикунов и спорщиков. Он не решался и раньше проронить хоть слово, и никто так и не услышал в тот вечер голоса его. Но очи этого единственного в чертковской толпе истинного русского Львёнка – встретились с львиными же, сияющими огнём разума и овеванными дыханием живой души, очами пастора... и были красноречивей всех звучавших в спёртом воздухе комнаты хриплых, сиплых, сытых, злых и пошлых голосов. Причащение совершилось... Правда, Кенворти тоже не решился заговорить с ним... да и юноша не оставил памяти брата Джона даже своего имени, но сам – поселился в ней, как чудесное свидетельство присутствия Духа в мире, как драгоценность, как маленькое живое сокровище, уже навсегда: «высокий, чернобровый, с прямыми волосами, в блузе без воротника, он своими бледно-голубыми глазами смотрел так тоскливо на иностранца, который говорил об истинах, которые сам он, возможно, понимал лучше, чем он» (Р. 74).

Нам никогда не узнать, сколько раз привелось потом, в Англии, английскому львёнку дедушки Льва, страдальцу, вспомнить львиные очи своего истинного духовного собрата: смотря в глаза одержимые, похотливые, злые – Черткова с его жонкою или кубышечника Эйльмера Моода; исконно-тупые или подло, затаённо-неприятные – своих, предавших его, соОБЩИНников в разлагавшихся ими и распадавшихся общинах; иронические, подло-торжествующие, ненаблюдательные – бывших «друзей» и камрадов по политической или благотворительной деятельности; равнодушные, отупелые, мёртвые – санитаров в психиатрических больницах, куда он был насильственно брошен на десятки лет удушающего страдания и где умер, забытый и неоплаканный только что перебесновавшимся «великими» войнами миром... Каждая слеза в его память – справедлива и свята!

Да, пастор Кенворти, свободный христианин Кенворти, делал своё христианское дело и в Англии, и в России: он сзывал ЖИВЫХ, могущих пробудиться к жизни истинной, жизни разума и духа, жизни в воле Отца. Да вот только – и тогда их, живых, оставалось в ЛЖЕхристианском мире не так уж и много... Большевизм убил или изгнал из России последних.

Немного обнадёжили Кенворти последовавшие в другие дни встречи с братьями-общинниками, как раз приезжавшими зимой в Москву для решения денежных и иных формальных вопросов, связанных с общинными землями. Эти люди «с земли» не только выслушивали Кенворти, но и задавали ХОРОШИЕ, правильные

вопросы по английскому хозяйственному опыту общин:
вопросы понимающих знатоков.

Это – те, на кого и тогда, в 1890-е, надо бы было ориентироваться и надеяться не одному Толстому и Кенворти, а и всей России. Не высмеивать, не вредить, не перевиравать ложью богословской или экономической, а – смиренно и любовно, с верою, учиться у них практике общинной, автономной, НЕЗАВИСИМОЙ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЛЮБОВНОЙ И ТРУДОВОЙ жизни. Но учиться русские дураки – НЕ ЗАХОТЕЛИ, Божью истину объявив (как и теперь многие делают в путинской Рашке) заведомой «утопией». После чего, в столетие с 1900-х по 2000-е теперешние годы, – устроили себе самую злую, гадкую, утопающую в крови, деградационную («модернизаторскую») большевистскую утопию, с метаниями от крайности в крайность и общим направлением на самопорабощение прозападной «урбанизацией», итог которой – городская мелко-рабская, подлая жизнь большинства, всеторжествующая оправдывающая его ложь (церковная и интеллигентская), нищие или вымершие сёла, азиатчина, разруха, омрачённость, болезнь, вымирание...

«All these men whom I meet seem to entirely agree with the conclusion of our English experience, which tells us that lasting examples of the new life can only be furnished by people who are truly religious, serving God with their heart, mind, soul, and strength, and loving their neighbours as themselves» (P. 75).

А вот НЕ ВАЖНО, на каком языке писал это ВАМ Кенворти! Первые ученики Христа, восприемники первоначального, ещё не извращённого церквями христианства – говорили с душою каждого человека, т. е. с исконно-Божьим и христианским во всяком разумном существе, дитя Божиим. И им не мешало различие языков! Не должно помешать и то даже, что Кенворти умолк для мира: для восприемничества Божией Истине не нужно ни речей, ни писаний. Часто – достаточно причаститься, заглянув в живые очи человека, взбудившего и возвысившего в себе Божье Дитя. В каждом из таковых – и несчастный наш брат Джон Кенворти, и Лев, и Иисус, и самый Бог. Они – уже не умрут, а ЖИВЫ ВСЕГДА! Только быдло мирское и деспоты его издыхают надёжненько...

Многосимволично и ещё одно событие московского периода первого пребывания пастора Кенворти в России. Он посетил представление пьесы Льва Николаевича «Власть тьмы» в народном театре.

Представление этой драмы, написанной Толстым ещё в 1886-87 гг., в театрах в 1895-м – было историческим событием. Причина проста: до 1895 года постановка её была запрещена в России «благодаря» особому доносу обер-прокуратора “святейшего” Синода, всеправославнuteйшего г-на К. П. Победоносцева. Победоносцев капал на мозги ксенофобного Александра III соображениями о «вредности» пьесы и для народа, и для иностранных зрителей и читателей, которые будут по ней судить о состоянии России. Винил он Толстого и в антиэстетичности, и в отрицании «общих идеалов», и в унижении народа...

Собственно, ничего нет более оголтелого по своей несправедливости, чем такие обвинения. Напротив, Толстой смотрел на народ с надеждой на его потенциал совершенствования, а удержание «власти тьмы» (кабалы, нищеты, невежества, безверия...) связывал не с исконной «повреждённостью грехом» человека (как до сих пор верят церковные веруны), а с конкретными условиями их повседневной жизни, навязываемыми им как раз такой «элитарной» сволотой, как Победоносцев. Корень зла он видел – именно в БЕЗВЕРИИ инвазированном в народное сознание такими, как Победоносцев и его церковники: в нежелании и неумении жить по-Божьи, в любви и братском единении. Церковники не учат народ ни словом, ни примером этой доброй, праведной жизни во Христе. Зато – участвуют в мирской эксплуатации трудящегося народа, его ограблении и обмане.

И почему бы иностранцам не знать, ЧТО творится в русских городках и деревеньках? Толстой ведь ничего не выдумал. Фабулу своей драмы он почти целиком взял из ПОДЛИННОГО уголовного дела, рассматривавшегося в Тульском суде. Он как раз был ЧРЕЗВЫЧАЙНО эстетически чуток, и редуцировал, смягчил в пьесе всё первобытное зверство, всю повседневную зоологию реальной русской жизни в реальной буржуазной Рашке. Его пьеса напоминает древнюю, античную драму, нацеленную не на шок и отвращение зрителей перед сценами, а – на катарсис и преобразование сознания зрителя через перцепцию сценических авторских переосмыслений. В сравнении с тем ГОВНОМ, с порнографией и пр., которое уже вовсю и без запретов

шло на рубеже 19-20 вв. в театрах России и не кончилось ДО СИХ ПОР – пьеса Льва Николаевича не только филигранна высочайшим мастерством драматурга, но и безупречна чистотой выразившегося в ней христианского нравственного чувства.

И прекрасно, что после снятия запрета её сразу увидело множество иностранцев – в том числе и из «враждебной» Англии. Это не толстовцы подстроили, чтобы отомстить. Это – воздаяние Свыше буржуазной имперской России! Оно НАЧАЛОСЬ триумфом в сознании иностранцев запрещённого в России Толстого. Оно ПРОДОЛЖИЛОСЬ в 1917-м и после, гибелью Империи, братанием на фронтах, террором большевиков, казнью царя Николашки с семьёй... расправой в сталинских казематах и мучительной гибелью в лагерях детей и внуков тех, кто ножичком или костерком расправлялся в Империи с книгами Льва Николаевича, а тюрьмой, побоями, штрафными ротами – с его единомышленниками... И воздаяние это НЕ КОНЧЕНО. Потому что не наступили ПОКАЯНИЕ и ПОНИМАНИЕ Толстого, исполнение его наущения о христианской жизни, а знание его христианских идей в путинской Рашке – меньшее даже, чем у многих его современников. Что ж! тем хуже... А чем хуже для наследницы имперского ящера и большевицкой гадины – тем лучше для больше любящих, знающих и понимающих Толстого современных просвещённых американцев, японцев, европейцев... Они хоть не вовсе безнадёжны... хотя при Толстом, казалось бы, было наоборот!

Кенворти – один из таких передовых людей Европы и мира. Он взглянул на драму Толстого – не церковным, лжехристианского «православия», взором и не зенками проспавшегося с перепиву или ночной ё...ли с марухой русского ваньки-дурака, для которого «всё так» и «нам не привыкать»... Он взглянул на неё – Львиными, христианскими очами. И понял больше в ней, чем большинство в самой России – и тогда, и по сей день. Вот отрывок из его пространных рассуждений – непосредственно о пьесе:

«Это трагедия незаконной любви, жадности, пьянства, убийства и другие распространённых ужасов, заполняющих газеты «цивилизованного» мира. В английском переводе пьеса представляется простой историей убийства, и вряд ли полюбится читателю настолько, чтобы он захотел увидеть её сценическое прочтение; на сцене, однако, она уже не представляется столь отталкивающей, ибо в действии она так убедительна, так правдива! Мораль этой игры, возможно, потерялась для некоторых утончённых людей, которые, «нюхнув» картины грубого преступления, описываемого простонародными словами, сказали: «какая гадость!» -- и пошли домой, чтобы там, с другими манерами и речью, принимать участие или потворствовать таким же преступлениям между собой. Мораль спектакля, как я её вижу, заключается в том, что всеми движения животного в человеке должен править страх Божий; что не наше одно личное удовлетворение, но и благополучие других, должно стать главной заботой человека; и что грех, в каком-то месте и на какое-то время, должен привести к горькому раскаянию, когда Высшая Природа будет рождаться из

низшей. Я могу понять, отчего люди, которые не признают за собой никакого греха, могут в удивлении отворачиваются от этой простой истории о неправде и покаянии; но почему обычным людям может это не нравится? возможно, они уклоняются от встречи с собственным подобием» (Р. 76 - 77).

Далее Кенворти критикует русскую цензуру и – профессиональный интерес! – недостатки английских переводов Толстого. И от этого – переходит к критике состояния трудового народа, и не одной России... Через восстанавливающую истинные смыслы призму «Власти тьмы» он взирает мысленным взором на Россию и видит... во-первых – «eighty million dumb, patient peasants» («восемьдесят миллионов отупевших терпил-крестьян»), живущих мучительным, подневольным, рабским трудом летом – лишь для того, чтоб кое-как пережить морозную русскую зиму.... а там – по новой, в природном цикле, как животные... но без свободы, которая есть даже у животных!

А в городах, центрах разбойничьего гнезда под названием «государство Российское», обитают те, кто так или иначе уже взобрались или хотят взобраться на шею трудящегося крестьянина и не отдавать настоящего труда самому: попы, военщина, торгаши, чиновники и т. п. сволота, а во главе всех – «батюшка» царь. (В оригинале: «And in the far-separated cities I see the splendid Tzar, the vestmented priests, the prying officials, the mechanical soldiery, the swollen traders, all of whom make the burden of grief which the peasant bears...» – Р. 78)

И всё это – якобы “по воле Божьей”, как дурят попы доверчивое им русское лошье! Да и не только русское: многие схожие неправды социального строя и оправдывающей, освящающей его религиозной лжи известны Кенворти и по родной Англии. И от имени всех угнетённых пастор-львёнок, бывший ещё и поэтом, восклицает (стихи перевожу стихами, но не дословно, передачей только смыслов):

When wilt Thou save the people,
O Lord of mercy — when?
The people, Lord, the people,
Not thrones and crowns — but men!

[Господь великий милосердья!
Ведь сам-то ты – не лиходей?
Зачем спасать спешишь ты троны
И раззолочены короны,
А не народ – простых людей?!]

Собственно, Кенворти уже приводил ответ на этот, отнюдь не риторический, вопрос – в другом своём стихотворении, которое поместил в своей книге «Анатомия нищеты». Если верить автору, получил он этот ответ и благословение на своё пасторское служение по Божьей воле, но... не непосредственно от Бога:

MAMMON

Молился и плакал я: «Боже! Прозреть
Хочу я от тьмы неразумного ока,
Которое магией грешной своей
Ложь – правдой, тьму – светом являет до срока...»

И после – дорогой, пронзающей ночь,
В пещеру сошёл; огонь там адский мерцает,
Там с свитой своей, с Неба изгнанный прочь,
Князь мира и лжи мировой прозябает.

И молвила свита: «Изволь вопрошать;
Бог правду ему повелел отвечать!»

Я смело вскричал: «О себе расскажи!
Всю суть и мотивы твои покажи!»

«Отец мне – корысть, а невежество – мать,
У жулика, труса я злу научаюсь,
Потребно мне слабых во прах обращать,
Пред сильными ж – сам я всегда пресмыкаюсь!

Вот всё, что могу я тебе рассказать.
То – вере твоей по заслугам награда!
Ты души трудящихся можешь спасать,
Поведав коварность хозяина ада!»

Он смолк. Я из мрачной пещеры исшёл.
Наставника поприще ныне обрёл.

(Kenworhty J. K. The Anatomy of Misery. Plain Lectures on
Economics. – Third Edition. – London, 1900. – P. 70.)

Иначе говоря, в торжестве в мире дьявола Маммона и «власти тьмы» повинен не Бог, а – отступившие от закона Его люди. Если люди живут по законам не Бога, а зверя: законам не для разумных человеческих существ, а для чувственных, малосознательных животных; если не умеют мудро и добро использовать

Божий дар разумности, не примешивая к светло-разумному поведению атавистически-звериное и, тем более, не подменяя им истинно-человеческого – то они всегда будут обмануты, и во зле, и в беде. Потому что человек от рождения – Божий и сын Бога по разумению и духу, А НЕ животное. И, ставя себя своими грехами, как зверька, под протекцию Зверя, сатаны, -- он актуализирует в его (сатаны) отношении к себе не ту же заботу, с которой рогатый князь мирского правит обитателями лесными, степными, водными и прочими, а – ЛУКАВСТВО, обман, зло. Сатана для человека лишь обманщик был от века...

Убеждённость в необходимости усилий для торжества в мире жизни истинной и вечной, жизни духа укрепилась в Кенворти и ещё одной беседой с Толстым, состоявшейся уже накануне отъезда пастора из Москвы в русскую деревню. Все рутинные вопросы были, видимо, уже обсуждены, и Толстой затронул один из аспектов религиозного мирозерцания ДКК. Вот эта беседа в передаче самого Кенворти:

«Он вызвал меня вчера, и почти сразу же поставил вопрос о предмете, который, в сравнении со всеми остальными, мне думается, большинство хотели бы обсудить с ним. Он сказал: «Ваши труды сильны и точны с практической стороны жизни, касаясь вопросов поведения; но вы, как мне кажется, не выразили в печати метафизическую составляющую вашего мировоззрения. Не то, что я нахожу ваши труды пустыми с точки зрения метафизики, -- вы, очевидно, держите в голове соответственные соображения; но мне хотелось бы знать, насколько глубоко ваша вера

выражается в отношении существа не одной настоящей жизни, но и жизни грядущей и её характера».

В ответ, я рассказал ему, как, много лет назад, я пришёл к выводу, что эта, телесная, жизнь ничего не стоит, если нет будущей жизни души после смерти тела; как я пришёл мало-помалу к возможности видения того, что в безграничности природы есть достаточно возможностей для такой будущей жизни, и что психология уже даёт нам, или, скорее, возвращает нам знание фактов, которые демонстрируют нам нечто, знаменующее действительность и характеризующее существо этой жизни; и что, в конце концов, мне кажется, что усилия следования учению Иисуса рано или поздно приносит установившееся убеждение, можно сказать, знание, что такая жизнь – есть. «Страх перед смертью растворяется в этом убеждении», – прибавил я.

Насколько я понял, с этим он был в основном согласен. «Ибо это важнее всего, -- говорил он, -- Без этого жизнь лишена смысла и разумного оправдания. Но истинные доказательства реальности будущей жизни будут отысканы не в спиритических явлениях, но каждым человеком – в самом себе, когда он следует законам жизни».

Он продолжал: «Если бы я увидел Христа, идущего к нам из соседней комнаты, я бы согласился быть отправленным в больницу для лечения. Я должен бы был считать себя в некотором смысле нездоровым. Но я постиг известную мне долю истины усилиями моего разума, и эти усилия подарили мне внутреннее просветление и убеждённость» (Р. 79 - 81)

Без сомнения, Толстой здесь проявил настоящее христианское понимание не только жизни и смерти, но

и самого Христа. В отличие, к примеру, от дурака Миши Новосёлова (1864 - 1938). Он причислен церковью православных к «святым» за то, что пострадал за своё фанатическое церковное идолопоклонство и был расстрелян атеистами-большевиками. Но пострадал-то он, вместе и со своим, и с младшими поколениями – прежде всего, за их ослушание Бога и Христа в 1880-1910-е годы: за то, что не жили по-Божьи не любили Христа и истину и не слушались его, исполняя учение. Большевизм с его вульгарным атеизмом – это только паразит, зародившийся на этом состоянии фактического безверия, независимости повседневной жизни большинства в дореволюционной буржуазно-капиталистической России от истин Евангелия.

В юные годы, с конца 1870-х, Михаил Новосёлов прислушивался к Льву Николаевичу, старался жить по Христу, участвовал в жизни толстовских общин, помогал крестьянам... После смерти отца на полученное наследство он приобрёл землю в селе Дугино Тверской губернии, где основал одну из первых толстовских общин. В общине состояло пять человек — типичных интеллигентов, уже развращённых городскими соблазнами и псевдо-религиозным воспитанием церкви (в которой, как и Новосёлов, просто временно разочаровались – по свойству юности с её отрицанием и максимализмом...). Опыт, РАЗУМЕЕТСЯ, оказался неудачным.

Вот что писал игумен Дамаскин (Орловский) о жертвах своей церкви и результатах её слабого, антихристового, полуневежественного «воспитания»-развращения и влияния:

«Как и следовало ожидать, община людей, не приспособленных к труду на земле, предполагавших, что крестьянский труд — это бесконечный праздник, пораженных тщеславием от набегающих помыслов об оказываемой будто бы ими помощи людям, а на самом деле не способных переносить наималейшие немощи друг друга, потерпела полный крах и рассыпалась».

Игумен здесь, как и положено слуге лукавого, лукавит: недоговаривает «малость». Члены тверской общины продержались ДВА ГОДА, за которые искренне пытались «наверстать» издержки своего воспитания в условиях лжехристианской цивилизации: НАУЧИТЬСЯ жить разумно, любовно, дружно, не отвращаясь ни от тяжести труда, ни от немощей плоти и духа друг друга...

Ну, и что? Как и чем благословили их ЯКОБЫ христиане православные да Русь-матушка?

Замечательный современный исследователь Ю. В. Прокопчук (ГМТ, Москва), изучивший переписку этих двух лет Новосёлова с Львом Николаевичем Толстым, свидетельствует: несчастный Новосёлов постоянно жаловался Толстому на то, что БЛАГОПОЛУЧНЫЕ в хозяйственном отношении общины терпят ежедневное воровство со стороны завистливых местных жителей. При этом местные власти не только не пресекают по своей инициативе воровство, но со своей стороны иницируют мелочные притеснения — зная, что свободные христиане не будут ни жаловаться кому-то, ни защищать насилием свою трудовую собственность...

Тогда уже создалась ситуация, повторявшаяся позднее и в схожих сценариях в рабьей, воровской насквозь и безжалостной России вплоть до конца 1930-х годов – до полного разгрома толстовского движения и гибели последней общины... «Издохните вы сегодня, а мы уж завтра», «нам хорошо не жить, так пусть и ваши коровы сдохнут...» -- вот выражения той морали «доброго», «христианского», церковью «воскормленного» народа русского, на которой смогла паразитировать сталинщина с её колхозизацией и лагерями принуд-труда и смерти...

Лично Сталин во всём у вас виноват? А ну вас, быдло...

Говнюк Евгений Полищук, заместитель главного редактора Издательства Московской Патриархии, в своей статейке о Новосёлове (<http://www.vladkan.ru/articles/10000023k.html>) неприкрыто злорадствует над фактом того, например, как троюродная сестра Новосёлова была уволена из земской школы – для того, чтобы повлиять на «сектанта», с которым была преступно «связана»... родством! Злорадство «христианского» автора вызывает и «недостаточная ОКУПАЕМОСТЬ» общинного хозяйства, связанная с неприспособленностью к физическому труду многих его членов. Или вот сентенция, апофеоз околонушной лжи путинских православнутах «учёных»:

«...Дороги Новосёлова и Толстого окончательно расходятся. Молчаливое неприятие крестьянами того чисто нравственного религиозного учения, которое

исповедовали общинники, духовная крепость народа, позволяющая безропотно выносить тяжелую жизнь, не могли не возбудить вопроса об истоках этой крепости...»

Иначе говоря, Полищук втирает, что зависть, воровство и суеверность (доверчивость попам и церковной мистике) трудового быдла, жившего окрест толстовских общин – те самые духовные скреППы, «с коими победим»...

Правда – гораздо спокойней и прозаичней. Как и многие, -- Новосёлов «не потянул» перед мирским соблазном «личного устройства» (семьи, материального благополучия, социального статуса...), несовместимого с последованием Христу. С середины 1880-х он уже искал повода, чтоб картинно, публично и якобы «аргументированно» порвать с Толстым.

Повод, конечно, был отыскан. Вот как об этом слюнявобрызгно, взахлёб рассказывают, ссылаясь на воспоминания С. Н. Дурылина, современные православные на своих сайтах (берём историю не у Дурылина, а в пересказе с сайта Pravmir.ru <http://www.pravmir.ru/publicist-mixail-novoselov-ot-tolstovstva-k-muchenichestvu/>):

«Толчком, послужившим разрыву отношений Новосёлова с Толстым и толстовством стала неожиданно явленная Михаилу ненависть Льва Николаевича ко Христу. По воспоминаниям С. Н. Дурылина, это было в 1880-х годах. Михаил Александрович с группой друзей по обыкновению беседовали с Толстым. Стали обсуждать основателей великих религий и прочих мудрецов — Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Сократ... Один

из присутствовавших заметил, что хорошо было бы увидеть всех их живых, и спросил у Толстого: кого из них бы тот желал бы увидеть. Толстой назвал кого-то из древних философов, но... не Христа.

Новосёлов спросил тогда: «А Христа разве вы не желали бы увидеть, Лев Николаевич?». Лев Николаевич ответил резко и твёрдо: «Ну уж нет. Признаюсь, не желал бы с ним встретиться. Пренеприятный был господин». В этот момент Михаил Александрович отчётливо понял: что-то не так...

Он разорвал общение с Толстым и вернулся в Православную Церковь».

Ну, вот сразу тут и видно неумного, но хитрого русского дурака, нашедшего ПОВОД для того, чтобы уйти от христианского подвига – в душевную подлость церковного обрядоверия и идолопоклонства.

В этой истории, в её церковном переложении, много всего “не так”:

1. Ни из чего тут не видно, чтобы Лев Николаевич имел бы «ненависть» к личности, каким бы то ни было аспектам земного пути или же учению Христа Иисуса.

Да, он не признавал его ни «ипостасью» трёхглавого, выдуманного людьми, бога-тримурти, ни «основателем религии». Да, он мог считать таковым, к примеру, Будду, а Сократа – просто «великим мудрецом». Но достаточно быть знакомым с «Соединением евангелий», «Критикой догматического богословия» и статейкой «Религия и нравственность» Льва Николаевича (в

последней он хорошо и кратко даёт концепцию ХРИСТИАНСКОГО ЖИЗНЕПОНИМАНИЯ), чтобы понимать, что Христос для Толстого – пусть и не Бог, но и не основатель религии, церкви или секты, и при этом – ПРЕВЫШЕ всех, не только современных ему, но и древних мудрецов и основателей религий.

Напротив, ненавидят и не понимают Христа как раз такие, как тогдашний молодой глупец Новосёлов и его толстовствующие друзья: те, для кого он не воскрес навсегда в истине нового жизнепонимания, учения спасения и жизни всему миру. Те, кто желали бы, как известный Фома, ощупать Христа «живьём», посадить его в прокуренной (до 1888 г. Толстой и сам дымил...) зале рядом и на равных с Платоном, Конфуцием, Рёскиным, мадам Блаватской и Рамакришной...

Как бы они ни врали, для них Христос – МЁРТВ, потому что они чужды его жизнепонимания и учения, не исполняя его в жизни.

2. Новосёлов не стал спрашивать, почему Христос для Толстого БЫЛ, и почему – ПРЕНЕПРИЯТНЫЙ. Это не было в его интересах...

А и тут всё разъясняется легко. Достаточно знать ДУХОВНУЮ БИОГРАФИЮ Толстого – его путь к истинной вере Богу и Христу. Хотя бы в том изложении, какое мы имеем в «Исповеди» и книге «В чём моя вера?»

В 1880-х годах Толстой, обратившийся к мудрости веков – и не только Европы и Америки (трансценденталисты), но и Востока сумел ВЫЧИСТИТЬ

из своего сознания модные поветрия буржуазного, близкого протестантству, псевдоверия и связанные с ним увлечения масс живыми «гуру», эзотериков, спиритизмом. Вот почему он “поддевает” Кенворти, склоняющегося к симпатии «духовным практикам» городских буржуазных обывателей. Это им нужно «явление Христа народу»: если не в виде духа при спиритическом сеансе, то в виде гастролирующего и выступающего с душеподъёмными лекциями популярного «гуру». Да, это был бы именно ПРЕНЕПРИЯТНЫЙ ГОСПОДИН – новый Христос во плоти! Для тех, кому одного мало и кому хочется пощупать и взять автограф...

Именно таков и елейный, обожженный Христос еврейских Евангелий. В его образе, как он там подаётся и в преданиях и нём – слишком много от СТАРОГО, дохристианского понимания жизни. От мира земных храмов, жрецов, мирских владык, пророков... Призывая исполнить древний закон, Христос и сам такой пророк, но доказывая его недостаточность, сообщая учение нового понимания жизни – он и печать всех древнейших его пророков.

Христос единый не переставал быть жив. Он воскрес в сердцах людей, принявших и полюбивших преданную им истину Бога о спасении и разумной жизни в воле Отца. И тело его есть – это ЦЕРКОВЬ НЕЗРИМАЯ в сердцах простых (не дающих автографов) людей, когда они любят друг друга. А деятельная любовь – уничтожает буржуазный экзистенциальный вакуум и неотделимый от него страх смерти временного материального тела – нашего орудия труда в мире.

Всё это ПЫТАЛСЯ донести Лев до брата во Христе Джона английского... но американские и лондонские «спириты» оказались влиятельней – и Кенворти, выбрав их, приблизил своё сумасшествие... Всё это мог бы узнать со Львом и Миша Новосёлов... но он выбрал в 1890-х общение с попами и Иоанном Кронштадтским (печально известным своей «молитвой» сатане о “скорейшей” смерти старца Льва Николаевича...) – и попустил, вместе со своим поколением гибель своей страны, безумие большевизма и сталинщины... искупив, в мирских глазах, этот грех неприятия Христа своими страданиями и гибелью от пули сталинского палача.

В завершение темы: письма «разочаровывающегося» Новосёлова Л. Н. Толстому от 1 и 23 марта 1887 года, которые ЛЮБЯТ тоже цитировать его церковноверующие обожатели – ОТВРАТИТЕЛЬНЫ. Они ЛУКАВЫ. Они наполнены скулежом ЯКОБЫ ученика Толстого и собрата его во Христе, а на деле – изобличают самого будущего «святого» в огромной НРАВСТВЕННОЙ ГРЯЗИ, с которой он ИЗДЕВАТЕЛЬСКИ подаёт «учителю» ходившие из уст в уста грязные СПЛЕТНИ о Толстом людей, не понимавших его христианского сознания и его – лично его! – положения.

Вот тошнотворные образчики, кочующие по церковным и околоцерковным сайтам, как подтверждения «обличения святым еретика» в его «непоследовательности» и – якобы – самообмане:

1) «Лев Николаевич! дорогой, незабвенный наш! Зачем, скажите, зачем Вы становились на полдороге в

своём великолепном шествии за Христом? Зачем Вы отнимаете у нас, ваших учеников, ваших детей, возможность взглянуть прямо в глаза каждому, кто осмелится сказать о Вас слово осуждения? Зачем Вы не доделываете величайшее дело, начатое Вами? Зачем засиявший было так ярко лик Христа Вы омрачаете остановкой на полпути?

Дорогой наш! сделайте ещё усилие и станьте одним из тех учеников Христа, которые первые разнесли по миру Христово учение! Выбросьте из своей жизни то, что даёт право людям упрекать Вас, оскорблять нас (ибо они хулят Вас) и безжалостно гасить огонь, который Вы раздули спустя почти 2000 лет после его зажжения...

Зачем пользуетесь Вы теми самыми деньгами, незаконность жизни на которые Вы открыто признаете? Зачем блеск и роскошь обстановки Вашей семьи окружает Вас и делает участником языческой трапезы?.. Зачем эта передача авторского права жене? Зачем отказ в пользу семьи 600 000 руб., называемый некоторыми не без оснований злостным банкротством? Зачем, зачем Вы не сразили своим примером самой страшной язвы нашей жизни – жажды рубля?..» (Письмо 1 марта 1887 г.)

2) «Лев Николаевич! отец мой по духу! скажите, ради чего терзаетесь Вы? ради чего терзаемся мы? и ради чего страдает Христос? Скажите, неужели страдания эти не так велики, чтобы стоило для них сделать даже большое усилие и низринуть диавола? Подумайте: один человек вызывает столько зла! Неужели ради низменных побуждений его можно губить столько радостей? Неужели, при самом ужасном даже исходе, то благо, которое последует за Вашим отречением от ничем не

оправдываемого права на эксплуатацию, неужели это благо, говорю я, не покроет тех огорчений, которые могут быть вызваны безумным (простите, я иначе не могу сказать) поведением графини? Представьте себе самое худшее, на что решится графиня, представьте все раздирающие, как принято выражаться, души сцены упреков, жалоб на пускание по миру детей, представьте ее усилившуюся несдержанность и горячность, представьте, что она даже решится силой взять свое и прибегнуть к помощи лиц, власть имеющих, чтобы лишить Вас возможности отнять кусок хлеба у семьи, представьте, что в озлоблении она не захочет к Вам относиться, как к близкому человеку, и отшатнется от Вас, представьте все это!

Но рядом с этим поставьте те сияющие счастьем и благодарностью лица десятков, даже сотен тысяч людей, которые будут простирать к Вам свои руки, чтобы приветствовать Вас! Представьте то безграничное уважение, которым наполнятся сердца людей, недоверчиво относящихся теперь к Вам, представьте радость людей, любящих Вас так, как 40 000 жен не могут любить Вас, представьте всех, всех людей, без различия национальности, убеждений, направлений, всех, кто узнает о Вашем святом подвиге!.. Каким инстинктам графини служит Ваша уступчивость? Ведь Вы не отнимаете того, что молчаливо обещали ей, соединяя свою жизнь с ее жизнью. Вы не лишаете ее того имущества, которое было у Вас прежде чем Вы начали обогащаться благодаря своим сочинениям, на которые, думаю, не могла рассчитывать графиня, выходя замуж».

Довольно... Можно ли представить, чтобы эту ЦИНИЧЕСКУЮ, ИЗДЕВАТЕЛЬСКУЮ НРАВСТВЕННУЮ ГРЯЗЬ вылил бы на Толстого в своих письмах «сектант», культурно-чуждый “Руси святой”, пастор кройдонской церкви, англичанин Джон Кенворти? Нет! А вот ПРАВОСЛАВНЫЙ «добрый» РУССКИЙ народ – слал такое (а ещё – с «обличениями», руганью, матом...) Толстому почти ежедневно, в ПОДЛЫХ (большей частью анонимных) письмах – до конца его жизни... Чем это кончилось для семьи Толстого (участвовавшей в травле старца, чтоб ему и дома покоя не было...) и его самого в 1910 году – мы знаем. Добились своего!

Вот почему Новосёлов и Кронштадтский – «святые» для них, а Лев Толстой – не христианин, еретик и враг.

Схожее (только много тоньше, аристократичней) лукавство в адрес Толстого, прикрывающее неуважение к нему и даже неприязнь, можно найти в письмах к нему его жены Софьи (и в её дневничке тоже, где она пересказывает беседы с мужем...) и – ЧЕРТКОВА. Неслучайно и сие...

Вернёмся теперь к ДКК и его поездке в Россию... точнее – к той его части, которая предполагала посещение сельской «глубинки». Конечно, как и свидетельствует сам Кенворти, «это путешествие в деревню было предпринято непосредственно по совету Толстого и других друзей, в чьих глазах истинный русский – это русский селянин, the moujik, и истинная жизнь России – это жизнь мужика» (Р. 81).

Спутником Кенворти был Simeonoff, an educated peasant. Очевидно, это не иной кто, как писатель родом из крестьян Волоколамского уезда, Сергей Тереньтьевич Семёнов, обласканный Толстым, и, в отличие от огромного большинства «народных» писателей и поэтов – действительно предпочитавший жить в деревне и заниматься земледельческим, хлебным трудом. Примечателен его трагический конец: благодаря просвещённости и трудолюбию, «книжный мужик» Семёнов сумел сохранить благополучное, зажиточное хозяйство и после 1917 года, среди большевистской разрухи. В 1922 года Семёнова казнили «добрые» соседи – по обвинению в «колдовстве», «чернокнижии» и связи с «безбожниками» большевиками (как свободный христианин-толстовец, он ещё с 1880-х гг. не посещал церковь).

До города Kostroma они едут в поезде, далее – в санях, а последние 25 миль – в ужасном, санном же, сооружении под названием kibitka (описанном как символ имперского российского душегубства ещё у де Кюстина). Полуживого от усталости, Кенворти принял «с рук на руки» на своём хуторе – всё тот же Поша. Павел Бирюков. Изба Бирюкова была первой крестьянской (условно) избой, которую Кенворти мог видеть изнутри. Конечно, она не была типичной, но и она вызвала у пастора невесёлые думы о народной доле и более оптимистические – о перспективах, при условии революции ИСТИННОЙ, ненасильственной, общего христианского духовного пробуждения в народе:

«Восемьдесят миллионов этих крестьян, расселившихся на север, юг, восток и запад, в

маленьких деревнях, на нескончаемых равнинах, живут исключительно полем и лесом, и только в немногих местах большой город или малый город собирает их на шахты или фабрики, формируя группы бесправных фабричных рабов. Но помимо этих пятен, в целом Россия ещё чиста от буржуазного угнетения – за исключением центра, организованное насилие в которых предстоит уничтожить вместе с городами. Можно предсказать времена, когда рука бюрократии и военщины, которая теперь крадёт пропитание у этих крестьян в виде прямых и косвенных налогов, будет парализована; когда их дерево, сено, зерно и скот не будут отобраны государством, церковью или заботящимися о своих доходах хозяевами земель, но останутся с ними. Их избы уступят тогда место высоким домам из нескольких комнат, с топливом, чтобы согреть их; их шерсть, которую они сучат на ручных ткацких станках, оденет их чисто и добротно; и их древние общинные учреждения, освобождённые от давления землевладельца и чиновника, установят закон ненасилия (swordless law), по которому они будут жить как братья, в единстве. Это может наступить тогда, когда уцелевшая в них до сего дня живая душа веры сделает своё дело, и истина освободит их. Но нынче они заливают потом своего тяжелейшего труда все погожие деньки, в слабой надежде приобрести средства для того чтобы пережить жестокие месяцы морозов. Жарким летом они косят свои поля, а в холодную зиму их самих скашивают чума и голод, благословляемые беспомощным равнодушием их правительства. Их проклятие — не с небес, но из рук своих же братьев-человеков.

Более миролюбивых существ, чем эти, трудно и ожидать отыскать на земле. Именно это христианское спокойствие духа, алчущего просветления, и делает их послушными винтиками огромнейшей военной машины из числа тех, которые знал мир. Но они начинают понимать свои собственные души, и время их протеста – не за горами. Мне представляется, что Лев Толстой не более чем (но это уже очень много) глашатай народа русского, облакающий в слово глубинную сущность собственной его души. Его забота, как и народная, -- не распространяется на империю, на похоти и интриги политических вожаков – всё то, что русским крестьянином познано и осмыслено как равно ничтожное; политические бури в Европе, беспокойства царей и правительств – безвредно и безвестно проносятся над его головой. Сбор налогов и воинская повинность – вот всё, что он знает о политике. Он просто хочет привести свой дом и свою жизнь к такому высшему устройству, которое позволило бы ему удовлетворить собственную его совесть и видеть не только своих детей, но и всех ближних сытыми. Дух войны – не его дух, и его печалит, что, покоряясь властям, труженик бросает работу в поле и учится войне» (Р. 87 - 89).

Подробности бесед в доме Бирюкова Кенворти снова опускает: свидетельство того, что привезён он был не одними природой русской и избой пошиной любоваться, а – для непростых и рутинных переговоров «по интересам», о результатах которых, вероятно, тут же известили «кого надо» (и Черткова, быть может, раньше, чем самого Толстого).

Назад Кенворти в кибитке ехать не пожелал, предпочтя «тяжёлую» часть пути от хутора проделать в открытых санях. Путь лежал через «зимнюю сказку» спящего, заснеженного леса. Для Кенворти он тут же уподобился спящему ещё пока для жизни духа народу, для которого, как и апрельское оживление в природе, так же неизбежна «весна» новой жизни во Христе:

«И я думаю с радостью о приходе весны; я вдохновлён мыслью о том, что если эта перемена года приносит юность, и надежду, и устремлённость в сердце человека, тем более глубокое блаженство настанет, когда придёт к людям весна новой духовной жизни!» (Р. 90)

Заключительные записи «Паломничества к Толстому» описывают последние беседы Кенворти с Толстым, членами семьи и соратниками (говёнными русскими «друзьями») в Москве, вероятнее всего, все – 7 января 1896 года.

За обедом у Толстого был Эйльмер Моод, которого, как известно из недавно лишь обнаруженного письма, Толстой подослал для знакомства с Кенворти ещё в мае 1895 года (Толстовский ежегодник. 2001. - С. 66). Чертков тогда ещё был в России, а Толстому нужен был «свой» человек в Англии, контролирующий деятельность Братского книгоиздательства Джона Кенворти.

Но опять же, если и были при последних встречах серьёзные, деловые разговоры – Кенворти опускает их. Для него важнее всех – сам Лев Николаевич...

Вот наблюдение над Толстым при его анализе Евангелия, одного из самых «соблазнительных» мест об изгнании торгующих из храма:

«Толстой принёс большой том английской Библии и греческий Новый Завет, и показал, что любое заявление об использовании Иисусом физической силы в отношении меновщиков не имеет оснований (наш английский пересмотренный вариант Иоанна II. 15 тоже подтверждает это). Он проговаривает и обсуждает слова Евангелия так тщательно и напряжённо, как какой-нибудь пуританин или квакер старых времён; но с поправкой на современное «свободомыслие» и эрудицию» (Р. 91).

А вот разговор в кабинете затронул одну из всевременно-болезненных тем: «проблем и трудностей, которые возникают в семье, когда для одного из членов её становится необходимым просто и буквально принять заповеди Христа».

«Это самый серьёзный вопрос всей нашей жизни, - сказал он. - Легко отказаться от друзей и других подобных связей, но семья — это другое. С трудом поддаётся осмыслению то, что все наши деяния, которые мы представляем как дела истины, любви и добра, вызывают гнев, горечь и даже озлобление в тех, кого мы любим; это трудно понять, но можно только упорно, всегда продолжать действовать в духе Христа, и всё это будет иметь лучший конец. Кто стремится к победе, тот победит» (Р. 91 - 92).

То ли подслушав, то ли почуяв, что разговор касается и её с семьёй, в кабинет вдруг вошла Софья Андреевна:

«Возможно, - сказала она, смеясь, - когда правительство таки вышлет нас, мы можем все приехать в Англию».

«Хорошо бы, - сказал Толстой, улыбаясь, - я сделал всё, что мог, чтобы заслужить это, чтобы заслужить преследования. Но они не трогают меня».

Несколько раз он выразил желание побывать в Англии и навестить находящихся там друзей. Но трудности, стоящие на этом пути, вероятно, останутся непреодолимыми. С другой стороны, он не считает своим долгом предпринимать это путешествие» (Р. 92).

«Промониторив» ситуацию, жена Толстого удалилась, и друзья продолжили беседу с глазу на глаз, при свете единственной свечи:

«...Мы говорили о вещах духовных и материальных, Англии, России и о возвращении к Евангелию. Мой друг покинул Толстого часом раньше, и я хотел было последовать за ним; но он сказал мне: «Нет, побудь ещё; я хочу видеть тебя столько, сколько смогу; возможно, мы не встретимся снова, пока мы не встретимся в мире духовном».

Он поддерживает убеждение, что в России готовится, и уже на подходе, большое религиозное движение. Это движение, как он полагает, ни в коей мере не политическое, ибо в России нет политической жизни. «Есть ещё сотни тысяч, миллионы этих истинных христиан в России, - сказал он – и их число возрастает». Он говорил о движении в других странах, ибо везде он имеет корреспондентов; он знает, например, более истинно об английских делах, чем большинство англичан. Особенно много он говорил и заинтересованно расспрашивал о протесте против войны, против милитаризма.

Наконец, время отъезда приходит. Он говорит свои добрые пожелания для распространения нашей работы в Англии. «Теперь я знаю, -- говорит он, -- что мы можем переписываться с вами, чтобы удержать единство наших целей.

Не было грусти в нашем прощании. Он (как я начинаю понимать, в той мере, в какой я познаю собственное сердце) весь живёт в вечном. Для него смерти нет, но есть неразрушимое постоянство жизни.

И пока мы шли вместе пешком, в голове крутилась такая мысль: «Когда каждый из нас удалится от своего теперешнего тела, мы встретимся душа с душой и поймём друг друга так, как мы не можем сейчас». И я был доволен, что многое оставил в своём уме, невысказанным; ибо всё это, в конце концов, мелко рядом с великим делом, о котором мы договорились, делом последования в жизни Христу, распространения духа Христова учения. Всё чувство «зарубежья» в отношении Льва Толстого оставило мой ум; я познал, что для него и для меня жизнь имеет один смысл и преисполнился ясной и сильной уверенностью в том, что нашёл в нём значительное и действительное воплощение истины, которой учил Иисус и которую большая часть мира отрицает» (Р. 93 - 95).

О «деловом» последствии путешествия Кенворти – официальном разрешении на перевод и издание книг Льва Николаевича в любых английских издательствах – мы сказали выше...

На Толстого пастор произвёл, как и должно было ожидать, самое благоприятное впечатление «очень серьёзного, религиозного человека», и «очень приятного» (Дневник. 23 декабря 1895 г.).

Дальнейшее общение Кенворти с Толстым продолжалось в письмах и касалось не только деятельности самого ДКК в Англии, но и ряда идейно близких ему с Л. Н-чем лиц. Так, в первой половине октября 1896 г. Джон Кенворти прислал Толстому по просьбе знаменитого английского писателя и гомосека Эдварда Карпентера сборник его статей «Civilisation its cause and cure» («Цивилизация, её причины и излечение») (см. письмо Д. Кенворти к Л. Н. Толстому от 10/22 октября 1896 г.). Толстой в письме к Д. Кенворти от 18 октября 1896 г. просил поблагодарить Э.

Карпентера за присланную книгу и сообщал, что из этой книги он прочёл первую статью о цивилизации (см. т. 69). Но особенно его заинтересовала как раз вторая статья, «Modern science» («Современная наука»). В дневниковой записи 23 октября 1896 г. Толстой назвал её «прекрасной» (53, 115). В письме к жене от того же числа Толстой также сообщал, что читает «прекрасную, удивительную статью Carpenter, англичанина, о науке» (84, 265). По предложению Толстого, эта вторая статья вскоре была переведена С. Л. Толстым и послана для напечатания в журнал «Северный вестник». Издательница этого журнала, жидовочка Л. Я. Гуревич в письме от 25 апреля 1897 г., сообщая Толстому, что она «с радостью получила перевод прекрасной статьи Карпентера», обратилась к нему с просьбой написать предисловие к ней.

Толстой ответил согласием на просьбу Гуревич. С этого момента и до конца писания статьи на Толстого «наседали», напоминая об обещании, редактор этого же журнала Адам Флексер (псевд. Волинский). Доктор-толстовец Душан Маковицкий, наивная душа, не вовремя посетивший тогда Ясную Поляну, брякнул о публикации жене Толстого. Софья Андреевна, сама в это время занимавшаяся изданием сочинений мужа и ненавидевшая жидовку Гуревич и всю её журнальную команду как конкурентов в издании и доходах с него, два месяца прожирала Толстому плешь и не давала согласия. Уступила она только под влиянием уговоров детей, Сергея и Татьяны, и статья была отправлена в журнал только в феврале 1898 года.

Наконец, едва ли не последней издательской услугой, которую успел оказать Джон Кенворти своему яснополянскому кумиру, было участие в издании в

Англии его нового романа «Воскресение», послужившего сбору денег для нужд всё тех же духоборов, получивших дозволение переселиться из России.

В июле 1898 года Толстой возобновил работу над «Воскресением». 18 марта 1898 г. он пишет В. Г. Черткову о духоборах: «Главное и самое важное — это духоборы. Они пишут мне вот уже третье письмо, что им разрешено переселиться за границу и просят помочь им» (АЧ). В связи с этими просьбами Толстой пишет в иностранные газеты и в русские «Петербургские ведомости» воззвание с призывом о помощи (в «Петербургских ведомостях» это воззвание по цензурным условиям не было напечатано), организует сбор пожертвований, разузнаёт у сведущих лиц о том, куда лучше всего духоборам переселиться, наконец, сам обращается к богатым людям с просьбой о денежных пожертвованиях. В письмах Толстого 1898 года, преимущественно к бывшему тогда в Англии Черткову, вопрос о духоборах занимает одно из центральных мест, если не самое центральное.

Однако вскоре Толстой убеждается, что для переселения духоборов за границу (в конце концов, была выбрана Канада) средств, собранных от частных пожертвований, не хватит, и тогда он решает, вопреки своему давнишнему решению не брать литературного гонорара, продать — и притом возможно выгоднее — имевшиеся у него в черновых рукописях произведения, с тем чтобы вырученные от этой продажи деньги пошли на дело переселения.

С. А. Толстая 9 апреля 1898 г. в своём дневнике записывает: «Сегодня Лев Николаевич говорит, что

доктор Рахманов очень заинтересовался повестью («Воскресение»), о которой он с ним давно говорил, и вот он ему дал читать, а потом сам перечёл и подумал, что если напечатать всюду, то можно бы 100 000 рублей выручить для духоборов и их переселения».

14 июля того же года Толстой пишет Черткову: «Так как выяснилось теперь, как много ещё не достаёт денег для переселения духоборов, то я думаю вот что сделать: у меня есть три повести: «Иртенев», «Воскресение» и «Отец Сергей» (я последнее время занимался им и начерно написал конец). Так вот я хотел бы продать их на самых выгодных условиях в английские или американские газеты (в газете, кажется, самое выгодное) и употребить вырученное на переселение духоборов».

Дальше Толстой предлагает Черткову вместе с П. А. Буланже, П. И. Бирюковым, Кенворти и Моодом обсудить вопрос, как наилучше поступить, чтобы выручить возможно больше денег, и сообщить ему об этом. Со стороны жены он не ждёт больших препятствий к осуществлению своего намерения, но, если они возникнут, надеется побороть их...

Глава 4.

ОБЩИНЫ

И ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В мае 1894 года Джон Колеман Кенворти покидает поселение Мэнсфильд, оставив своего ближайшего в тот

период соратника, Джона Брюса Уоллеса, единоличным распорядителем совместно с ним основанного кооперативного товарищества «Brotherhood Trust».

«Потянула» ли Кенворти вновь к себе политика? К счастью ли, к сожалению, но – нет, только не в тот момент... хотя, судя по позднейшим описаниям его болезненного бреда, он до конца не оставлял замыслов и о политической карьере. Но оставался – рёскинцем и социалистом... всё более и более втягивающимся и в «толстовство».

Дальнейшая его судьба продолжает быть связана с вышеупомянутым Джоном Брюсом Уоллесом, а точнее – с любимым его и Кенворти детищем: «Братской Церковью». Вопреки поповским жопоцеловальникам от толстоведения, утверждающим, что название не отражало религиозной сущности, скажем: это в натуре была церковь (в её зачатке – т.е. ещё без единства в религиозном жизнепонимании), а Кенворти стал достойнейшим и любимым её пастором – духовным направником её прихожан... и лучше бы, лучше бы, если смог бы им и остаться!

Но – пусть будет всё по порядку... Первоначально «Братская церковь» не была собственно церковью, а была – журналом конгрегационалистов «The Brotherhood» («Братство»), который был основан Джоном Брюсом Уоллесом в 1887 году в североирландском городке Леймавади (графство Лондондерри). Уже тогда Уоллес попал под влияние утопических концепций и просто фантазий американцев Генри Джорджа и Эдварда Беллами. В 1891 году он переехал в Лондон и

там «взял в оборот» заброшенное церковное здание в Хакни, на пересечении улиц Саутгейт и Бэлмс-Роуд.

Кроме названных, у истоков Братской церкви Кройдона стояло движение «Товарищество за Новую Жизнь» (с 1893 г.). Товарищество было задумано Томасом Дэвидсоном, бывшим учителем и теоретиком системы образования, путешествовавшим по Европе и Северной Америке, одно время читавшем лекции вместе с учителем Генри Торо – Ральфом Эмерсоном. Дэвидсон мечтал о новой, коммунитарной, форме общества, составленного из духовно-чистых людей, ведущих «более высокую» жизнь по сравнению с современниками. Товарищество настаивало на подчинении материального духовному и было направлено на культивирование в каждом человеке совершенного характера. Реакцией на неприязнь Дэвидсона к социалистическому движению был отход от него части Товарищества для создания «Фабианского общества».

Начиная с 1889 г. Товарищество распространяло свои идеи среди широкой аудитории с помощью уже упоминавшегося нами выше журнала с красноречивым евангельским названием «Время сеять» (Seed Time) (первоначально «Сеятель»). Именно во «Время сеять» были продемонстрированы связи с Толстым и подчеркивалась роль сознания в социальной революции:

«Мы пришли к общему согласию относительно болезней и бед современного устройства общества; мы согласны с тем, что эти напасти являются следствием монополии собственности, с помощью которой средства производства оказываются в руках ограниченного

класса, который использует их для порабощения и эксплуатации больших масс людей. И мы видим, что единственное лекарство – в реорганизации общества, которое откроет свободный доступ к средствам производства и обеспечит каждому братское участие в произведённом богатстве; которое разрушит всякий рабский труд и установит честную и простую жизнь – главный признак общества равных...

...Мы признаём, что эволюционные процессы затрагивают не только социальные формы. Мы убеждены, что «совесть» играет важную роль в эволюции нового общественного порядка».

Журнал был занят больше философскими вопросами простой и духовной жизни, чем практическими методами её воплощения. Он издавался для зажиточных буржуазных псевдоинтеллектуалов, т. н. «среднего класса», и кроме статей, содержал отчёты о лекциях, и другую информацию о деятельности Товарищества. Среди членов общества были очень популярны «сельские встречи», проводимые в сельской местности с целью зачитывания и обсуждения какой-либо статьи с последующей прогулкой в близлежащую чайную. На одном из таких собраний зачитывалась статья, посвящённая теме «возвращения к Природе»; здесь, среди «ветров, лесов и вод», автор говорил о новом союзе между Природой и Душой. Восстановление этого единства должно привести к новому пониманию истины, красоты и простоты. После чего члены общества возвращались в город на поезде, но услышанное днём не было потеряно.

«Время сеять» печаталось в Кройдоне и именно там встречались его авторы.

Как и у братских общин Кенворти, у Братской церкви (её главного, собственно церковного, здания) – печальная судьба, диктовавшаяся во многом эпохой. В 1907 году, к примеру, в ней совершилось вполне бесовское действо, в связи с которым Церковь вспоминается чаще, нежели в связи с деятельностью Уоллеса или Кенворти: 5-й съезд РСДРП с участием Ленина, Мартова, Троцкого и всего легиона русских социалистов...

Вторым важнейшим зданием Братской церкви было здание общедоступных собраний на Тамуорд-роуд, прежде принадлежавшее квакерской Армии спасения.

Наконец, английский местный сайт и автор его, некий Джонни Бродгейл, популярно рассказав в 2016 году современным кройдонцам о деятельности Толстого и Кенворти, упоминает арендованный общиной отель близ станции Ваддон как Brotherhood House, место собраний Братства. Ныне в нём расположено питейное заведение
(<https://insidecroydon.com/2016/01/18/croydon-owes-a-debt-to-war-and-peace-author-tolstoy/>).

Этим дело не ограничилось... Вдохновлённый и дружеской поддержкой, и начавшимся в тот период общением с Л. Н. Толстым, Кенворти позднее озаботился устройением трудовых общин в Кройдоне (Croydon, это в то время близ Лондона, графство Суррей, ныне – один

из боро самого Лондона, небогатый спальный район, облюбованный исламскими мигрантами) в 1894 году и Перли (Purleigh, графство Эссекс) в конце 1896 – начале 1897 гг., на землях, выкупленных у сочувствовавшего Братству фермера. Расскажем и об этом в своём месте...

В Даунхем-Роуд (Кенгсленд, Лондон) они открыли бакалейную и овощную лавки. Первый магазин был открыт 20 января 1894 года. Следующие за ним основывались на тех же христианских «братских» принципах. А принципы были просты: братство вкладывало и окупало работой магазинов вложенный в них капитал, но в дальнейшем – не стремилось к прибылям с них, уступая всю выгоду покупателям.

Кенворти и Джон Брюс Уоллес полагали, что путём организации нормальных торговых отношений людей можно начать творение некоей новой формы коммунитарного или социалистического общества. «Братская Церковь» должна была стать ядром будущего кооперативного содружества.

Официально начало деятельности «братства» относится к маю 1894 г. Вопреки желанию «отмазать» Кенворти от всякой «церковности» ещё разок подчеркнём: церковь у Кройдонцев была, а сам Джон Колеман Кенворти принял должность почётного при ней пастора. В состав Комитета «Братской Церкви» и Правления общин вошли Вильям Гильрут (почётный секретарь), Мэри Гровер (социалистка фабианского толка, увлекавшаяся теософией), Г. Д. Блогг (кличка: «товарищ Блогг»; социал-демократ) Нелли Шоу (социалистка-фабианка), Фред. Маггеридж (тож социалист местного разлива...), Джеймс Гендерсон и

Франк Гендерсон (Джеймс до перехода в толстовство был успешным хозяином паба), Уильям Свенсон (спирит, тоже баловавший с социалистической утопией), Дэвид Фрезер с женой (тоже поклонники спиритизма), Мэри Гровер (теософка, фабианка, ярая суфражистка) и т. п. фрики. Смерть в декабре 1894 года Вильяма Гилрута упрочила в руководстве Братской Церкви позиции и влияние социалистов: его сменил Фред Маггеридж, передавший в 1895 году бразды правления своему единомышленнику Арчеру (H. P. Archer).

Первоначально Братская церковь не имела чётко сформулированной идеологии, оттого собрания её были посещаемы не одними постоянными членами, но и самыми различными «протестными» группировками и просто... неотмирными индивидуумами. Нелли Шоу вспоминала об этих собраниях не без нотки ностальгии:

«Сомневаюсь, что ещё где-нибудь в четырёх стенах была собрана более смешанная и разношёрстная толпа, чем та, что собиралась еженедельно в старой Скинии спасения на Тамуорт-роуд. Каждый “чудак” мог явиться сюда воскресным полднем и высказать публично и открыто свои воззрения. Здесь приветствовались, выслушивались и оживлённо обсуждались речи атеистов, спиритов, индивидуалистов, коммунистов, анархистов, просто политиков, а также вегетарианцев, антививисекционистов и антивакцинатистов, равно как и прочих всевозможных “бунтарей”».

Такой *statu quo* был несносен для большинства, но и непоправим. Вот почему Джон Кенворти, с его сочетанием расплывчатости идей и личного обаяния,

сыграл в отношении этого сборища роль консолидатора, решительно отпугнув своим... м-м-м... христианско-коммунистическим анархизмом и антивыборными филиппиками сперва только «политических», парламентских социалистов.

Уже в этот период среди этой публики выделился будущий многолетний товарищ Кенворти и помощник и его, и Льва Николаевича – Артур Карлович Син-Джон. Про него известно не много. «Англичанин, офицер Индийской службы, оставивший военную службу под влиянием взглядов Толстого» -- так скупейше аттестуется он в комментарии Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого... даже без указания годов рождения и смерти! Известно, что впоследствии Син-Джон сыграл свою роковую роль в судьбе Кенворти и его начинаний: именно он поучаствовал в 1897 году в разорении общин ради денежной помощи русским духоборам, передав Толстому собранные кройдонцами пожертвования на это дело (расскажем об этом ниже). 19 сентября 1897 года он посетил для этого Ясную Поляну. После этого жил с духоборами на Кавказе, затем – во временном пристанище на Кипре, а в 1899 году укатил с ними в Канаду, где и умер где-то после 1907 года. Для Толстого он был человеком, без сомнения, симпатичным и идейно близким, но всё же отчасти непонятным своими крайними выводами о сфере жизни разума и духа в ущерб жизни «животного человека».

Син-Джон «засветился» этими своими идеями в интимных письмах Толстого В. Г. Черткову, в которых обсуждались проблемы освобождения от похоти и сожительства мужчин и женщин ради деторождения.

Толстой отрицал «крайний» вывод Син-Джона о том, что свою половую энергию супруги должны сублимировать только в дела служения Богу.

Син-Джон сперва взял на себя в братском обществе Кенворти руководство лавками, а позднее – «открыл себя», что называется, в педагогической работе и преподавал в школе Штарнтуайт (Starnthwaite) – неподалёку от поселения Герберта Миллса, видного участника английского движения «колонизации земель», оказавшего на Кенворти и Син-Джона немалое влияние.

Син-Джон сопровождал Кенворти в его втором, роковом, приезде в Россию и с 6 по 10 мая 1900 г. гостил с ним в Ясной Поляне. В июне того же года, как лицо неблагонадёжное, Син-Джон был арестован и выслан из России.

С января 1895 г. Братская церковь Кройдона начала издавать собственный ежемесячный журнал, названный сперва «The Croydon Brotherhood Intelligeneer» («Кройдонское братство единомышленников»), а с ноября 1895 г. – «New Order» («Новый Порядок»). Номер 1-й этого журнала был ещё рукописный и размножался литографическим путём, со 2-го же № он печатался на заказ в посторонней типографии, выходил ежемесячно и стоил полпенни (около 2 коп. в русских ценах 1890-х гг.).

В первом же номере нового журнала, в программной статье-манифесте, Кенворти так писал о главных задачах Братской церкви:

«Братская церковь, как следует и из названия, призвана собрать людей ВСЕХ КЛАССОВ, дабы вместе учиться и практиковать братские принципы НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ. Для честного и расположенного к добру рассудка ничего не может быть понятнее, чем такая цель.

Наше послание должно в первую очередь и в особенности дойти до трудящихся и бедняков – люди из числа тех, кто в древности слышал Иисуса с радостью. Чем бы нам ни пришлось заниматься в дальнейшем, настоящая наша задача -- довести учение ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ до каждого сердца и в каждый дом, в который нам доведётся войти. Мы желаем помочь всякой общественной деятельности, совершаемой для праведности; пробуждать умы людей словом Евангельским, которое показывает путь к честным и правильным условиям промышленности и предпринимательства, которые являются первыми потребностями общественной жизни. На этом фундаменте мы трудимся, чтобы выстроить духовную и нравственную природу самих себя и других в идеалах Христа.

Я призываю каждого участника к выполнению нашей работы на своём конкретном поприще. Каждый должен трудиться в своём окружении и помогать объединять людей с характером и способностями, которые в конечном итоге могут принять участие в КООПЕРАТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ, которые мы надеемся установить. Наша цель – ОБЩЕЕ ДЕЛО: мирские дела для нас священны, и мы будем применять принципы истинной религии ко всем жизненным делам, начиная с первичных форм труда».

Тон Кенворти был настойчив, его язык - язык пропаганды христианства и популистского социализма, и его конечной целью, как мы узнаём из последующих выпусков «New Order», было создание альтернативного общества, основанного на братской любви и честном труде. В одном из следующих номеров журнала он подробно рассказывает о своём видении этого идеального общества, к которому он стремился склонить своих читателей:

«В этом идеальном обществе каждый должен делать свою долю полезного труда мозгом и руками, работая, прежде всего прочего, над созданием и распространением необходимых вещей, пищи, одежды и жилья. Менее необходимую работу следует выполнять ПОСЛЕ этой необходимой для всех работы. При таком разделении труда ни один человек не должен быть перегружен работой, и труд не должен быть неприятным, и никто не будет проклят бездельем («none would be cursed with idleness»).

В этом идеальном обществе люди не будут торговать, конкурировать или монополизировать, как сейчас, но каждый будет делать всё, что в его силах, чтобы увидеть, что его соседи получили то, в чём они нуждались и хотели, так же, как ему хотелось бы, чтобы соседи поступили с ним.

В этом идеальном обществе ни у одного человека не было бы власти принуждать других к исполнению своих обязанностей; Для людей, любовно благотворящих друг другу, не нужны законы с солдатами и полицией для защиты от других или для принуждения других.

В этом идеальном обществе не было бы враждебности по отношению к религии, и никто не

пытался бы навязывать своё мнение другим. Потому что все люди будут стремиться учиться и следовать истине, факту и потому будут в состоянии согласиться, потому что они будут честны и откровенны в отношениях друг с другом» (New Order, March 1897).

Великолепная картина! Как раз из разряда тех, которые многих так и подмывает тут же обозвать «утопией»... Главная трудность в таких случаях всегда – в том, как ПОДСТУПИТЬСЯ К РЕАЛИЗАЦИИ замысленного социального переустройства. Кенворти стремился убедить соотечественников (и самого себя), что ключ к этому можно отыскать в трудах Льва Толстого:

«В своих сочинениях Толстой [...] утверждает самый передовой социализм и коммунизм. Общая собственность на землю и капитал; братское, любящее, совместное участие всех в благах природы и продуктах общественного труда; уничтожение насилия в управлении – ни один реформатор не просит больше, чем требует Толстой. Но как мало реформаторов дают столько, сколько делает Толстой! Он не только верит в это, но и живёт им. И венец его учения - это заповедь о том, что мир никогда не будет исправлен до тех пор, пока люди не исправят себя. Какой смысл, спрашивал он, говорить о социализме, коммунизме, христианстве, в то время как вы лично не готовы жить честной и истинной жизнью? Вы не можете сами изменить мир, но вы можете изменить свою жизнь. И мир ждёт спасения, пока люди не сделают так просто – но насколько это и сложно!» (Edwards (ed.), The Labour

Annual, London, 1896, P. 229-230. – Цит. по: Tolstoy and Britain. - Oxford: Washington: Berg., 1995. P. 157).

Благодаря пропаганде Кенворти и его команды в «New Order» идеи Толстого получили широкое распространение не только среди членов Братской церкви, но и далеко за её пределами. По сути, Братская церковь мало чем отличалась от толстовских общин, созданных в Англии в последующие годы, а начатая Кенворти пропаганда в Англии и за её пределами воззрений Льва Николаевича – выглядит вполне убедительной и уместной в сопоставлении с такой же позднейшей деятельностью отобравшего у него инициативу В. Г. Черткова.

Кенворти придерживался мнения, что для проведения подлинной реформы необходимы действия на двух основных уровнях: во-первых, на уровне индивидуумов, а во-вторых, на естественно связанном с первым уровне социальном. Если человек считает за должное вести свою личную жизнь в соответствии с принципами Нагорной проповеди, то вряд ли сможет терпеть нищету, трущобы и циничное манипулирование массой рабочих небольшим классом капиталистических рабовладельцев. Поэтому необходимо, чтобы новые формы труда и жизни обеспечивали почётные и справедливые альтернативы капиталистической эксплуатации.

Члены Братской церкви и нашли одну такую новую форму труда в различных своих кооперативных предприятиях. В их число входит издательская компания «Братское книгоиздательство» («The

Brotherhood Publishing Company»), выпускавшее толстовскую и родственную ей литературу; «The Brotherhood Trust Store» поставлявший продукты, фрукты, овощи, книги, канцелярские товары и разнообразные печатные материалы по рабочему и социалистическому движению; прачечная, которая регулярно рекламируется в «New order», обещая «лучшую зарплату, короткий рабочий день, привлекательные цены», и то, что она «не стремится к личной прибыли» -- тем самым подчёркивая отсутствие эксплуатации в любой форме; Общество портних-анархисток, которое тоже взяло на себя обязательство обеспечить хорошую зарплату и короткий рабочий день для рабочих, хорошее качество работ и справедливые цены для клиентов. Из этих кооперативных предприятий «The Brotherhood Trust Store», управляемый Дэвидом Фрейзером и Фрэнком Хендерсоном (тем самым, который позднее, уже в качестве издателя, выпустил первое англоязычное издание романа Л. Н. Толстого «Воскресение» с иллюстрациями Леонида Пастернака), был самым амбициозным и концептуальным. Он также регулярно рекламировался в «New Order», и в каждой рекламе списку товаров, предлагаемых для продажи, предшествовал список официальных целей треста. Одним из принципов стало: приобретать продукцию лишь у тех хозяйств, которые заботятся о минимизации вреда участникам производственного процесса. Основные симпатии здесь были, конечно, на стороне кооперативных обществ. Частная прибыль стала анафемой, тогда как товары, произведённые на основе кооперации, считались товарами, произведёнными честным трудом, при котором ни один рабочий не

эксплуатировался, и ни одно физическое лицо не получало финансовую выгоду в ходе их производства.

Помимо свободного труда в физически и психологически комфортных условиях, братство Кройдона приманивало к себе и возможностью учиться: по примеру Мэнсфильд-Хауса, общие собрания у пастора были не только молитвенные, но и просветительские – в частности, совместные чтения и беседы.

Продолжилось сотрудничество Кенворти и с журналом Братства новой жизни Мэнсфильд-Хаус – «Seed Time». Именно «Seed Time» познакомил первым английских читателей с «Анатомией нищеты», а в октябре 1894 г. предложил Кенворти ознакомить со своими планами кооперативного братского строительства и Братство новой жизни, и других сочувствующих.

Вот отрывок из первого наставления пастора Кенворти читателям «Seed Time»:

«Мне кажется, мы можем теперь, после социалистической агитации и обсуждения последних двенадцати лет, собрать достаточные доказательства, чтобы иметь возможность сформулировать планы для реализации правильного общественного порядка, который станет даром для тех, кто желает и готов принять его и убедит нас в том, что мы не наткнёмся на ужасы, предвещаемые нашим невежеством. Для начала мы должны освободиться от власти общества».

А через шесть месяцев, в другой программной статье, Кенворти уже делает цитированное нами выше категоричное заявление о необходимости «организоваться, и в больших масштабах, <...> противопоставить капиталистической организации братскую организацию», дабы оздоровить общество изнутри.

Конкретный план Кенворти, судя по этим филиппикам, состоял в том, чтобы каждое общество, численностью в 25, или около того, семейств – сохраняло и употребляло свои сбережения на создание самоокупающихся промышленных трудовых общин-коммун. Члены Братской церкви и их единомышленники из других братств должны были приобретать земли в стране и, по образцу Герберта Миллса, присоединяться к колонизаторскому проекту. С оптимизмом Кенворти выражал надежду, что тактика и методы такого коммунитарного строительства будут не труднее тех, которые требуются в «обычных» кооперативах, страховых или строительных компаниях.

В апреле 1895 г. он так писал в «Seed Time»:

«В экономике мы социалисты, в своём идеале мы – коммунисты, в политике мы, некоторые из нас, мирные анархисты... Та часть нашей «программы», которая отличает нас от прочих искателей идеального общественного устройства – это решение о том, что пусть мир живёт так, как ему заблагорассудится, а мы, каждый со своей стороны, для спасения собственных своих душ, должны жить честно и братски по отношению ко всем людям.

Этот принцип поведения, кажущийся столь индивидуалистическим, на самом деле является основным принципом созидания царства Божия, возвещённого Иисусом и всеми пророками».

Именно на этом, специфически-«английском», поприще пастор Кенворти получил немалую поддержку – по крайней мере, от благодарных мэнсфильдцев и их «Seed Time». Редактор журнала Генри Биннс решительно заявлял, что прежние неудачи не обескураживают участников движения «колонизации», а, напротив того, возбуждают аппетит в предвкушении новых опытов. И выразил надежду: «некоторые из наших подписчиков могли бы откликнуться на призыв».

Но Кенворти не мог удовлетвориться такой поддержкой, и для большего распространения своих идей он делает решительный шаг: официально отказывается от пасторства в Братской церкви (оставаясь с этого момента только пастором духовным для своих единомышленников и друзей), передав свои полномочия Артуру Бейкеру, и основывает «The Brotherhood Publishing Company» («Братское книгоиздательство»).

А следующее предприятие пастора Кенворти – община в Перли (Purleigh, графство Эссекс), создавалось уже на совершенно иных идейных началах, сформированных вышеописанным нами личным сближением его с Россией и Львом Николаевичем Толстым, вызванным как личным желанием Кенворти свидеться с Толстым, так и проблемами книгоиздательства.

Весь период своего существования кройдонское Братство не упускало из повестки своих обсуждений толстовскую этику земледельческого, «хлебного», труда. Самого Толстого увлѣк этикой обязательного труда на земле ещё в 1884 году крестьянин-сектант Тимофей Михайлович Бондарев (1820 - 1898). Он утверждал, что первейший долг человека состоит в сокращении потребления до минимума и зарабатывании себе «на хлеб», то есть на предметы первой необходимости (еды, питья, одежды, крова и топлива, необходимых для сохранения его от смерти от холода или голода) – за счёт труда своими руками. Такой физический труд Бондарев и утверждал под термином «хлебный труд». Он настаивал, что если бы все люди упростили свою жизнь и приняли свою долю в «хлебном труде», то неравенство и эксплуатация исчезли бы с лица земли и сотрудничество пришло бы на смену конкуренции, а все причины раздоров и несчастий исчезли бы.

Подготовительный «Комитет действия» для переселения на земли, по сведениям М. Холмана, был создан кройдонцами уже весной 1895 года (среди его членов исследователем названы Джеймс Хендерсон и Артур Син-Джон). Тогда же появились программные выступления Кенворти в «New Order» по этому вопросу. После визита Кенворти к Толстому зимой 1895 -1896 гг. «Новый порядок», по предложению Толстого, стал регулярно сообщать новости об действующих общинных экспериментах не только в Англии, но и в других местах: например, сообщения об экспериментах в Новой Австралии, в Парагвае, о деятельности очень успешной и хорошо регламентированной Ассоциацию кооперативов Рёскина в штате Теннесси в Америке и,

конечно, о более близкой географически «Свободной коммунистической и кооперативной колонии», созданной на ферме Clousden Hill около Ньюкасла. Было отмечено, что эксперимент в Ньюкасле, хотя и был относительно недавним, был удостоен внимания ряда лиц, занимавшихся противодействием «системе», включая лидера лейбористов Тома Манна и анархиста князя Кропоткина. Было ясно, что население общинного Кройдона было не одиноко в своём желании бежать от паразитической жизни города и приобщиться к подлинной, доброй, простой жизни на земле. Они были частью всемирного колониального движения, усиливающегося с каждым годом.

В июне 1896 года общество Кройдона оповещает о своих планах выкупа земельного участка – пока без подробностей. По русскому источнику известно, что это должны были быть приблизительно 7 гектаров, но имя сочувствовавшего Кенворти фермера-продавца не разглашалось.

К сентябрю, видимо, предварительная договорённость была достигнута, и Кенворти оповещает всех братьев и сочувствующих: «Кто хочет идти с нами заодно или просто помочь нам вернуться к земле, пусть спишется с секретарём...»

И – всё. Никаких обещаний золотых гор и сладкой жизни. Чувствуешь, что можешь “вернуться” к земледельческой жизни твоих далёких предков – дерзай, пробуй! понимаешь, что не твоё – ограничься посильной поддержкой... Казалось бы, в этом призыве не было

никаких оснований для позднейших скандалов в общине Перли и упрёков в адрес Кенворти... но...

Во второй половине 1896 года усилия по поиску подходящей земли пришли к окончательному успеху, и участок был приобретён у некоего г-на И. Нанна из Хилл-хауса в Перли, который за несколько до этого купил большое имение Авенальс возле Норд Нортон для продажи. Будучи участником движения «христианских колонизаторов», активно заинтересованным в колониальном землеустройстве, Нанн был особенно доволен тем, что смог продать земли Братству. По словам Э. Хопгуд, писавшей в «New Order» в декабре 1896 года, первоначальная сумма, необходимая для покупки земли и обеспечения предприятия оборотным капиталом, около 20 фунтов стерлингов за акр, была собрана шестью активнейшими членами Церкви. Каждый из них вносил от 50 до 60 фунтов стерлингов, тем самым облегчая бремя для их личной совести и делая возможным, наконец, чтобы Братство смогло проверить свои коллективные принципы. (Если бы они полагались на капитал, получаемый от прибыли, получаемой одними только кооперативными предприятиями, ждать пришлось бы гораздо дольше, так как общая прибыль Brotherhood Trust Store за пятнадцатимесячный период торговли до февраля 1896 года составляла лишь скуднейшие £ 25). На более позднем этапе колония получила финансовую поддержку из нескольких источников, главным из которых был Арнольд Эйлоарт, который до присоединения к первым пионерам весной 1897 года был преподавателем химии в Королевском научном колледже в Кенсингтоне. Получив богатое наследство и

чувствуя, что оно будет плохо уживаться с его принципами использования денег, он пожертвовал более полутора тысяч фунтов стерлингов в общий фонд колонии. Общий объём поступлений составил 2 415 ф. ст., распределившийся по активистам так: «Eiloart - £ 1,650, Mood - £ 230, Kenworthy - £ 100, Hammond - £ 70, Sinclair - £ 180, Prothero - £ 10, Henderson - £ 25, Spratley - £ 100 and Marsland - £ 50» (Холман, с. 161).

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что колония Перли (как и отпочковавшиеся от неё – Уайтвэй и др.) началась фактически благодаря наследству бессребреника Эйлоарта... а оборвалась – деятельностью ОТНЮДЬ не бессребреников Моода и Черткова, собравших с «братьев» на угождение Л. Н. Толстому и помощь милым его сердцу духовборцам сумму, никак не меньшую 900 ф. ст. (по подсчёту Холмана).

Реально, несмотря на всё сочувствование продавца, братство поначалу сумело на свои средства приобрести – только «три с половиной десятины земли, без всяких построек, голой, невозделанной» (цитируем, опять же, свидетельство русских толстовцев). Вырвать для новой общины хоть эту половинку от желаемого (немногим более 3,5 гектара) и кое-как обустроиться на нём Кенворти помогали плохие хлеборобы, но зато талантливые переговорщики: некто Синклер и Хаммонд.

Последнего, Хьюберта Хаммонда, а также другого «братца», некоего Садбери Протеро (Sudbury Protheroe), анонимный толстовский агиограф 1898 г. приводит как образчики верности идее. Молодой Хаммонд бросил

сытую жизнь у богатых родителей и уже обеспеченное место в банке.

«Недавно я совершенно ясно увидел правду Христова учения, -- откровенничает юноша, -- и понял, что это не мистическое учение, а самое жизненное. Я понял, что нельзя в одно и то же время следовать этому учению и оставаться в банке. Банк даёт деспотическую власть немногим, оставляя всех других в условиях рабства. Я пришёл к познанию, что учение Христа есть самый действительный и совершенный план жизни, прочтя сочинения Л.Н. Толстого, в особенности «Царство Божие...» и «Ходите в свете». Его сочинениями я был приведён к изучению Евангелия».

Причитав сию благоглупость, хочется воскликнуть хрестоматийное: «А был ли мальчик?!» То есть: действительные ли это слова несчастного Хаммонда? Слишком уж трафаретно всё, будто заученная речь... Даже формулировка о «христовом учении» -- не что иное, как парафраз полного, довольно длинного, заглавия вышеназванного сочинения Толстого: «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

«Братец» же Протеро – как некогда сам Кенворти – бросил карьеру торговца: отказался от членства в правлении крупной торговой кампании. Показательно, что в качестве «литературных» стимулов к этому он называет ТЕ ЖЕ САМЫЕ две книги Л.Н. Толстого. Это тем нелепей, что один из названных “шыдервов”, повестушку «Ходите в свете...», сам Толстой считал своей литературной неудачей и разрешил её публикацию в

1890 году только по настоянию БЕЗМЕРНО настоящего и влиятельного на него уже в то время В. Г. Черткова. Чертков, совместно с напарником, всё тем же Павлом Ивановичем Бирюковым ПЕРЕРАБОТАЛ текст, а потом сделал это ещё раз – уже без «Поши», но зато уж совсем по своему вкусу. Толстой НИКОГДА не считал «Ходите в свете...» полноценно-своим сочинением.

Вот блеянье в унисон божьей овечки Протеро:

«Пришло время, когда я должен был выбирать между Богом и Мамоной. Первый есть жизнь, последний – смерть, а потому я остановил свой выбор на Боге. Решив это, я стал искать себе руководителя и нашёл в Христе того, в ком я так нуждался. И потому я должен следовать ему, т.е. брать его как образец жизни. Христос исполнил волю Бога, не оставил ничего неисполненным, то же должен сделать и я. Христос позволил нам любить всех людей, любить один другого, как он возлюбил нас. То же, следовательно, должен делать и я».

И дальше Протеро рационализирует свои “подвиги”, под конец присовокупляя:

«К таким мыслям я был приведён сочинениями Л. Н. Толстого «Царство Божие...» и «Ходите в свете». Эти же книги привели меня к изучению Евангелия, которое теперь – моя настольная книга, укрепляющая мою веру и поступки. Моя будущая жизнь посвящена служению Богу, т.е. деланию того, что способствует счастью и радости людей».

Даже если не было таких исповедей английских толстовцев и их сочинил сам бездарнейший агиограф «Братского листка» -- умонастроение временных и неверных «попутчиков» пастора Кенворти он передал достаточно верно.

Предполагалось, что в Перли будет реализован принцип, по которому каждый член общины должен добывать пропитание собственным трудом.

Одним из полезнейших участников братства был упомянутый нами выше Арнольд Эйлоарт, молодой человек тридцати пяти лет, который жил в Кройдоне с 1894 года, и когда Перли был основан, он на свои средства прикупил в Уикфорде два поля для колонии вместе с землёй и коттеджами. Он был крепкий, среднего роста человек с ореховыми каштановыми волосами и грубыми руками. Он помог им построить теплицу, кирпичный завод и два коттеджа. Помимо этого, община обзавелась мастерскими и инкубатором.

Вскоре колония располагала уже участком в 10 акров земли и состояла преимущественно из молодых семей, которые селились в построенных в самой колонии или арендованных в окрестностях домах.

Под заголовком «Наша колония основана!» «New Order» на ноябрь 1896 года с гордостью сообщает: «Наконец-то мы обеспечили и фактически начали работу на земле. Мы купили 10 акров хорошей пахотной земли для наших домов и палисадников в Перли...»

Все вопросы внутренней жизни колонии, начиная с расхода средств и заканчивая проблемами целомудрия и вегетарианства, обсуждались на общих собраниях. Также колонисты пытались реализовать на практике один из основополагающих принципов учения Толстого — о непротивлении.

Сразу же с основанием колонии начались публичные чтения и пения гимнов в общинной Церкви Трудящихся и миссионерская деятельность в близлежащих городах.

По воспоминаниям Хьюберта Хаммонда, в Перли «были построены различные здания — сарай для инструментов, 100-футовая теплица (30 футов которой отапливаются нагревательным аппаратом), мастерская с верстаком, конюшня, где размещаются лошади и пони, постройки, в которых держится домашняя птица, хлев, достаточно большой чтобы держать шесть коров, угольный склад». Совместные обеды проходили в шестикомнатном кирпичном доме. По воспоминаниям Хаммонда, жизнь в общине была «праздником для тех, кто готов был заплатить за питание и проживание» (<http://www.utopia-britannica.org.uk/pages/ESSEX.htm>).

Кенворти совершает в этот период ещё один решительный и роковой шаг. Прежде он отказался от пасторства, понадеявшись на один духовный авторитет среди единомышленников. А в феврале 1898 года он передаёт редакцию основанного им журнала «New Order» в полномочие Ф. Р. Хендерсона и решительно посвящает себя коммунитарной жизни в Перли, строит себе в общине дом. Впрочем, связи с изданием он не

теряет: на позднем этапе существования общины, с мая 1899 г., «New Order» печатается в Перли...

Это было роковым шагом уже потому, что дни общины были сочтены: в её среду активно внедрились социалисты, занимавшиеся своей, отнюдь не толстовской и не религиозной пропагандой...

Денег от всех переводческих и издательских стараний у Кенворти таки хронически недоставало. И общине городских горе-землеробов – не удавалось возместить недостающую часть. «Донором» сельскохозяйственного Перли стал всё тот же Кройдон с его окупавшимися «братскими» мастерскими. По грустному признанию пожелавшего остаться анонимным агиографа, без столярной мастерской в Кройдоне – не было бы и никакого обустройства в Перли: большинству перлейских «братцев» простая стамеска правильным концом в руку так и не вошла... Хватило работы и для мастерских ткацкой, портняжной, сапожной... Это Лев Николаевич Толстой умел с сапогами сам... да и то, мягко скажем, не без греха!

В 1897 г. Джеймс Эванс основал общину в Ашингдоне, совсем недалеко от Перли. Годом позже была основана ещё одна, в Уикфорде, взявшая начало от Братской церкви Кройдона. Каждая семья колонистов владела здесь участком в 1—3 акра, общая площадь колонии составляла 29 акров. Имея бесперебойное сообщение с Лондоном по железной дороге, община в Уикфорде получила известность как «колония для горожан».

Ну, и уж совсем «городскими» были толстовские общества, функционировавшие уже в те годы в Лондоне и Манчестере — их деятельность ограничивалось проведением лекций и совместными чтениями произведений русского писателя.

В годы, последовавшие за основанием земледельческих колоний, к их «английскому ядру» примкнули гонимые свободные христиане («толстовцы») из разных стран... Впрочем, не особенно многочисленные: по сведениям У. Армитаджа (1957), в Перли число постоянных обитателей так и не превысило 60-65 человек, из которых только 15 постоянно жили в общине. Первой же зимой 1896 – 1897 гг., как сообщает М. Холман, там постоянно ютились в одном из двух коттеджей (арендованных за 8 ф. ст. в год) только трое: всё те же Хаммонд, Синклер и Протеро... Жизнь их была совершенно спартанская, не более чем на 5 шиллингов в неделю. Они сами готовили для себя, и непременно из блюдом, если верить навестившему их неприязненному к ним репортёру «Clarion», составляла холодная овсянка, для вкуса заедаемая луком... Весной жизнь в общине оживилась, что отразилось в сообщениях в «New Order» о новых постройках и посадках, обзаведении инкубатором, коровами, овцами, роем пчёл... К трём постоянным жителям в апреле присоединилась трудолюбивая, талантливая именно в сельском труде, семья Хонов (садовод Уильям Хон с женой, шестью детьми и двумя козами). К ноябрю колония располагала 15 постоянными жителями и примерно 35 – проживавшими окрест и поддерживавшими сотрудничество.

Да, всё же Перли несколько лет сумел развиваться. Двести яблоневых деревьев, 250 кустов крыжовника, огород с сельдереем и картофелем, коровы и куры постепенно застраховали жителей от нехватки продовольствия. Уголь доставлялся из кооперативной шахты Swadlincote. Для пахоты был спасён из адища города немолодой уже конь Джонни, много лет возивший городских седоков (вскоре, впрочем, он надорвался на «свободном» сельском труде и пал). Сеяли картофель, горох, фасоль, овёс, яровую пшеницу и подсолнечник. В теплицах росли виноград и томаты. В сентябре 1897 г. Хаммонд отчитался в «New Order» о титанической работе общины по очистке пруда.

Позднее слинявший из Перли Уильям Хейр (William Hare, иначе часто пишут: Харе) в мае 1899 г. писал в «New Order» об общине следующее:

«Мы - небольшая группа в разгар всемирного движения к лучшей и более справедливой жизни для человечества. Мы считаем, что это достойный шаг, хотя наш идеал превышает всего. Не за пределами необходимого производительного труда, а за пределами некоторых его нынешних аспектов».

И не беда – по мнению Хейра – что в недавнем прошлом руководители общины работали портными или клерками. Их объединяло неприятие существующего устройства общества:

«Некоторые решили отказаться от прав на собственность, другие стараются не использовать деньги, иные – не использовать марки, иные - протестуют против железных дорог».

Увы, но Хейр чудовищно тут не прав. Отсутствие единого религиозного понимания жизни – важнее всех причин гибели Перли. Кенворти не следовало бы не только пускать в общину, ни и позволять влиять на неё людям нерелигиозным, в особенности – социалистам... и русским друзьям Льва Толстого!

* * * * *

По горькой иронии, самыми знаменитыми и близкими Л. Н. Толстому из числа обитателей братских общин Кенворти оказались коллекционер и издатель толстовских сочинений В. Г. Чертков (1854 - 1936) и единомысленные ему переводчики Толстого – Эйльмер (1858 - 1938) и Луиза (1855 - 1939) Мооды. В марте 1897 г. община приютила В. Г. Черткова со всей его кодлой после высылки из России, дала оклематься, адаптироваться к английским условиям, нюхнуть свободы, обнаглеть... Последующая деятельность этих русских «братцев во Христе» послужила, как мы постараемся показать, несчастьям и гибели пастора Кенворти.

Дежурные слова, которыми положительно аттестуется в справочниках Владимир Чертков (1854 - 1936) – «друг и сподвижник Толстого, общественный деятель, публицист, переводчик, редактор, создатель и руководитель издательств... и пр. т.п.»

Нас интересует сейчас не столько эта, “внешняя”, биография Толстого, с которой читатель может легко ознакомиться вне пределов нашей книги, сколько то, что семейка Вовочки была ГОРОДСКАЯ (жили в Санкт-

Петербурге), АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ и СЕКТАНТСКАЯ. Мамаша Вовочки являлась с одной из великосветских сект – т.н. «пашковцами», высерками мистической движухи лорда Редстока. Так что корчить из себя и врать юный Вовочка мог научиться от дряни мамки и её суеверов-единомышленничков с самого детства...

Отец Черткова завещал перед смертью в 1884 году всё состояние жене – не без оснований опасаясь растраты... Но мать не ограничивала в средствах сына, во многом симпатизируя его социальным и религиозным исканиям.

Через полгода после первого знакомства с Чертковым в Москве Лев Николаевич впервые назвал его в Дневнике «одноцентренным», т.е. духовно ближайшим, другом (запись 6/18 апреля 1884 г.). Спустя четверть века Чертков, устранив всех конкурентов, им и остался – если верить записи в толстовском Дневнике от 24 июля 1909 года, описывающей интим Льва и Вовочки: «...И сближаемся не потому, что хотим этого, но потому, что стремимся к одному центру – Богу, высшему совершенству, доступному пониманию человека. И эта встреча на пути приближения к центру – великая радость».

Насколько сучара Чертков не соответствовал этому идеальному, субъективному образу – есть много свидетельств современников. Одних лишь наблюдений жены Толстого, Софьи Андреевны, хватило бы на большую и страшную книгу... Но Софья была неприязненно-субъективна: в её отношениях с Чертковым совершилось столкновение интересов двух

людей, равно хищных, одержимых и далёких от веры, от Бога и от Христа. Вот почему для нас ценнее свидетельства таких единомышленников Льву-христианину львят, как Кенворти (к сожалению, недоступный нам...) или помощники Толстого – Павел («Поша») Бирюков и последний секретарь Льва Николаевича, Валентин Булгаков. Булгаков оставил недавно опубликованные мемуары («Как прожита жизнь») и несколько других воспоминаний о Черткове. Пусть он и несколько других современников побудут нашими информаторами... К этим же авторам обращаются немногочисленные исследователи темы конца XX – начала XXI столетий, такие как американец А. Фодор (в книге 1989 года «A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov») или российский современный писатель, поп Григорий Ореханов. Американец, правда, не задействовал в своей работе многие находившиеся в Советском Союзе и недоступные ему важнейшие источники, а поп... отразил в своей книжке вполне церковную, субъективнейшую точку зрения. Задача Ореханова – не столько по Черткову бить, сколько по «еретику»-Толстому, так «неудачно» выбравшему себе ближайшего друга...

Валентин Фёдорович Булгаков (1886 - 1966), наш главный информатор, был одним из самых разумных, независимых единомышленников Толстого. В своей позднейшей, зрелой книге «В споре с Толстым» он жестоко и сполна разгромил раз и навсегда толстовскую ересь, тем избавив своё сознание от её деструктивного влияния и помогая в этом другим, своим читателям...

Валентин Фёдорович признаёт за В. Чертковым сильный характер и даже некоторую нравственную силу, позволившую В. Черткову круто изменить свою жизнь и из le beau Dima превратиться в реального лидера целого религиозного движения. Его лидерство основывалось на некоторых качествах: всепоглощающей любви к Л. Толстому, любви по-своему реальной, в чём-то очень глубокой и постоянно возраставшей, любви, сопровождавшейся пониманием того, что казалось Л. Толстому в себе самым важным и глубоким, в стремлении на всё смотреть его, Толстого, глазами, причём сочеталось всё это со своеобразным, холодно-дипломатическим складом ума, позволившим Черткову быть самым эффективным распространителем сочинений Толстого и его, как бы сейчас сказали, “имиджмейкером” в Европе. Это отношение к Толстому, своеобразная одержимость объясняют то обстоятельство, что делу распространения его взглядов ещё при жизни писателя и после его смерти В. Чертков посвятил большую часть своих душевных сил и материальных средств.

Однако эта сила сопрягалась, более того, возможно, была основана на другой, неодолимой, важной и крайне опасной с духовной точки зрения стороне характера — властолюбии: «...властолюбие, властолюбие, основанное на эгоцентризме, и способное иногда переходить в прямой деспотизм <...> В его душе тщеславие — “любовь к любви людей” — тонуло во властолюбии, в любви главенствовать над людьми и управлять ими. Чертков с юности привык к власти и полон был всегда чувством власти. Вот соединением этих-то двух импульсов: стремления к моральному,

нравственному овладению жизненной задачей, с одной стороны, и неискоренимого, врождённого и развитого уродливым воспитанием личного властолюбия, инстинктивной повадки деспота, с другой, и определялась сущность странной, сложной, часто капризной, переменчивой и тяжёлой личности Черткова» (Булгаков В. Ф. «Злой гений» гения. – Слово. – 1993. № 9 – 12. - С. 5, 12, 17).

Именно эти особенности характера — властность и деспотичность - содействовали тому, что В. Чертков достаточно быстро выдвинулся на роль лидера того свободно-христианского движения, которое традиционно называется «толстовским». Со временем он превратился «в своего рода “папу”» маленькой, родившейся под тульским небом церкви, стал, по словам В. Булгакова, «властным руководителем безвластных», «генерал-губернатором от толстовства», причем стремился овладеть безраздельно не только последователями писателя, но и им самим.

Увы! но при чудовищных акцентуациях характера, которыми был одержим руководитель – ЭТОЙ, на российской земле родившейся, церкви изначально не светило стать Братской. Английским братьям со своим пастором Кенворти повезло много больше...

Смачно, безжалостно, истинно по-христиански громит В. Ф. Булгаков Черткова с его кодлой, в которую видными представителями входили: Александра, младшая дочь писателя; жена Черткова Анна (по кличке «Галя»), секретарь и хохол А. П. Сергеенко, жид-пианист А. Б. Гольденвейзер, переписчица и подружка

Александры, крепко мутная фраерша Варвара Феокритова и др. Помимо этой «элиты», как свидетельствует Б. А. Дунаев, вокруг Черткова, как бесята при чёрте, всегда вертелись мелкие прихлебатели, готовые оказать ему за жрачку всякие мелко-подлые услуги (См.: Мещерские хроники: К 90-летию пребывания Л. Н. Толстого в Мещерском крае. Чехов, 2002. – С. 25).

В книге «Как прожита жизнь» В. Ф. Булгаков приводит свидетельства о психическом расстройстве В. Г. Черткова, делавшем его во время припадков «совершенно невменяемым и неответственным за свои поступки человеком». Долго живший в Англии в доме Чертковых словак-толстовец Альберт Шкарван, по специальности врач, пришёл к выводу о том, что припадки, происходившие с Чертковым иногда по нескольку дней подряд, были ранними проявлениями прогрессирующего паралича. От него Вовочка и сдох – но, к сожалению, только в 1936 году...

Мимоходом отметим характеристический финал отношений Черткова и Шкарвана: поводом для размолвки стала инициатива последнего по переводу и изданию на немецком языке замечательной антивоенной статьи Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» Окончательно же их отношения прихлопнул раздутый Чертковым скандал, связанный с немецким изданием «Круга чтения».

Увы! сам Лев Николаевич недостаточно строго отнёсся к сведениям о сумасшествии своего ближайшего друга, -- хотя, без сомнения и знал о нём.

Тому свидетельствами – его осторожные намёки в письмах (см. 67, 205; 88, 135).

Чертков твёрдо был уверен в том, что Толстой сам, без его помощи, не сможет ни организовать просветительской работы и отношений с посредниками, ни донести до читателей своих свободно-христианских идей. Другие – только конкуренты и вредители, и только он, Вовочка Чертков, знает, с кем и как надо... Он был типичным ШИЗОИДОМ, склонным к копотливой и тщеславной сектантско-прозелитической деятельности... между прочим, совершенно отвратительной в глазах Льва Николаевича!

Вот эта-то сторона личности Черткова оборачивалась в практической сфере в его своеволие в редакционно-издательских делах и оборачивалась конфликтами со всеми, кого его безумный, шизоидный мозг определял как “конкурента”. Толстой определённо, открытым текстом, указывал на «физиологические причины» (т. е. болезнь) его поведенческих девиаций (88, 135).

Даже «придворный биограф» Черткова М. В. Муратов в своей книге 1934 года «Толстой и Чертков по их переписке» с таким сожаленьем отмечает:

«Прямолинейная правдивость, соединённая с большой настойчивостью, которую проявлял Чертков, добиваясь, чтобы те кто с ним вместе работали, делали своё дело именно так, как ему представляется правильным, создавала полное отсутствие гибкости в его отношениях с людьми, и он был гораздо более одинок в своей работе, чем это можно было подумать»

(Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. – С. 135).

В. Г. Чертков постоянно проявлял настойчивость в получении права первой публикации новых произведений Толстого и был самым энергичным корреспондентом Толстого, наделённым от него уникальной монополией — ОБРАТНЫМ ПОЛУЧЕНИЕМ ВСЕХ СВОИХ ПИСЕМ, «конечно, не без расчета предоставить затем вниманию будущего историка лишь то, что он сам, корреспондент, найдёт удобным предоставить» (Булгаков В. Ф. «Злой гений» гения. С. 3). Вот почему так надёжно спрятаны “концы в воду” в деле ограбления Кенворти и его общины, ложного объявления его сумасшедшим – преступных подлостей В. Черткова, приблизивших настоящее сумасшествие и социальную гибель кройдонского пастора!

А вот ещё один из важнейших знаков неотвратимости гибели Джона Кенворти в ситуации, когда, пользуясь разлучившим его с Толстым расстоянием и некоторыми культурными различиями, Чертков встал злым «посредником» в отношениях Льва и его английского лъвёнка. Снова нас выручают мемуары В. Ф. Булгакова: его свидетельство о склонности Черткова с семейкой к такой уже чистейшей чертовщине, как ЁБЛЯ ЧУЖИХ МОЗГОВ, или насилию над сознанием человека, научно именуемому «манипуляцией сознанием». Ещё в конце 1909 – начале 1910 г., когда Валентин Фёдорович познакомился в доме Л. Н. Толстого с его лечащим врачом, словаком и толстовцем, Душаном Петровичем Маковицким, тот предупредил его о необходимости быть предельно

осмотрительным в личных отношениях с Чертковыми. «Чертковы, -- говорил он, -- умеют очень хорошо воспользоваться нужными им людьми, но ПОТОМ они выбрасывают их без зазрения совести, как выжатый лимон!»

Кенворти предупредить об этом было некому... Да и сам Толстой не внял предупреждениям, не отнёс опасности к себе: судя по тому, что Черткову с кодлой вполне удалась манипуляция с печально известным «тайным завещанием» Толстого... после которой сам старец стал для них более не нужным (живым) «выжатым лимоном»...

В хорошо известных даже в СССР воспоминаниях С. Н. Мотовиловой, большевички и соратницы Крупской, есть ценные строки о её впечатлениях от Черткова, каким он был в Англии в роковом для Джона Кенворти 1900 году. Мотовилова говорит о Черткове как о человеке неприветливом, часто грубо-высокомерном, «глумливом барине», любящим с внешним, фарисейским благочестием и открытой иронией произносить свои нравоучения. Это – существо, способное, глумясь, перешагнуть через другого, страдающего, гибнущего из-за него человека, и – не заметить его, найдя вполне иезуитское оправдание в благородстве и «духовности» своих задач.

Павел Иванович Бирюков («Поша»; 1860 - 1931) тоже сообщает нам некоторые ценные сведения. Так, он пишет в своём дневнике о том противоестественном состоянии, в которое пришла дружба В. Г. Черткова с Л.Толстым. О Черткове он говорит как о человеке,

«которого я безмерно уважал и искренно любил, но не мог иногда выносить его чрезмерное нравственное насилие как над людьми вообще, так и надо мной в частности; но особенно больно мне было видеть, как он подчинял себе Л. Н-ча, часто заставляя его делать поступки совершенно противные его образу мыслей. Л. Н., искренно любивший Черткова, видимо тяготился этой опекой, но подчинялся ей безусловно, так как она совершалась во имя самых дорогих ему принципов».

Михаил Сергеевич Сухотин (1850 - 1914), зять Л. Н. Толстого, в своём дневнике свидетельствует об уничтожении Чертковым всего значения воли Толстого, высказанной им ещё в 1891 году: в том, что право публикации его писаний принадлежит всем. «В действительности, -- пишет Сухотин, -- писания Л. Н. принадлежат Черткову. Он их у него отбирает, продаёт их кому находит это более удобным за границу для перевода, настаивает, чтобы Л. Н. поправил то, что ему, Черткову, не нравится, печатает в России там, где находит более подходящим, и лишь после того, как они из рук Черткова увидят свет, они становятся достоянием всеобщим» (Цит. по: Ореханов Г. В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. – С. 151).

В нецензурной, не опубликованной части своего дневника М. С. Сухотин прямо называет негодяя Черткова «главным цензором Л. Н., через руки которого проходят все произведения Толстого» (Цит. по: Ореханов. Указ. соч. – С. 151). Это позднейшее, 1910 года, свидетельство зятя Толстого можно с большой уверенностью экстраполировать и на весь почти период отношений Толстого с «толстовцем № 1». Яркий пример

того – судьба неудачной повести Л. Н. Толстого «Ходите в свете, пока есть свет». Черткову она так понравилась в 1883 году, что он УГОВОРИЛ Толстого закончить её. Когда же, после нескольких попыток, Лев Николаевич с отвращением оставил неудачный сюжет, уже в 1887 г., Чертков совместно с «Пошей» Бирюковым взялись за ПЕРЕДЕЛКУ (!) текста по своему усмотрению. И, конечно же, у них «всё получилось» -- херово, но зато до конца... Повесть, невзирая на протесты Толстого, была опубликована под его именем, и стала... ОЧЕНЬ популярной у ярых и радикальных «толстовцев».

Подводя итог, М. С. Сухотин в той же нецензурной части своего дневника делает страшный вывод: «Чертков цепок и Л. Н. из рук не выпустит» (Ореханов, с. 152).

Подробнее и развёрнутей свой вывод по характеристике отношений В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого М. С. Сухотин приводит в одном из позднейших своих писем к В. Ф. Булгакову. Нам оно любопытно тем, что М. С. Сухотин распространяет на Л. Н. Толстого и его «тайное завещание» ту критику, которая вполне приложима и к Толстому 1896 – 1900 и последующих лет в его отношениях с Джоном Кенворти и в отношении к нему самому.

«На отношения Л. Н. к В. Г. и обратно у меня сложился довольно определённый взгляд, -- пишет М. С. Сухотин, -- который в кратких словах можно выразить следующим образом. Л. Н. любил В. Г. исключительно нежно, пристрастно и слепо; эта любовь довела Л. Н. до полного подчинения воле В. Г. В. Г. тоже очень сильно

любил Л. Н., но не только сильно, но и ВЛАСТНО; эта властность довела Л. Н. до поступка, совершенно несогласного с его остальными верованиями (т. е. до завещания); <...> я не обвиняю в этом Черткова, как не могу обвинять кукушку, не могущую петть соловьём. Гораздо больше меня удивляет и огорчает соловей, забывающий своё чудное пение и из любви к кукушке старающийся не петть, а куковать. <...> Те фальшивые ноты, которые я слышу в заключительном аккорде, завершающем жизнь Л. Н., главным образом явились следствием того пагубного влияния, которое оказывал Чертков на своего учителя».

Такова личность В. Г. Черткова. О деятельности же его с момента высылки в Англию в 1897 году уже имеется достаточная литература. Коснёмся того лишь, что непосредственно связано с судьбой Д. К. Кенворти.

Как мы уже упомянули выше, Чертков вырос в семье неортодоксальной, и потому никогда не терял интереса к духовным протестным движениям. Уже около 1893 года у него возникает замысел будущей его книги «История гонений на христиан в России». Особое внимание Черткова привлекают отказники от призыва на военную службу по религиозным (как правило, сектантским) заблуждениям. Так Чертков и «вышел» на духоборов и уже не оставлял внимания к ним. Неизвестно, проявлял ли после середины 1880-х годов такое стойкое внимание и симпатии к сектантам Лев Николаевич, если бы не навязчивое влияние на него и в этом вопросе Вовочки Черткова. В 1896 – 1897 гг. им и его сотрудниками составляется ряд воззваний в защиту духоборов. Разумеется, имперская правительственная

сволочь не прекратила травли духовоборов, а обрушила репрессии и на авторов воззваний. 2 февраля 1897 года в петербургской квартире В. Г. Черткова по итогам которого Чертков был обвинён во вмешательстве в дела сектантов и подлежал высылке в Сибирь. Но тут за идиота вступилась вдовствующая императрица, хорошо знавшая вовочкиных родителей. Приговор для него был изменён на высылку под полицейский надзор в Лифляндскую губернию, или – на выбор – за границу, на неопределённый срок. Конечно, Чертков выбрал тикать в Англию – навстречу новым подлостям и преступлениям... 13 февраля 1897 года Чертков с семьёй выезжает...

Фактически уже с этого 1897 года Толстой, ослеплённый и оглулённый влиянием Черткова, начинает нарушать свои соглашения с Джоном Кенворти. Чертков частным образом, в интимных письмецах, выпрашивает у Льва Николаевича – и, конечно, получает! – исключительное право первого издания его статей на английском языке, берёт под контроль копирование рукописей Толстого и их перевод на английский язык. Даже в период «паразитирования» на базе Братской церкви и Братского книгоиздательства Джона Кенворти Чертков выпускает 9 изданий произведений Л. Н. Толстого. А в 1898 – 1899 гг. он осуществляет два собственных издательских проекта: издательства «Свободное слово» и «Free Age Press» («Издательство Вольного Века»). В типографии «Свободного слова» печатается одноимённый журнал, а также «Листки “Свободного слова”». В нём же были напечатаны впоследствии и все почти новые произведения Толстого, равно как и прежние,

пострадавшие в России от цензуры. Видное место среди них заняли 5 изданий романа Толстого «Воскресение». «Free Age Press» выпускало близкие христианскому сознанию Льва Николаевича книги на иностранных языках и имело филиалы в разных странах. Чертков привлёк к работе на издательство тех переводчиков, которые готовы были подчиняться его мнению и воле. Кенворти, конечно, среди них не оказалось... Только такие переводчики имели доступ к монополюльно приобретаемым им у Толстого текстам его писаний. Чертков стал не только сам переводчиком и издателем книг Л. Н. Толстого, но, фактически, и ПОСРЕДНИКОМ между Толстым и другими переводчиками и издателями его сочинений за границей, полномочным представителем Льва Николаевича в литературных делах по всей Европе. Кроме того, он напряжённо занимался редакторской работой и сам пописывал статейки на сопутствующие темки...

Образчиком всевластия Вовочки является выписанная ему Л. Н. Толстым 3 апреля 1899 года Доверенность на издание за границей романа «Воскресение», в которой Вовочка именуется не меньше чем «непосредственным уполномоченным» писателя, пользующимся его полным доверием.

По сути, Толстой, дав Черткову исключительные монопольные права, сам уничтожил христианское значение своего публичного отказа от авторских прав и предоставления всем РАВНОГО и безвозмездного права публикации его сочинений. В письме от 28 июля 1897 года Чертков буквально ТРЕБУЕТ (конечно, «в интересах нашего международного “Посредника”»), чтобы издателя

сочинений Толстого в России не общались напрямую с заинтересованными переводчиками и не смели предоставлять им напрямую, не через Черткова, корректур для перевода. Толстой покоряется и этому требованию... В письме от 21 декабря 1897 года Чертков уже открыто злобится на Льва Николаевича за то, что тот высылает новейшие поправки к корректурам статьи «Что такое искусство» не в Англию, в его лапы, а замечательному, серьёзнейшему, честнейшему и благороднейшему человеку – Николаю Яковлевичу Гроту, готовившему публикацию данной пространной статьи Льва Николаевича в своём журнале «Вопросы философии и психологии». Чертков особенно подчёркивает в своём письме громадность своих трудов для Толстого и убыточность (!) для его предприятия толстовских текстов.

Он довёл Толстого до того, что тот, в ответе на очередное «сердитое» письмо Черткова проклял собственное бессребренничество и жаловался в письме от 13 декабря 1897 г.: «Как много легче поступать, как все, не стараясь поступать лучше. Пока я печатал за деньги, печатание всякого сочинения было радость; с тех пор же, как я перестал брать деньги, печатание всякого сочинения есть ряд страданий. Я так и жду: и от семьи, и от друзей, и от всяких издателей» (88, 67-68).

Гавно твои друзья были, вот чего, Лев Николаевич!.. по крайней мере, один из них.

Чертков не только «устранил» всех иностранных конкурентов в контроле над Толстым и его наследием, но «дотягивался» для этого и до России. Александра

Львовна Толстая, младшая дочь, в своих мемуарах («Отец», в 2-х тт.) рассказывает, что когда один из духовных львят Льва Николаевича, Павел Буланже, предложил Толстому в 1901 году издавать в России конкурирующий с английскими изданиями Черткова журнал «Утро» и уже договорился о финансировании издания с купцом Солдатенковым (тем самым, который дал 5000 рублей на переселение духоборов), Чертков в письме погромил саму идею такого издания – лишь за то, что оно неизбежно было бы подцензурным, зависимым... Инициативу Толстого и Буланже он называет «поганым делом», «душевной проституцией», которая «хуже, отвратительнее, пагубнее, нежели физическая», «изменой Хозяину» (надо думать, что Богу, хотя по контексту письма можно подумать, что Чертков тут имеет в виду себя...). Смущённый Толстой в ответном письме кается и оправдывается тем, что хотел только немного пописать для журнала «художественные вещи» (Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. – С. 373 - 374).

В. Ф. Булгаков указывает, что вообще конфликтов у В. Г. Черткова с другими издателями в Европе, дерзнувшими что-либо опубликовать раньше его, было ОЧЕНЬ много, и всякий раз в этом случае он обрушивался на своих конкурентов «всей тяжестью своего характера».

Так было и с Джоном Кенворти. Современные исследователи личности и деятельности В. Г. Черткова А. Фодор (США, 1989 г.) и Г. Ореханов (Рашка Путинская, 2014 г.) признают обстоятельства общения Кенворти и Черткова – «довольно странными», а

Ореханов, вслед за В. Ф. Булгаковым, прямо пишет о подлости Черткова, который представил Кенворти перед Толстым душевно больным человеком (Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1964. – С. 186).

А. Фодор убедительно показывает, что в определённый момент В. Г. Чертков СОЗНАТЕЛЬНО и РАВНОДУШНО нанёс смертельный удар сельскохозяйственной общине Джона Кенворти в Перли. История с переселением духоборцев в Канаду вызывает у обоих авторов, А. Фодора и Г. Ореханова, закономерное недоумение. Ореханов недоумевает: «Зачем понадобилось собирать средства на это путешествие по всему миру и зачем А. Толстому, вопреки своим убеждениям, понадобилось получать гонорары за различные издания романа «Воскресение», если вся сумма могла быть предоставлена В. Г. Чертковым?» (Ореханов Г. Указ. соч. – С. 62).

Ореханов – в миру «протоиерей», т. е. православный поп, и не мог тут не с лукавством, утверждая, что не знает ответа на этот вопрос. Да знаешь ты! Потому что Чертков – из того же пёсего, подлого, ЛЖЕхристианского племени, такая же русская хитромордина и дрянь, как и сам ты, как и жена Толстого Софья Андреевна, как и масса адептов вашей церкви, только номинально христиан, не соблюдающих даже малых правил Нагорной проповеди! Это не в Англии, а в вашей православнущей путинской Рашке сейчас, в 2017 году, ещё многим памятна фраза, брошенная в ограбленную толпу представителем разбойничьего режима: «Денег нет, но вы держитесь!..» Это для вас Бог Богом, вера верой, дружба дружбой, «а

денежки – врозь!»! Чертков НЕ ХОТЕЛ поступать по Христу и отдавать на спасение духовоборов свои (своего семейства) земные богатства: угодить Толстому можно было и иначе, за чужой счёт...

Американец же А. Фодор честно и без лукавства подчёркивает, что само по себе создание русской колонии и книгоиздательств В. Черткова в Англии УЖЕ было сродни Иудину «поцелую смерти» в отношении братской общины Джона Кенворти и его самого. А «добили» Чертков и Моод колонию Перли – как раз востребованием служения «по Христу», сбором «на помощь братьям» крупной суммы денег (Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. – P. 90 - 93).

(Подробнее мы ещё скажем об этом эпизоде в соответственном месте.)

* * * * *

Собственно, Чертков или Моод не особенно-то и стремились прижиться НА РАВНЫХ с общинниками. Чертков прибег к приёму, неприятно знакомому специалистам-толстоведам по изучению его общения с Толстым: он поселился БЛИЗ (как и большинство мнимых «общинников»). Как в России он, как чёрт вокруг праведника, вертелся БЛИЗ, да вокруг, да около Л. Н. Толстого, так и в Англии он жил БЛИЗ Перли, в местечке Кок-Кланс. Зато – не преминул поэксплуатировать «божьих овечек» Кенворти для своих нужд угождения Льву Николаичу: именно по его просьбе

колония приютила на некоторое время небольшое количество членов секты духоборов, покинувших Россию при известнейшем посредничестве и всяческой поддержке Л. Н. Толстого. Получив в Англии поддержку квакеров, они в конце концов сумели переправиться в Британскую Колумбию, в Канаду. К несчастью для ДКК, некоторые «его», Кенворти, толстовцы решили «вдруг» последовать вслед за ними...

«Братец» Эйльмер Моод с женой приткнулись в той же чертковской манере – особнячком, рядышком, в нескольких километрах, в Хилл Фарм (ферма Уикхэма в Дэнбери). Моод до этого около 20 лет жил в России, где сделал торговую карьеру и даже стал директором Русской ковровой компании. После знакомства с Толстым в 1888 году и общения с ним в зимы 1895 – 1896 и 1897 гг. он, уже гнусно развращённый торговлей, вдруг решает заделаться «толстовцем», уходит в отставку и возвращается в конце марта 1897 г. в Англию.

Как мы видели, семейка Моодов сделала сперва неплохое денежное пожертвование в общину – в два с лишним раза большее, чем осилил сам бедняк Кенворти... Кроме того, многоталантливой семье Хонов были куплены молочные коровы, и у братства появились молоко и сливочное масло на продажу... А ещё Мооды устраивали у себя в доме музыкальные вечера, на которые приглашали общинников... М. Холман с неудовольствием отмечает в своём исследовании, что и в этом, и в других случаях «культурные программы» общины были нацелены, главным образом на собственное развлечение, а не на просветительство,

распространение опыта и привлечение новых участников. Для окрестных жителей они оставались во многом непонятными и часто даже шокировали своим внешним видом и поведением (Холман, с. 167).

Недотёпа Садбери Протеро переехал жить к ним и научился использовать большую печь в фермерском доме, чтобы печь хлебы для всей колонии. Миссис Моод озаботилась вполне толстовским предприятием: открыла для общинников столовую под открытым небом, под тентом, и лично участвовала в приготовлении кушаний.

Аристократический Чертков на такое сближение был тупо не способен: его делом стало витийство в печати, прозелитизм в букве и духе учения пресвятого боярина Льва...

Но вот итог доверительного общения семейки Моод с колонией Перли: 1 сентября 1898 года Эйльмер Моод укатил с духоборами в Канаду, разбогатеv примерно на 1000 фунтов стерлингов, собранных для «братьев во Христе» Арнольдом Эйлоартом и колонистами. По сведениям У. Армитаджа, всего торгош «раскошелил» колонистов на £ 1,200; часть этой суммы была ухлопана на бестолковую поездку духоборческих «братцев» Петра Махортова и Ивана Ивина вместе с князем-сектантом Д. А. Хилковым на о. Кипр, для подготовки переселения туда духоборов (позднее Кипр был признан непригодным для них), а около 900 ф. ст. – на последующий канадский переезд.

В письменном обращении к духоборам, опубликованном в «New Order» в сентябре 1898 года,

общинники Перли предлагали духоборам шестимесячный «отдых» за счёт колонии и оплату переезда – вплоть до 1200 ф. ст., составлявших всё их достояние. В оригинале (цит. по статье Холмана):

«We who write are a Committee appointed by some of the Colonists here who have money, to administer that part of it which they have decided to offer you in the hope that you will accept it to help your emigration.

In the first place there were voted for this purpose £500 which we could easily spare. Later, when we read your telegram to Tchertkoff saying 'cannot wait', the Colonists decided to reserve only enough money for about six months and to offer you the rest. This amounts to £800. But of the £500 first mentioned nearly £100 has been spent in the journey to Cyprus made by your comrades Ivin, Mahortoff and Hilkoff. Altogether, then, we have £1,200 at your disposal, and we beg you to use the whole of it if you find it necessary. For after six months, even if we do not before then receive help from our friends, we can earn our living by working outside the Colony ...»

Русский «братец» Моод заготовил для христиан Кенворти продуманную психологическую ловушку: выбор между сохранением общины ценой отказа от христианских принципов милосердия и помощи (для осуществления которых и жило братство) – и разорением, неизбежным при единовременном донаторстве Перли такой суммы, равной, по меньшей мере, половине общего дохода колонии с момента основания.

Так что неизвестно ещё, от кого было Кенворти больше говна: от Черткова или Моода. Холман проницательно констатирует общее деструктивное значение деятельности русских визитёров в Перли: «Они прибыли, прежде чем колонисты успели физически обосноваться в новых условиях и духовно адаптироваться к новому опыту жизни в общине, работающей на земле», а прибыв – тут же “нагрузили” общину обязательством МАТЕРИАЛЬНОЙ поддержки русских «братьев во Христе», духоборов (Холман, с. 166 - 167).

Община Кенворти была РАЗОРЕНА – разумеется, ради высших соображений и для «благого дела» помощи общинам духоборов! С удовольствием вспоминая об этой своей «победе», Эйльмер Моод в воспоминаниях, писанных уже в 1905 году, пеняет, тем не менее, за развал общины Перли исключительно на «негодных» общинников и «слабость» Кенворти:

«Чтобы удержать общину вместе, требуется либо большая самобытность и неизменность жизненных привычек, либо стереотипная религиозная традиция: чтобы члены, по привычке или из религиозного гипнотизма, не желали делать что-либо, что противоречит общинным обычаям. Единственное, что, по-видимому, делает коммунизм возможным, - это очень сильное руководство, доминирующее во всей группе. В последнем случае быстрый коллективный материальный прогресс вполне возможен, поскольку сильный и способный руководитель должен санкционировать изменения и решать, какие изменения должны допускаться, и когда они должны быть введены» (Цит.

по: Armytage W. H. G. J. C. Kenworthy and the Tolstoyan Communities in England // Tolstoy and Britain. – Oxford: Washington: Berg., 1995. – XII. – P. 147).

Это отчасти правда – но особенно цинично выглядящая в подаче той суки, которая лично «позаботилась», чтобы Кенворти потерпел фиаско. В этом смысле более справедлив английский журнал «Clarion», который в своей статье от 20 августа 1898 года положительно отозвался об эксперименте Кенворти в Перли, как о попытке «проложить Суэцкий канал в Царство Божие» («to cut a Suez Canal to the Kingdom of Heaven»), преодолеть пропасть, разделяющую мир конкуренции от мира сотрудничества. ЧЕМ, вы, русские суки, вместе с обрусевшим Моодом, помогли в этом деле не духоборам (чтоб угодить Толстому), а тем, кто приютил вас в Англии? Разница характеров и привычек – не исключает успеха. Апостолы, первые ученики Христа, тоже были не идеальны...

Английские христиане в этом эпизоде смертной жертвы, обрекавшей на банкротство всю колонию – безупречны. Быть может, это лучшее, что они успели сделать до НЕИЗБЕЖНОГО (из-за других причин) распада братства Перли! Зерно доброй заботы пало в вожделевшую оной почву, увлажнилось материальным воспомоществованием – и принесло плод благодарной памяти СОВРЕМЕННЫХ, живущих в Канаде, потомков ТЕХ, спасённых друзьями Льва Толстого и христовыми братьями Кенворти, духоборов...

Среди внутренних неурядиц, способствующих распаду колонии Перли, Холман выделяет, помимо

хозяйственной неопытности колонистов, отсутствие понимания и диалога с окрестными жителями, недостаток опыта ненасильственного (на основе разумного убеждения, без противления и принуждения) управления колонией. В первый год, как мудро подмечает Холман, отношения колонистов облагораживались совместным созидаящим трудом, подразумевающим религиозное настроение, и многие бытовые прения просто сглаживались...

Ещё новую проблему добавило приобретение общиной в мае 1898 года дополнительных 13 акров земли. Возник вопрос об УМЕЛЫХ рабочих руках для их употребления а значит – о критериях отбора из числа новых претендентов на проживание в колонии Перли... Теоретически каждый мог присоединиться, и изначально не существовало ни процедур, ни условий для принятия новых членов. Тем не менее, постепенно некоторые процедуры были развиты. Заявки от предполагаемых колонистов стали рассматриваться на еженедельных деловых встречах, заявитель сначала информировался об идеологическом и финансовом положении группы, и ему было предоставлено право решать, присоединяться или нет. Таким образом, колонисты возлагали на заявителя бремя решения, делая вид, будто он принимает их, а не наоборот. Естественные последствия такой процедуры заключались в том, что люди трудолюбивые и умелые, но совестливые отказывались от своей задумки, либо чувствуя, что они не будут «вписываться» в идеологию, либо полагая, что финансы колонии не могут поддержать дополнительного члена. Зато всё больше набивалось бездельников и тунеядцев, которых меньше

всего волновало общее благосостояние общины... Колония не могла достичь самоокупаемости, жила «в убыток», росли долги... но в то же время переборчивость и подозрительность при приёме новых членов шли вразрез с проповеданной Толстым христианской истиной равенства, доверия, любви... Разразились по меньшей мере два скандала с изгнанием из общины уже принятых было братьев. Огромный урон нанёс уход квакера и журналиста Сэмюэла Вила Брехера, обладателя наследства в 1000 ф. ст. – весьма необходимой Перли суммы! Но Брехер и партия разочарованных в компромиссах Кенворти идеалистов предпочли употребить эти деньги на создание самостоятельной общины Уайтвэй (Whiteway), вскоре покончившей с их коммунистическими и христианско-анархическими идеалами... Денежки к денежкам любят идти: среди оставивших Кенворти были и семейка уже обчистившего его Моода, и преданные Синклер и Протеро, и Нелли Шоу, и – самое страшное! – Эйлоарт, секретарь и главный благодетель-донатор Перли. По его примеру другие колонисты, разрывая с Перли, требовали со скандалами возврата вложенных в общую братскую жизнь денежных сумм...

В 1899 году колония Перли начала было поправлять своё предсмертное состояние: в теплицах росли помидоры, на восьми акрах земли – кукуруза, на других землях – горох, картофель, плодовые сады... Два анонимных донатора перечислили общине сумму, которой хватило для погашения долгов и даже строительства нового жилого коттеджа. Однако этого подарка было недостаточно, чтобы компенсировать пожертвование духоборцам. Самое же страшное: «практики», опытные рабочие, уже в основном ушли из

общины, и мало что можно было сделать, чтобы убедить оставшихся городских лентяев, рукожопых «теоретиков», что «хлебный труд» на самом деле означает: работать, а не говорить о работе... Остававшаяся в Перли семья затыжных трудоголиков Хонов всё же не могла компенсировать недостачи НАСТОЯЩИХ тружеников.

Был и ещё один аспект... очень интимный. Колония Вайтвэй начала свой светлый путь в никуда довольно буйно: со снятия запретов, касающихся не только одежды, но и сексуальной жизни, половых сношений, семейных связей... Это не могли одобрить ни Лев Толстой, ни Кенворти – но это тоже отменило от «толстовского», целомудренного Перли немало молодых, крепких тружеников. У остававшихся же этот вопрос тоже периодически поднимался, вставал и не давал покоя... так что Перси Редферн, известный журналист и активист кооперативного движения, посетивший Перли в начале лета 1899 года впоследствии вспоминал, что «рассуждение, похоже, было основной продукцией фермы» («argument seemed to be the farm's chief produce») (P. Redfern, *Journey to Understanding*, London, 1946, p. 92).

Когда же Франсис Седлак (Francis Sedlák), чешский толстовец, по совету Л. Н. Толстого навестил общину Перли в июле 1899 года, он обнаружил, что там – предсказуемо – осталась жить и успешно, радостно трудиться только семья Хонов.

В 1899 году Перли был почти заброшен и «отцом-основателем»: Кенворти реже проводит время в общине,

вернувшись к активной лекционной работе. Он читает в Лондоне, Галифаксе, Лидсе лекции против денежного рабства, собственности, разврата, эгоизма...

Между тем и печатное его детище – журнал «Новый порядок» -- был оставлен его издателем Френком Хендерсоном, занявшимся собственными издательскими проектами.

По справедливому заключению У. Армитаджа, гибель Перли к весне 1900 года несомненно подвела Кенворти к сумасшествию («undoubtedly helped to drive him to the brink of insanity») (Armytage W. H. G. J. C. Kenworthy and the Tolstoyan Communities in England. - P. 146). Кенворти был сломлен – и не получил, как мы покажем ниже, достаточной, адекватной, понимающей братской помощи и поддержки от того единственного человека, которого продолжал считать своим другом...

Среди менее вероломных и более культурно-близких, нежели русские, истинных друзей Кенворти были милая Элиза Пикард и Том Феррис. Последний по весеннему солнышку, в апреле 1897 года, десантируется с «братишками» в Лидс (Leeds, West Yorkshire), на Виктория-Роуд (местность Холбек), где привлекает ещё и местных единомышленников к созданию новой и очень успешной ремесленной общины «The Leeds Brotherhood Workshop» («Братской мастерской Лидса»). В конце 1898 - 1899 гг., когда лидсский воркшоп раскочегарился и доказал свою жизнеспособность, неугомный Том со столь же неугомным братом (духовным, в Боге и Христе) Эрнстом Эймсом создают аналогичную мастерскую Братства и в столь же многообещающем, в смысле отклика на пропаганду и вербовку новых членов, индустриальном Блэкберне (Blackburn,

Lancashire). Десять «братьёв-основателей» колонии Блэкберн решили зарабатывать на жизнь всё тем же «лидсским», весьма специфическим, способом — занимаясь починкой электрооборудования и электрических линий.

Вот что писал один из колонистов Блэкберна в «New Order» в декабре 1898 года:

«Среди нас есть социалисты, анархисты и члены христианских церквей – все наблюдающие с интересом за успехами начинания индустриальной коммуны на Виктория-Роуд, 6, в то время как в рядах её членов пробуждается такая общественная сознательность, которая позволит им плодотворно и радостно служить общему благу» (Цит. по: Armytage W. H. G. J. C. Kenworthy and the Tolstoyan Communities in England. - P. 144).

Член лидсского Братства Билли Мак-Куин, так рассказывал о жизни мастерской на страницах анархистской «Свободы»:

«В настоящий момент усилия товарищей сосредоточены на изготовлении, главным образом, велосипедов и различного электрооборудования. Один товарищ шьёт одежду для всех, другой – чинит собственные сапоги...»

По мнению Мак-Куина, «эксперимент» лидсской мастерской «extremely interesting to us who have approached Anarchy from another road» («чрезвычайно интересен для нас, тех, кто утверждает Анархию своими особенными средствами»).

Наконец, в том же 1899 году была основана небольшая (в полакра) вегетарианская община в Браунстоне, пригороде Лестера.

Настороженность и даже враждебность, с которыми простые англичане подчас относились к толстовцам, нередко сменялись по прошествии времени более терпимым отношением. К примеру, журналист «Манчестер Гардиан», описывая уже в 1904 году колонистов Лидса, подчёркивал, что толстовцы, как ему представляется, отвергают людские законы, но вместе с тем признавал, что «у соседей сложилось благоприятное мнение о них» («A Strange Fraternity». 1904. Aug. 12).

Уместно уже здесь будет подчеркнуть, что для Кенворти вся эта милота означала несколько иное, не столь радужное: в Перли совершился РАСКОЛ: люди совсем иной социокультурной общности, нежели Лев Николаевич и его трудящиеся соотечественники – крестьяне, оказались в том же недоумении перед необходимостью воплощать толстовскую концепцию «чистых» аграрных общин, что и интеллигентные соотечественники Толстого за десять годков до этого (притащившие в ранне-толстовские братства свои отнюдь не братские, городские, привычки и замашки). И – пред теми же материальными затруднениями, главным из которых была нехватка средств для поддержания растущей сперва общины. Им ПРИШЛОСЬ идти этим «особенным» путём, и их успех и долгожительство – говорят за себя сами.

В попытке отстоять сугубо аграрный и аполитичный (без участия в социалистическом и анархическом

движении) характер перлейского братства Кенворти приобрёл, как минимум, троих сильных, влиятельных недругов: никогда не терявшего связей с квакерским сектантством и социализмом Джона Брюса Уоллеса, доверенного толстовского переводчика и «чертковца» Эйльмера Моода и... просто разочарованного в старшем «духовном наставнике» Тома Ферриса. Каждый из них сумел нагадить Кенворти по-своему, и первым мстителем был Уоллес, который и верховодил расколом 1897 г. Следующий раскол – 1898 года – вызвал к жизни социалистическую общину «Whiteway», о которой мы ещё скажем ниже.

Мало кто из соотечественников ДКК видел разумность и привлекательные стороны настоящего, религиозного пути к анархическому освобождению, на который он пытался их вывести. Та же самая «Свобода», хоть и сотрудничала с Кенворти, но от случая к случаю позволяла себе «остроумные», как казалось её щелкопёрам, колкости в таком примерно духе:

«Безусловно, Толстой и Кенворти должны признать, что в христианстве есть много вещей, неприемлемых ни для одного здравомысленного человека. Поскольку оно уже послужило удобением для иных учений, рассматривать его как истинное слово Бога – действительно, уж слишком по-детски».

Кроме того, «Freedom» выразила свою незаинтересованность в поддержке проповеданного Толстым и Кенворти христианского учения о неупотреблении насилия в сопротивлении злему, или, как это чаще называется, «непротивлении злу»:

«...Поскольку, как очевидно, это преступное дело: учить людей тому, что нужно позволять другим поступать с ними так, как тем заблагорассудится. Это совершенное поощрение всех тираний и гнусностей, от которых род людской страдает многие века».

При всей внешней логичности, «Свобода» здесь, конечно, многое «передёрнула» -- как и положено идеологически ангажированной газетёнке, зависящей от подписной платы и донаторства исключительно единомышленников одного уклона.

А толстовцы в 1898 году пеняли Кенворти, в свою очередь, на недостаточную христианскую религиозность его коммун, уклон в мирское, «в социализм»:

«Во время основания Братской церкви социалистическое направление слишком ясно сквозило в этом новом обществе, и хотя члены общества и были тронуты учением Христа в Нагорной проповеди, но усилия их направляются главным образом не на изменение СВОЕЙ внутренней жизни, а на улучшение внешних условий. Мы ещё не слышим призыва помогать другим, служить им, положить свою душу..., а слышим самые спокойные рассуждения деловых англичан об устройстве кооперативного общества труда, о делах и пр. Всех интересуют общественные вопросы: не так, как надо МНЕ сейчас думать и поступать, но как надо жить обществу» («Братский листок»).

Напрасно пеняли. Моод, Чертков, Уоллес – воплощали в себе то отжитое, языческо-еврейское,

жизнепонимание, которое так хорошо было описано Л. Н. Толстым в статье «Религия и нравственность». Жизнепонимание человека, не мнящего для себя и других жизни без систем государственного прямого и денежного насилия, без утоления похотей к наполнению кубышки и мошны и опорожнению мошонки, к власти, к тщеславному самоутверждению, стайному обезьяньему доминированию. Они не прощали Кенворти его чистой веры, мысленно «втоптав» его в роль самодура и фанатика... А вот Кенворти христианином – БЫЛ; даже независимо от податливости мирским веяниям и личного греха тщеславия – всё-таки был честнее и ЧИЩЕ их!

Коренная причина расхождения Кенворти с «классическим» анархизмом была, как нам представляется, как раз христиански-религиозной: он по-толстовски талантливо, то есть едко, без малейших упущений или жалости, изобличил узость жизнепонимания как анархистов, так и большинства не-анархических своих попутчиков в деле общественной протестной активности: прежде всего, их слепую веру в насильственную борьбу, альтернативой которой безбожники видели только покорность и поддержку ненавистной им «системы».

По аналогии с концепцией «non-resistance» («непротивления»), декларированной американским аболиционистом Уильямом Ллойдом Гаррисоном ещё в 1838 году (когда юный русский Львёнок, будущий «апостол непротивления», ещё заботился о красе одежд и ухоженности едва наметившейся гривки, а не о деле Бога и Христа), Кенворти предложил тогда «золотую

середину», особый третий путь: «non-cooperation». Как и следует из определения, сущность его – в отказе трудящегося непосредственного производителя от любых форм сотрудничества с системой организованного социального насилия и зла. От изготовления того, что нужно не общинам, а городам и государству – например, оружия и всего, что служит смерти или эксплуатации труда. От денежной системы, капиталов и участия в них. И от многого ещё...

Да, это жертва. И такая, на которую всякий человек может пойти не по социальным призывам или убеждённости, а только – по вере, т.е. доверию Богу и учению о пути спасения и доброй, разумной жизни людей.

Вообще странна и страшна эпоха, в которой религиозному христианскому изданию могло проститься увлечение социализмом, а вот свободно-христианская проповедь – послужить сигналом к его разгрому. А именно это случилось с журналом «Молодой методист», опубликовавшем в июле 1894 г. статью Кенворти о необходимости для каждого «перерождаться духом» во Христе, отрекаясь от служения и подчинения мирским идолам денег, собственности, правительства и пр., главное же – от суеверия разделения с братьями, индивидуализма.

На страницах дружественного «Seed Time» («Время сеять») Кенворти разъяснял, как мы помним, смысл своей методы так:

«Мы должны быть организованы и действовать с размахом. Мы должны противопоставить капиталистической организации – братские организации».

Мысль простая, и не столь уж утопическая, как может сперва представиться. И уж, во всяком случае, не чреватая теми деструктивными социальными практиками, которые явили «традиционные» учения поклонения «свободе» или равенству.

В то время как анархисты современной ему эпохи грезили и бредили (а большинство современных нам – и продолжают бредить...) «завоеванием свободы» с последующим, чаще всего, «поравнением» всех, Толстой, а вслед за ним и верный его лвьёнок Кенворти, предложили начать – с БРАТСТВА: с усилий каждого общинника практического исповедания словом и личным примером, воплощения в жизни идеалов первоначального христианства, долженствующих только в будущем освободить и оздоровить всё «большое» общество. «The healing of society must come about from within...» -- это слова Кенворти, но это же – и Лев Толстой с его «царством Божиим внутри вас»... да и не Толстой ведь, а Христос... Да и Христос ли? Правильнее сказать: Бог и истина Его, входящая в созвучие с Божественным в каждом человеке.

Христу пришлось немало поспорить с православными (так Толстой в своём «Четвероевангелии» переводит слово «фарисеи»), разъясняя, что слово его – не его придумка, а вновь предаваемая миру истина Бога. Не

будем же повторять этой ошибки православных – в отношении и Кенворти, и Льва...

Живая жизнь кройдонского и перлейского братств образца 1896 – 1897 гг. казалось бы, опровергла все идеологические «изыски» и газетки «Свобода», и других неполных единомышленников и временных попутчиков Кенворти. Общины в этот краткий период – всё-таки процветали, сумев ненадолго примирить в своих рядах и свободных христиан-«толстовцев», и социалистов, и анархо-радикалов. Быть может, удалось это благодаря вполне гуманному их повседневному жизнеустройству, благоговейному не только к Божественному в человеке, но и к невинным, не принципиальным по своей социальной значимости слабостям человеческим. Кристофер Драппер, наш современник, биограф и соотечественник Кенворти приводит, как пример и образец такой мудрой (хоть и чреватой опасностью «переборщить», как и в любых начинаниях) постепенности в духовных требованиях сообщинников друг к другу, – чудесно уцелевший входной билет на вечеринку в общине Кройдона. Он бодро и весело обещает «Music! Dancing! Contraptiones», лёгкие закуски, а в уголке – щекочет молодые и горячие тогда сердца следующей шутилой нотицей: «BOMBS EXTRA. Bring your own dynamite».

Опыт жизни уже в этих общинах ДКК обобщил на страницах своей следующей большой книги – «От рабства к братству», из которой мы можем узнать, сколь много усилий приложил Кенворти для толстовской пропаганды среди анархистов-коммунаров и как радовался свидетельствам их нестойкого, но на время

всё-таки более глубокого, чем прежде, понимания евангелий.

Беда Кенворти, его общинных практик и его, смеем утверждать, всё же НЕ утопической теории – была только в одном: во влиянии предыдущих, внушаемых и с детства, и взрослым, религиозных предрассудков, социальных соблазнов и суеверий. И первое из них – суеверие всякой «оппозиционной» политики, а в частности – радикалов-«социальщиков», от которых Кенворти с друзьями открестились на словах, но не избавились психологически и де-факто продолжали эпизодически поддерживать. «Социальщики» -- всегда спешат, гордо и самовлюблённо бунтуя против одной простой истины: ЦАРСТВО БОЖИЕ НУДИТСЯ, т.е. не может быть возбуждено к торжеству Своему на Земле или даже в одном народе за краткий срок человеческой жизни... Кенворти – тоже спешил в своих надеждах.

Да спешил, быть может, и Лев: ведь и он с симпатией присматривался к ученикам-общинникам, а своими учителями так же сделал, среди прочих – Гаррисона, Эмерсона, Рёскина и Генри Джорджа. Но Кенворти не принял во внимание важных различий его и Льва Толстого судеб: Лев до своего прихода ко Христу – жил десятки лет «как все», т. е. безбожно, дурно и грешно. Он унаследовал в юности имение с крепостными рабами, оброс, помимо многочисленной родни, всюду связями и знакомствами, стяжал и копил деньги, из флигеля, уцелевшего после карточных проигрышей и продажи дома, отстроил в наследственном имении развесистую домину, завёл там и успел воспитать под свои аристократические замашки (т. е. гнусно развратить,

отчего и пострадал впоследствии, будучи уже исповедником Христа) жену и старших детей. Успел всемирно прославиться вожделенной его тщеславию славой писательской и всероссийски – общественной разнообразной активностью, не связывавшейся до 1880-х гг. в сознании соотечественников и окружающих ни с какими «неприемлемыми» идеями. Ну, да... граф и молодым – «шалил»: и на поприще мирового посредника по крестьянским делам, и в своих педагогических теориях... Но на то они и господа-графы!

ЧТО из этого было «в активе» у сына матроса и бывшего торговца Кенворти, когда он, подражая яснополянскому кумиру, сумел своими выступлениями в печати и общинами отворотить и вызвать недоверие, вплоть до неприязни, у представителей едва ли не всех главных течений и религиозной, и политической мысли – даже для социалистов и анархистов маркировать себя, как вредного своими идеями, даже опасного «чужака»?

В активе у пастора была – паства. Он отказался от пасторства в пользу общины, книгоиздания и журнала. От журналистской работы он отказался – в пользу общины же, вскоре распавшейся. Книгоиздание его и переводы – стали не нужны Толстому, когда в Англии подселились его доверенные дружки, Чертков с семейством и Моод... В журналистской работе, к которой попытался вернуться – постигли скандалы, тяжбы и фиаско...

Ему было суждено потерять почти всех братьев по Богу и Христу... Как и краткое первенство в просветительстве в родной Англии толстовским словом,

т. е. текстами, на которые наложил всеудушающую монопольную лапу Чертков... Как и жену и детей, слишком долго заброшенных в годы «головокружения от успехов» своего пасторства и просветительства. Семья и большинство соратников оставались в начале XX столетия живы (хотя и выехали, вслед за Уоллесом, из «выморочного» Перли), да и тексты Толстого никуда не делись, но всё это с удушающим отчаянием вдруг осмыслится им – как УТЕРЯННОЕ, уже НЕ-ЕГО, ускользнувшее из его жизни... оставившее его в цветущий её период – у истоков. Мирской соблазн и политическая «социализаторская» примесь неотвратимо подтачивали силы душевные для покаянного и смиренного начала «с чистого листа» и исправления ошибок... возраст – отнимал физические силы... а русский брат во Христе, Лев Николаевич, оказался вдруг далеко... и – как мы покажем ниже – не в одном географическом смысле.

Глава 5.

НАВСТРЕЧУ КРАХУ И БЕЗУМИЮ

Да, вместе с вышеописанной деятельностью помощи Толстому, изданию его сочинений и духоборам, -- это, несомненно, были продуктивнейшие и «звёздные» годы Джона Кенворти. Он не ограничивался работой только по братским общинам и книгоизданию. В марте 1896 года он участвует в собрании «свободных дискуссий» анархистов в Клерненуэлл-Грин. В апреле 1897 года Кенворти председательствует на анархистском митинге в Уолсолле, организованном рабочими и профсоюзными

активистами Джеймсом Харди (James Keir Hardie, 1856 - 1915), Томасом Манном (Thomas Mann, 1856 - 1941) и Дэвидом Николлом (David Nicoll) с целью добиться амнистии для своих сторонников. В мае того же 1897 года Кенворти оказывает финансовую поддержку «Обществу национализации земель», выступавшему под лозунгом: «To restore the Land to the People and the People to the Land». В июле – доказывает близость толстовских идей к мировоззрению св. Франциска, Джона Рёскина и Уильяма Морриса на страницах «The New Age». В сентябре – разъясняет специфику христианского анархизма на страницах всё той же «Liberty» (статья «Почему я зовусь христианским анархистом?»).

Любопытна его агитация этого же года на «борьбу с системой» в среде «Коммунистов-анархистов Лейстера» (Leister, графство Лестершир): он выступает за бескровную «классовую войну» против предателей пролетариата, «who sold their labour power to maintain the State» («которые продают свою рабочую силу и тем поддерживают государство»).

Разумеется, в своей агитационной и пропагандистской деятельности Кенворти постоянно обращается к авторитету Льва Толстого и напоминает о своей личной дружбе, свиданиях и переписке с ним. В свою очередь, соратники Кенворти по анархическому делу не теряли дерзкой надежды не только переманить сполна самого Кенворти в свои ряды, но и заручиться через него прямой поддержкой Толстого: для этого уже в январе 1897 года всё та же газета «Свобода», детище Шарлотты Уилсон, пробомбила старца Льва своими агитматериалами...

Эти же «бомбы» закидывались – а по наивности или умыслу проносились членами – и в общины Кенворти. Драма, прелюдия к общей катастрофе разразилась уже в 1898 году в общине Перли, и как раз по этому поводу. В общину потянулись люди социал-политической ориентации – не очень близкие к религии, и готовые приносить за торжество своих идей чьи угодно жертвы, но только не личные духовные... После ряда стычек и конфликтов по поводу тех требований, которые надлежало заявлять в отношении вновь принятых членов, группа распропагандированных общинников покинула Перли и основала собственную колонию в Котсволдсе (область на юге центральной части Англии, близ городка Страуд в Глостершире), дав ей характерное имя: «White Way» («Светлый Путь»). Одним из основателей этой скорее социалистической, хотя формально и религиозной, колонии был квакер и журналист Сэмюэл Вил Брэхер (вскоре, однако, куда-то из колонии умотавший), а главой учредительного совета – всё тот же вездесущий торгош и переводчик сочинений Толстого Эйльмер Моод. К тому времени, как мы уже упомянули, Моод успел пожить и в Кройдоне, и близ общины в Перлее, и вполне возненавидеть и Кенворти, и всех его толстовцев, красноречиво и злобно окрестив их «queer colony» («колония педиков»). Среди его новых единомышленников – сторонники аграрных кооперативов, а также Джордж Бернард Шоу, Э. Кеннан, Герберт Уэллс, молодой Бертран Рассел и все те, кто остались в истории как «фабианцы» -- ученики Карла Маркса и Фердинанда Лассаля, сторонники ненасильственного перехода к социалистической

общественной формации (включающей и обобществление земли).

Зато «Светлый путь» сразу смог отхватить для себя земли аж в 42 акра. Помимо англичан, составлявших основное население в Вайтвэе, там также жило некоторое число русских и представителей иных национальностей. По свидетельству Я. М. Прилукера, российского публициста, жившего в Англии с 1892 г., у жителей совхоза неоднократно возникали проблемы с английским законом — из-за отказа платить проклятым капиталистам налоги, из-за неофициального захоронения умерших членов общины и по ряду других причин [Prelooker J. Russia, What She Was And What Sh e Is: An Excursion Into a Land of Seething. L., 1904. P. 119]. Нелли Шоу особо отмечала, что женщины в «White Way» обладали куда большими правами, нежели в современном им английском обществе, пользуясь полной свободой в половой и семейной жизни, в выборе занятий и -- самое главное для сей барышни! — в ношении одежды [Hardy D. Utopian England: Community Experiments, 1900—1945. L., 2000. P. 176].

В колонию приезжали жить выходцы из самых разных социальных слоёв — к примеру, в Вайтвэй приезжали «пожить», как бы наравне со всеми, сын баронета и клерк известного шотландского банка. Своеобразная “месть судьбы” Мооду: жители окрестных городков и деревушек вскоре прозвали уайтвэйский сброд “queer people” (здесь это лучше перевести: «странные люди»).

Мохандас Ганди, не без надежд навестивший колонию летом 1909 года, не обнаружил, конечно, там и следа толстовского религиозного влияния, но ошибочно счёл это за признак провала именно толстовского общинного движения (https://books.google.ru/books?id=kNvTdX52nw8C&lpg=PA43&dq=blackburn+colony+tolstoyan&pg=PA43&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false). Да и социалистическая утопия общего имущества держалась недолго... Как это ни грустно, но эта колония оказалась несоизмеримо долговечней всех «толстовских» братств: как простое поселение, она существует по сей день. Обитатели её, как и современные духоборы, – сохранили традиционные общие собрания и некоторые объекты, удобные для совместного пользования, но давным-давно отошли от социализма и анархизма.

Другим уцелевшим до наших дней осколком «толстовских» братств Кенворти стала вегетарианская колония в Степлтоне (Stapleton, North Yorkshire), куда в 1921 году переехало семейство единомышленников из Лидса, получивших там в наследство семь с половиной акров земли. Весь XX-й век колония продолжала быть и по сей день остаётся вегетарианской и исповедующей, с христианских позиций, пацифизм и независимость от правительства. «Каплей дёгтя», однако, здесь является информация современного английского автора Kelsey Osgood (субъективно-снисходительного, а отчасти и неприязненного и к Толстому, и к жителям колонии) о том, что к 2016 году постоянное население этой колонии составляли только 4 (четыре) человека, и, по всем признакам, её численность будет и в дальнейшем резко сокращаться (<http://www.newyorker.com/books/page-turner/life-at-one-of-englands-last-tolstoyan-communes>).

Пастор же Кенворти – остался тогда, в 1898-м, в Эссексе, с стремительно редеющей паствой... и с детьми, Джоном и Джорджем, учившимися там в квакерской школе в Саффрон-Уолден. Малолетняя дочь Агнес жила в общине Блэкберна, под присмотром доверенного друга и собрата в Боге и Христе, Тома Ферриса... одного из тех, кто «позаботился» о трагическом конце Джона Кенворти.

К 1900 году влияние Толстого буквально «накрыло» Британию – и в немалой степени благодаря усилиям самого ДКК. Функционировали: Толстовское общество в Манчестере (куратором его был Перси Редферн), лондонское Толстовское общество Чарлза Дэниелса, Толстовский кружок в Дерби, основанный другим давним знакомцем Кенворти, квакером-пацифистом Уильямом Лофтусом Харе (William Loftus Hare, 1868 - 1943).

И Кенворти стал чувствовать себя на этом пире высокой духовности... всё более и более лишним, пренебрегаемым. Так что весной 1900 года он отправляется в своё второе, и последнее, как оказалось, паломничество к Толстому: не только за подтверждением странно ускользнувшего от него, письменно оговорённого Толстым, права на перевод и издание толстовских сочинений, но и... за разрешением некоего экзистенциального кризиса.

Собственно, только об этом «внутреннем» кризисе и его временном разрешении и ведёт пастор речь в сохранившихся воспоминаниях. О деловых переговорах – ни слова, будто кем подчищено... Может быть – и

подчищено. Хорошо припрятано или уничтожено – как письма Кенворти к Толстому, которые (мы убеждены!) могли бы исчерпывающе реабилитировать его ото всей возведённой на него напраслины и обличить и Толстого, и Черткова и всех русских «единомышленников»-предателей... Но будем иметь дело с тем, что доступно!

Вот что пишет сам Кенворти о мотивах своего путешествия 1900 года:

«Весной этого года, обнаружив, что целый ряд затруднений, связанных с колонией в Перли (которая возникла из моей работы в «Братской Церкви» в Кройдоне) душили все мои усилия, разрушали мои отношения в литературе и изнуряли меня, приближая к физической гибели, я почувствовал необходимость порвать с прежними сообществами и начать заново. В качестве первого шага я ещё раз посетил Толстого» (Tolstoy: his life and works. P. 216).

В этот раз, по всем признакам, Чертков с командой не только не организовывали встречу Кенворти с Толстым, но пытались вмешаться в их общение, «предупредив», что к Толстому-де едет «сумасшедший». Тому свидетельство – письмо Толстого Ольге Толстой, сестре Анны Чертковой и жене сына Толстого Андрея Львовича, связанное с некими их бабьими сплетнями о «безумии» Кенворти:

«...Я получил от Кенворти самое хорошее впечатление. Не было ничего того, о чём пишет Галя. Он был замечательно умён, добр и духовен. Я полюбил его больше, чем прежде» (ок. 8 – 9 мая 1900 г.).

Но встреча единомышленников и – пока ещё – друзей всё-таки состоялась. Она была КРУШЕНИЕМ для Кенворти-просветителя: «подготовленный» письмами и сплетнями околичертковской сволочи, да к тому же разомлевший в роскоши пироговского имения, куда уезжал для отдыха, он был не в настроении ни обсуждать с Кенворти деловые вопросы, ни тем более уступать то, что – по внушению «ближайшего друга» -- субъективно считал уже принадлежащим одному Черткову с кодлой.

Но Кенворти-друг и Кенворти-христианин, существо любящее и духовное, приобрёл всё то, для чего совершалась поездка.

Вот фрагмент из её описания в книге ДКК:

«Из Москвы, друг, господин Буланже, недавнее пребывание которого в Англии горячо вспоминали там в кругу друзей Толстого, стал моим проводником в долгом ночном путешествии по железной дороге, доставившей нас за двенадцать миль, через холмистую степь, в загородный дом, в котором гостил Толстой. Там я провёл пять дней; мои дела в Англии не позволяли мне остаться дольше. Три других дня я провёл в Ясной Поляне, где не имел возможности продолжить общение с самим Толстым, но мог насладиться созерцанием самого окружения, в котором протекала его великая жизнь и свершались его труды.

Могу ли я передать читателю радость от этого общения! На одно я обратил внимание: нам немного нужно было и говорить. Казалось, что самая душа

отринула здесь вечные и подробнейшие обсуждения внешних явлений этой жизни и обрела покой и радость в собственной самореализации» (Р. 216 - 217).

Собственно, только весенняя пора и дружеская обходительность и «подсластили» для ДКК горькую пилюлю гибели последних надежд на справедливость Толстого в отношении его прав переводчика и издателя. А это, после краха общин, было ЕДИНСТВЕННЫМ, что связывало Кенворти с прежним образом жизни. Одной истины и «общей жизни во Христе» тут мало: земному, материальному человеку нужны и земные опоры... как «христианнейшему» Льву Николаевичу, до конца дней, была нужна опора в семье, усадьбах (включая жирную Пироговку) и некоторых земных успехах и радостях... Толстой только на несколько дней позволил своему гостю коснуться их – всего вместе и в сопряжении небесного и земного – и утратить, вместе с надеждами на земное поприще просветителя и отъездом из России...

Без сомнения, для Кенворти было и ужасно (делая его беспомощным в сложившейся ситуации), и одновременно бесценно в наблюдении это состояние религиозной отрешённости старца-Толстого от земных сует и хлопот, помноженное на обычное его «летнее» настроение усадебного жителя. Весь дальнейший текст его воспоминаний – только об этом. Приводим его без сокращений, как свидетельство в пользу несчастного и наивного бывшего пастора:

«Как Толстой приобрёл это состояние души, изложено в его книгах. Достойно сожаления, что пока нет должного порядка в публикации его произведений,

такого, чтобы читатель мог СЛЕДИТЬ ПУТЬ ЕГО ЖИЗНИ ШАГ ЗА ШАГОМ. Для того чтобы правильно понять Толстого, необходимо следовать за его ростом; откровение нового, духовного рождения его личности и её развития год за годом есть высший дар, который имеем мы в его бытии с нами. Он – Сам О Себе Свидетельствующий (self-revealer). Две жизни явил он нам: в более ранней жизни, мирской, он – художник слова, мастер; в дальнейшей же, в жизни духа, он – исповедник, пророк.

Я рассказал ему о моих собственных усилиях и надеждах в этом отношении, заключающихся в том, чтобы я смог собрать его работы, переведённые на английский язык, в порядке, являющем самую его жизнь, так, чтобы, по крайней мере, сделать как можно больше для избавления читателей от недопонимания, которое может возникнуть от чтения его книг в неправильном порядке. Это так же нелепо, как привычка чтения книги серьёзного автора скачками от конца к началу, от середины в стороны, без возможности прийти к пониманию согласованности целого, которое даёт жизнь и только жизнь! Сила Евангелия состоит совершенно в этом же: в том, что поучения нанизаны на историю жизни Иисуса, в свете которой они становятся понятными.

Был один предмет вершинной важности, который мы обсудили. В сегодняшнем нашем, западном, мире сильна потребность восприятия и анализа МИРА КАК ЦЕЛОГО. Не только наносятся на карты моря и континенты, не только сопоставляются народы и эпохи, но, кажется, и место каждого в Царствии небесном скоро будет описано. Литература силится осмыслить общую мировую историю, а религия и философия,

прежде прочего, ставят мировой рекорд в усилиях человека узнать правду о себе и обрести радость в жизни. Ни для себя, ни для других мы не можем больше принять претензий на звание универсальной истины со стороны любого конкретного учения или секты. Мы вынуждены, -- опираясь и на книжные знания, чтобы сравнить религию с религией, -- признать, что истина не является исключительной собственностью любой системы; принять все религиозные культы, как измерения высот, на которые народы и эпохи смогли возвысить себя в процессе самотворения; и творение нашей собственной религии имеет источником своего вдохновения не одни мировые учения, но и ПРОБЫ И ОТКРОВЕНИЯ НАШЕГО ЛИЧНОГО ОПЫТА. Это – потребность для нас. Её удовлетворение ведёт нас к новому «жизнестроению», в котором любовь будет ПОЗНАНА торжествующим разумом как Бог, и Бога назовут – Любовью; в котором ясность просвещённого рассудка вытеснит суеверие; в котором мрак материализма, -- ужасного безумия, порождающего иллюзию, что наше существование начинается с колыбели и заканчивается могилой, -- будет рассеян сиянием того света, о котором основатель христианской религии сказал: «Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Но кто сей «сын человеческий»? Нет, это не фигура на распятии и не витраж в окне. В сознании Иисуса было видение идеального человечества: Сына, Дитя Человеческого, такого же, каков он сейчас есть, но обогащённого всем опытом жизни и развития, которые были осуществлены до него. Сын Человеческий есть тот, Кому долженствует вознесенну быть до высот идеала.

Движение это – эволюционное, как мы его называем сейчас – совершалось эпоха за эпохой. Кто же сегодня является самым лучшим, достойнейшим представителем самых высочайших достижений на пути к этому Бессмертному Сыновству? Конечно, это такие люди, как Толстой, которые впитали в себя мудрость прошлого и обогатили исторический опыт повседневным своим опытом взаимоотношений с людьми и явлениями, и – утратили эгоизм, открыв в себе Истинное Я, живущее не по условностям или в подчинении чьей-то власти, авторитету, но лишь по велениям своих совести и разума. Человеческое человека должно меряться не по ошибкам, даже не по «преступлениям», совершённым им в ходе своего развития в земной жизни, но именно по степени их преуспевания на этом пути через тернии мрака и раздоров – к раскрытию своего ИСТИННОГО, ВНУТРЕННЕГО «Я» (the True Self). И я не с теми, кто находит меру для своей критики в раскрытии ограниченности субъекта своего исследования; я полностью с теми, кто использует критическую способность отличать существенное от несущественного в жизни, в трудах, а также изучить добро, которое является существенным, признавая его сущим проявлением той божественности, того совершенства, достижение которого есть благая цель для каждого дитя Адама. И я не нашёл ни одного человека нашего времени, который бы так мощно и последовательно разъяснил бы нам в этом смысле нас самих на примере самого себя, как это делает Лев Толстой. Грядущее «новое жизнеустройство» должно будет, оглядываясь на прошлое, указать на него как на первейшего из своих пророков» (Р. 219 - 221).

А теперь – к паскудно скудным РУССКИМ письменным источникам, касающимся того, чем наполнилось и во что вылилось общение пастора Джона с русскими «братцами».

По письмам Толстого и некоторым иным источникам складывается следующая картина.

Кенворти любовно, вдохновенно служит делу Христову в переселении духоборов. Помимо участия в материальной и информационной поддержке пастор Джон выражает от имени кройдонской общины и поддержку моральную духоборцам. В каталоге духоборческого архива (собранного когда-то всё тем же вездесущим Чертковым) в ГМТ значится документ (один из тех, к которому хер подступишься, не выдадут!), поименованный «Приветствие кавказским духоборам, полученное из общины Кенворти, написанное в Крайдоне в феврале 1896 г.» (папка 1, док. 89).

То, что такое Приветствие было, подтверждает, всегда милый и доступный, Лев Николаевич. В апреле 1896 г. детище всё того же Кенворти, газета «The New Order» («Новый порядок») опубликовала письмо Толстого от 27 февраля 1896 г. с БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДУХОБОРАМ.

Здесь же Толстой выражает своё желание единения с английскими «братьями» (видимо, таки духовного, а не приездом в Англию) и излагает такой свой по-детски яркий и эмотивно окрашенный сон:

«Этой ночью видел я во сне, что я с вами в Кройдоне и познакомился со всеми вашими друзьями, с г. Бэкером и с какими-то дамами, и горячо спорил с ними на тему, которая мне ближе всего – о том, что мы все должны направлять все свои силы не на наше внешнее окружение (во сне я видел, что вы живёте общиной в большом доме), но на нашу внутреннюю жизнь. Я уверен, что вы и ваши друзья знают всё это так же хорошо, как и я сам...».

Тут Толстой, конечно, непростительно субъективен и самоуверен. Хорошо бы, чтобы он этой философией исключительно внутренней жизни, без резких перемен во внешней, наполнил... к примеру свой трактат 1880-х «Так что же нам делать?» Но он и сам тогда не был готов к такой проповеди: новое, христианское, религиозное понимание жизни ещё только устаканивалось в его могучей, львиной, голове. Что ж говорить о его первых, молодых да глупых, последователях в России, которые восприняли его проповедь «слезания дармоедов с шеи народа» именно как проповедь социальных, внешних перемен? А для Англии, в отличие от вполне аграрной, крестьянской России такое внешнее обособление земледельческих и прочих братских общин было просто необходимо. Это те минимальные условия, при которых только и можно меньшинству людей передового жизнепонимания быть не задавленными средой и суметь жить этой самой «внутренней жизнью»... Жертвы критиканства Толстого – это жертвы неладов в его собственной внешней (семейной) и внутренней жизни: ему нужно было постоянно «освежать», «подлатывать» и дополнять новыми аргументами систему личного

самообмана, которым он оправдывал с 1880-х годов продолжение своей жизни в проклятых им самим условиях «барской» роскоши, с роскошествующей же семьёй, наживающейся на его книгах женой и транжирящими денежки сынками...

Уже по толстовскому письму к Кенворти около 17-18 октября 1896 г. видим, как ещё и не добравшийся до Англии В. Чертков постепенно «отжимает» у ДКК то, что тот считал содержанием своей деятельности: Толстой хвалит английский перевод своего «Краткого изложения евангелия», но... перевод этот, в отличие от тяжёлого «Четвероевангелия» – уже чертковский, и выполнен только «при участии Кенворти». В глазах Толстого это произведение и его перевод на любой язык – значительней, ибо «Четвероевангелие» слишком объёмно и тяжело для неспециалистов. Толстому пофиг. Ему невдомёк, что один «одноцентричный друг» и брательник «во Христе» уже задумал и начал потихоньку, пока заочно, ЛОМАТЬ ЖИЗНЬ другого друга и брата, истинного, настоящего (пусть и английского – и оттого особенно уязвимого перед русской подлостью и ложью). Дабы выставиться перед «дорогим учителем» в выгоднейшем свете! Толстому зато важно, что Кенворти в своём письме, сам не желая того, польстил ему, совпав с ним в своём отношении к анархистам: «Очень рад был прочесть то, что вы пишете об анархистах. Я всегда считал, что они односторонние христиане, так же как социалисты и коммунисты» (69, 174). Льву Николаичу чисто по-русски НАСРАТЬ, что доверившийся ЧЕРЕЗ НЕГО открывшейся истине Кенворти до этого много лет общался преимущественно именно с социалистами и анархистами, и что, порывая

своими выступлениями в печати все связи с ними, нападая на них, он – в перспективе гибели всех его «толстовских» начинаний – обрекает себя на экзистенциальный кризис, одиночество, сумасшествие, гибель... Да, можно возражать в том ключе, что это и есть путь праведника, что и Христа оставили пред смертью даже ученики, и «к разбойникам причтён» был, но... живое человеческое сердце всякое протестует против такой аргументации: через 1800 с лишком лет после Христа истинный его последователь мог бы не принимать «горькой чаши» хотя бы от своих единомышленников... если бы они были ими! Толстой, конечно и был – да вот только эгоизм, тщеславие, воспитанные с детства, равно как и слепое доверие сделавшему на нём специфическую «карьеру» В. Черткову – оказались сильнее любви к Христу и понимания Божьей истины...

В переводах, издании, просвещении именно в Англии – за Кенворти было не только документально подтверждённое письмом Толстого, но и культурное, и моральное право и преимущество, и ни обрусевший и исподлившийся Эйльмер Моод, ни Чертков не могли быть в делах с Толстым, духовным наследием этого чистого, христиански-нравственного человека – ни друзьями, ни помощниками, ни даже сотрудниками. Не годились! Зато – хорошо умели влезть, как без мыла в жопу, в чужое, уже устроенное без них и до них, дело служения, превратив его в «дельце», выгодное и мошное, и ещё больше – тщеславию.

Тем более удручающими смотрятся толстовские философствования о Боге и любви в этом письме к

Кенворти, как и в следующем, от 10 ноября 1896 г., где он не просто громит (разумеется, «любя») новую статью Кенворти «Thruth and Falsehood and their uses» («Правда и ложь и их значение»), а решительно подменяет все построения Кенворти собственными – как всегда логичными, в хорошей стилиевой подаче, но... никаким концом не затрагивающие и не могущие поправить ни того ЛОЖНОГО положения в котором годами жил сам их автор, ни того, в котором скоро окажется пассивно преданный им Джон Кенворти:

«Из наших разговоров в Москве я заметил, что вы признаёте правду и любовь за основу истинной жизни, и я инстинктивно соглашался с вами, хотя не понимал, что именно вы под этим разумеете. Тем интереснее для меня была ваша статья. Ваши доводы в защиту абсолютной правдивости везде очень убедительны и, как мне кажется, неопровержимы. Но в вашей статье, по-моему, не выяснено отношение между правдой и любовью; было бы также желательно более углублённое толкование правды, чем у Б. Джонсона. Я думаю, что любовь есть Бог, есть сама жизнь, т. е. то божественное, что есть в человеке, и эта любовь, которая есть Бог и потому бесконечна, будучи заключена в человеке, стремится расшириться. Вот это-то движение жизни мы и чувствуем в себе, и единственное средство для любви проявлять и расширять себя есть правда.

Лживость, особенно ложь по отношению к себе, мешает любви проявлять себя и расширяться. Из того, что правда так необходима, что она первая наша обязанность, следует то, что постоянные и лицемерные наставления о любви к ближнему напрасны и лживы.

Любовь есть Бог, Бог же бесконечен, человек не может увеличивать Бога. Всё, что может и должен человек делать, это устранять всё то, что мешает проявлению в нём Бога, т. е. любви. И то, что мешает этому проявлению — это ложь. Не лгать, ни в мыслях, ни на словах, когда человек знает, что то, что он думает, не есть правда, — это во власти человека.

Главная обязанность человека, который стремится к истинной жизни, это быть правдивым в мыслях, на словах и на деле. И каждый человек может стремиться к этой цели и может достичь её» (69, 197).

По толстовским письмам от 26 февраля 1897 г. Черткову и «Поше» Бирюкову отлично видно, как он переживает за то, чтобы высланные из России ПРЕСТУПНИКИ Вовочка и «Галя» Чертковы были наилучшим образом встречены и размещены друзьями Кенворти в Кройдоне и поскорей бы принялись за нелегальную «работу» (88, № 438; 70, № 36-37).

Новый адрес их проживания стал такой: «England. London, Croydon, Broomfield, Duppas Hill». Broomfield – там так называлась площадь, на которой проходили народные гулянья, а Duppas Hill – имя приютившего Чертковых особняка.

Примечательная деталь: Кенворти под благовидным предлогом от общения с четой Чертковых и свитой их уклонился, поручив заботу о них давнему приятелю, уже помянутому нами выше толстовцу Артуру Карловичу Син-Джону (St. John). Что тому причиной – легко догадаться, но трудно документально подтвердить, так как главный наш доступный источник – письма Л. Н.

Толстого в старом, 90-томном, Полном собрании сочинений, редактировавшемся, как известно... всё тем же В. Г. Чертковым, при участии той же «Гали», т.е. Анны Чертковой, сеструхи её Оленьки, а также Александры Толстой и всей той же свиты чертковских дружков и знакомых. Увы! но везде в этих томах – ЧЕРТКОВСКАЯ лукавая позиция в отношении Кенворти и замалчивание или самооправдание!

(И дальше мы будем следить за развитием трагедии Джона Кенворти – по толстовским же, главным образом, письмам. Кому этого мало – дальше не читайте, будет неинтересно!)

Письмо Л. Н. Толстого В. Г. Черткову от 27 июня 1897 года заполнено пространным философствованием по излюбленным Толстым в переписке отчего-то именно с этим ближайшим, «одноцентричным другом» вопросам половой любви, блудной похоти и сожителства с мужчиной или женщиной – в связи с некими высказываниями Син-Джона. Но нам более интересна вот эта приписка, касающаяся Кенворти:

«Как бы я счастлив был, если бы «Христианское учение» послужило бы на пользу людям. Рад, что он будет участвовать в английском изложении его. Он так прекрасно владеет языком, а главное так одноцентричен. Я умилился его прекрасной речью в отчёте» (88, 37).

Толстой «умиляется» какой-то второстепенной писанине Кенворти, называет его, как называл всегда Черткова – «одноцентричным», т.е. ближайшим к нему

даже из друзей. Но при этом – безропотно благословляет ещё один факт ЛИШЕНИЯ КЕНВОРТИ ПРАВА НА ПЕРЕВОД своего сочинения: тот может лишь «участвовать» в работе чертковской братвы над неким его «изложением». Кстати, трудно представить сочинение Толстого, которое менее бы нуждалось в пересказе или изложении: «Христианское учение», задумывавшееся Толстым как «катехизис» свободного христианства, и без того не объёмен и отчасти напоминает конспект – своим делением на небольшие главки и параграфы. Но тщеславному бездарю Черткову хотелось постоянно шлёпать что-то со СВОИМ именем на обложке; отсюда все его и его жены, никому не нужные и ныне забытые, пересказы и изложения толстовских сочинений.

Толстой «благословил» пересказ «Христианского учения», но, как и следовало ожидать, результатами остался недоволен (88, 42).

Между тем Чертков прощупывал пути к дальнейшим атакам на Кенворти. И – нащупал, отродье такое! Беспроектный вариант! Толстой снисходительно относился ко многим суевериям «простого народа», но презирал до глубины души «мистические настроения» в среде образованной и «нетрудящейся». Бессмертная комедия его «Плоды просвещения» -- красноречивейшее свидетельство его неприятия модный поветрий на эзотерику, мистику, спиритизм. Между тем несчастный Кенворти, очевидно, ещё при первом посещении Американских Штатов, завёл знакомства с «духовидцами» и был склонён ими к незаслуженно-серьёзному и внимательному отношению к их

деятельности. Сектантка квакерша Элиза Пикард, которую Чертков подаёт в вышецитированных письмах как одного из ближайших единомышленников Кенворти, была одной из знаменитых спиритичек, весьма активных в пропаганде духовидчества и «закапывании» им мозгов.

И вот 1 октября 1897 года Лев Николаевич получает длинное письмо от Черткова, содержащее не иначе, как ДОНОС на Джона Кенворти и близких ему кройдонцев. Донос, рассчитанный на предсказуемую и НУЖНУЮ Черткову реакцию Толстого!

Чертков к тому времени уже слянял из Лондона и поселился, как мы уже упоминали, в графстве Эссекс, близ общины единомышленников Кенворти – на лоне природы, в усадёбке, как и положено аристократу и фавориту «самого» Толстого! Его новый адрес – Gable house, Farm Sanden, Essex, Chelmsford. Так что доносить на кройдонцев и поносить их он мог теперь без особенных опасений. И он, рассказывая Толстому об одном из собраний единомышленников Кенворти в Кройдоне, сообщил, как бы между прочим, что Кенворти и его друзья верят в возможность чудес и дерзают не соглашаться с теми аргументами против этой веры в чудеса как доказательство истинности учения Христа, которые приводит Толстой в заключении к «Соединению и переводу четырёх Евангелий».

Собственно, ничего крамольного тут не было: люди приходили через Толстого к новому религиозному пониманию жизни уже взрослыми, часто и зрелыми – т.е. прошедшими весь «курс» общественного

оболванения, включая религиозное «воспитание» в вере своей церкви. Радикальное отрицание Толстым всех описанных в евангелиях чудес, равно как божественности и воскресения Христа Иисуса шокировало многих даже симпатизировавших ему жертв церковного обмана и внушения.

Толстовская реакция в письме от 2 октября не могла не обрадовать подлеца Черткова:

«То, что вы пишете о вере в чудесное, или по крайней мере допущение возможности этого, со стороны Кенворти, очень поразило меня. <...> Вера в чудесное — это вера в матерьяльный мир. Для того, кто вполне понял, что Бог есть дух и он сам есть дух, не может быть чудес в матерьяльном мире и тем менее в духовном, потому что чудеса — это нарушение законов матерьяльного мира, а законов духовного мира мы не знаем» (88, 55).

Всё это суждение Толстого, с его уверенностью в знании всех законов материального мира и их «ненарушимости» чем-то, не поддающимся сходу рациональному объяснению — более чем странно. Но самое странное ДЛЯ НАС — это та лёгкость, с которой Толстой поддаётся манипуляции Черткова, сперва создавшего в его голове привлекательный образ Кенворти и кройдонцев, а затем — нагло набросившего на эту картину шматки грязи...

Любопытна эта уверенность в своей (и дружка Черткова) правоте против «мистиков» человека, который в эти дни в личном Дневнике всерьёз высказывается, к

примеру, «о выделении похоти из любви и о том, что эфир есть внечувственное познание», о том, что «проявление Бога в жизни — это карма, расширение своего Я», и что сам он, Лев Николаевич Толстой, живёт не иначе, как в Боге: «я в Нём: в Нём и как ограниченное в неограниченном, в Нём и как окружённый существами, в которых Он» (53, 152 - 154).

Вот прекрасное суждение Толстого из того же Дневника, под 14 октября 1897 года, от которого лэди Пиккард уссалась бы от восторга кипятчком:

«Всё, что я знаю, есть произведение моих чувств. Чувства мои указывают мне мои пределы, соприкасающиеся с пределами других существ. Это ощущение или познание пределов мы сознаём и не можем сознавать иначе, как материей; в этой же материи мы видим или только материю или существа, так же, как и мы, ограниченные пределами. Существа близкие к нам по размерам — от слона до козявки мы познаём, познаём их пределы. Существа же далёкие от нас по размерам, как атомы и как звёзды, мы признаём одной материей. — Но кроме этих двух родов существ, которых мы познаём нашими чувствами, мы неизбежно должны признать ещё другие существа (не духовные существа, каковы мы, то само собой), не познаваемые нашими чувствами, но которые матерьяльны, т. е. тоже составляют пределы. Такие существа: атомы, эфир. Присутствие этих существ, допущение которых требуется нашим разумом, несомненно доказывает то, что наши чувства дают нам только одностороннее и очень ограниченное познание о других существах и о внешнем мире. Так

что можно себе представить такие существа, одарённые такими чувствами (sens), что для них эфир даёт такую же реальность, как наша материя» (Там же, с. 155).

Можно приводить ещё и ещё доказательства субъективности Толстого в оценке своей «разумной веры» и «безверия» именно лондонских мистиков, но... всё это не нужно и запоздало. Да, Кенворти ТОЖЕ был не чужд суеверным настроениям своей эпохи. Но умело выставить его на этом одном основании сначала изувером, отступником от Бога, Христа и Льва, а позднее сумасшедшим – Чертков сумел вполне независимо от реальных обстоятельств. Толстой их не проверял – он ВЕРИЛ своему многолетнему другу, а тот, как и жена Толстого, блестяще знавший его убеждения, вкусы, настроения и пр. – умело манипулировал им.

Это Толстой с его старческим, уже и не львиным каким-то, негибким доктринёрством НЕ МОГ сблизиться с живой жизнью юных английских общин, а вовсе не Кенворти с общинниками «отошли от веры» в пользу бездуховного духовидчества!

Неполнота взаимопонимания яснополянского старца и его английских львят выразилась даже на уровне неприятия старцем названия кройдонского братства -- «The Brotherhood Church», выразившемся в его уже цитированном нами выше позорном «многофилософствующем» письме от 27 июня 1897 года. Да, название у церкви Кенворти, действительно, было нехорошо: хотя бы тем, что оно тавтологично и могло явиться только в ЛЖЕхристианском мире, среди

церквей и их адептов, живущих жизнью не Богу, а зверю, хищнической, а не братской. Христиане истинные и не могут составить иных отношений между собой, нежели отношения братьев и сестёр. Церковь не может быть НЕ братской! И всё же придирка Толстого (в оригинале его письма: «I don't like those names – they promise too much») – срамит разве что его самого и является свидетельством беззаконного скепсиса, если не недоброжелательного, то, во всяком случае, мелко-доктринёрского.

Дальнейший текст этого ужасного письма содержит что угодно, но никак не благословение общинникам Кенворти, и только подтверждает наш вывод. Он притянута, ложно уподобляет общинное устройство государственному насильническому, и постулирует невозможность жить святым людям среди грешников. Процитируем ещё разик, оно того стоит:

«Община святых людей среди грешников не может существовать. Я думаю, что членам общины для того, чтобы соблюсти подобие святости общины, непременно приходится делать много новых грехов. Мы так сотворены, что не можем стать совершенными ни поодиночке, ни группами, а непременно все вместе» (69, № 87).

(Зачем тогда под бочок да на растерзание к таким мудилам грешным он благословил в Англию дражайшего Вовочку Черткова – он сам ответить бы затруднился...)

Из печального опыта российских общин Толстой отчасти верно выводит непрочность и общин Кенворти,

причина которой – в неготовности к братской жизни её членов. Идеал Толстого – личное совершенствование, которое он уподобляет внутреннему согреванию разделённых одна от другой капель, при котором тепло от каждой капли передаётся всем остальным. «Если же можно уберечь тепло одной капли, не давая сообщаться другим каплям, и потому не остывать, то это, значит, не настоящее тепло». Это ещё одно недоразумение Толстого, кроющееся в его непонимании условий, в которых проходит такое «согревание» для огромного большинства людей: они не столько сами влияют на общество своими попытками «внутренней жизни», сколько «согреваются» (и даже «перегреваются» нафиг!) разного рода внешними, социальными влияниями, соблазнами или принуждениями. Противостоять им передовым людям легче и лучше СООБЩА, т.к. любая община – это уже сложная система, возможности которой не сводятся к возможностям даже самых сильных в духовной жизни, но разделённых людей. Да, Толстой прав, с одной стороны, что к такой жизни нужно быть как можно больше внутренне готовым ДО поселения в общине. Но и подготовившись, с другой стороны, -- уже нельзя, не лукавя перед собой, жить, как прежде, а естественным становится человеку искать своей братской церкви, единомышленников и жить с НИМИ... а не как Толстой, с тайно враждующей «любящей» («залюбившей» вплоть до побега из дому и смерти...) женой и не уважающими веру отца сынками!

Кенворти взывал о помощи, сообщая о действительных фактах, знаменующих начало разложения в кройдонском братстве. Толстой в ответ – льёт «водичку» на тему: «а чего ж вы хотели, такие

грешные? а зачем же вы вообще собирались?» Как понять каждому, что ты “готов”? Как уберечь братство от случайных и неподготовленных людей? Что делать с мнимыми «единомышленниками»: мистиками, социалистами и анархистами, навязчиво заражающими своим влиянием христианское сознание братии? Как поступать в специфических условиях Англии? Не безумие ли заводить чисто-аграрные общины в индустриально развитой стране? На эти, более важные для ДКК, вопросы Толстой не может, да и не захотел бы ответить.

Зато он не обходит критикой его новую книгу «The world's last passage» («Последний мирской переход»), где Кенворти интимно описывает угасание и смерть своего любимого брата. Это ОЧЕНЬ близкая Толстому тема: как мы знаем из его «Исповеди», он тоже проходил через экзистенциальные кризисы, эсхатологические и иные религиозные переживания, связанные со смертью его родных братьев Николая и Дмитрия. И Толстой признаётся: «Мне книга была хороша, и основная мысль её, выраженная в перифразе Павла, прекрасна. Книга эта, как и всякое проявление ваше, всё больше и больше сближает меня с вами». Но при этом всё, что относится к творческим усилиям самого Кенворти как писателя, подвергнуто Толстым уничтожающей критике: «Книга не производит должного впечатления, во-первых, потому что она слишком сыра. Автор слишком живо чувствовал то, что передавал, и думал, что то же почувствуют читатели, и оттого не возбудил в читателе того чувства, которое сам испытывал. Потом, она не отделана. Много прекрасных подробностей излишних. Художественное произведение требует строгой

художественной обработки, а тут её нет, а вместе с тем характер произведения — художественный» (69, 111).

Так Толстой дал понять, что ничего ему больше от «ничтожного», «бездарного» Кенворти не нужно и не ценно в его глазах, кроме помощи в распространении его (Толстого) сочинений. А очень скоро станет не нужно и это: инициативу окончательно перехватит «лучший друг» Чертков...

Но и в 1898 году интрига Черткова не могла дать желаемого ему результата: на фоне начавшегося исхода из России духоборцев Толстому вновь временно понадобилась помощь Кенворти. В Англии квакерский Комитет помощи духоборам в середине лета 1898 года постановил немедленно переселить 3500 духоборов, расселённых в горах Терской области, на о. Кипр. Сообщая смету на переселение, Чертков писал, что необходимо немедленно собрать ещё 75 тысяч рублей для осуществления этого плана. Толстой хватается за голову и ищет (о чём мы уже упоминали), что бы сбавить на книжный рынок из своей залежи:

«...У меня есть три повести: Иртенев, Воскресение и О. Сергей (я последнее время занимался им и начерно написал конец). Так вот я хотел бы продать их на самых выгодных условиях в английские или американские газеты (в газеты, кажется, самое выгодное) и употребить вырученное на переселение духоборов. Повести эти написаны в моей старой манере, которую я теперь не одобряю. Если я буду исправлять их, пока останусь ими доволен, я никогда

не кончу. Обязавшись же отдать их издателю, я должен буду выпустить их, *tels quels*. [таковыми, каковы они есть.] Так случилось со мной, с повестью Казаки. Я всё не кончал её. Но тогда проиграл деньги и для уплаты передал в редакцию Русского Вестника. Теперь же случай гораздо более законный. Повести же сами по себе, если и не удовлетворяют теперешним требованиям моим от искусства — не общедоступны по форме — то по содержанию не вредны и даже могут быть полезны людям, и потому думаю, что хорошо, продав их как можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги в комитете для переселения духоборов.

Вот это, написанное между двумя чертами, я писал так, чтобы можно было, переведа, напечатать как предисловие к этим повестям или вообще, как окажется нужным.

Теперь, как устроить, чтобы получить, как можно больше денег? Я думаю, что следует вам, близким друзьям: Вы, Поша, Павел Александрович, Кенворти, Моод (в особенности имею уважение к практичности Моода) и решите, как наилучше поступить, чтобы выбрать больше денег, и напишите мне. Я же надеюсь не встретить дома больших препятствий, если же и встречу — надеюсь побороть их. Здесь я ещё никому не говорил про это. Надобно и среди вас, пока не решится, не распространять про это, и если не надеетесь на *discretion* [скромность] друзей, то скажите только Мооду и с ним решите. Я же сейчас принимаюсь за приведение в наилучший порядок этих вещей.

Эта мера поможет мне ещё в том отношении, что, отдав эти свои сочинения для дела переселения, мне будет удобнее обратиться к разным богатым лицам с просьбой о пожертвованиях на дело переселения» (88, № 506).

Помимо «высокопрактичных» Черткова и Моода, к заговорчику подключается чуть раньше и американец Кросби. Толстой будто предвидел уже, что вариант с Кипром придётся оставить, и бросал взоры в сторону Америки:

«...Я вас прошу уведомить нас, т. е. комитет в Англии (на адрес Кенворти или Черткова), сколько акров они смогут получить в Техасе и по какой цене; 2) уведомить нас также, по какой цене могут пароходы перевезти людей и 3) открыть в Америке подписку для фонда на нужды переселения духоборов. До сих пор я собрал около 5000 р. В России об этом запрещено писать» (Письмо от 30 июня 1898 г., 71, № 177)

Как мы уже писали выше, колонии Кенворти стали местом не только временного приюта переселявшихся духоборов, но и сбора самих средств на переселение. В упомянутом выше письме В. Г. Черткову от 11 сентября 1898 г. Толстой передаёт следующее о Кенворти и его братии:

«То, что он пишет мне о колонистах, отдавших свои последние деньги духоборам, глубоко трогает меня. Какая радость быть в общении с такими людьми — не слов, но дела. Как бы я желал с ними более тесного общения...» (88, № 521).

А вот дальше, когда первые духоборы были отправлены в Канаду, -- похоже, что ни сам Кенворти, ни его «деловые» общины, разорённые русскими «благодетелями», стали Толстому не нужны. Кенворти до 1900 г. почти ИСЧЕЗАЕТ из переписки Толстого. 6 мая 1900 года он, как мы тоже уже рассказали, заявился к Толстому сам, вместе с толстовцем Син-Джоном. «Тяжелы, но хорошие люди» -- кратко пишет о них Толстой брату Сергею (72, № 284).

А вот отчёт Толстого перед Чертковым о свидании с Кенворти, в весьма «оперативном» письме, от 7 мая 1900 г.:

«Получил ваши посылки и письмо. Кенворти очень мил, и, кажется, он, намекнув на особенные заботы об издании моих писаний и встретив моё равнодушие и указание на то, что всё это делаете вы, и так хорошо, что более ничего нового предпринимать не нужно, успокоится. Говорил тоже об иллюстрациях своих, тоже не вызвал во мне сочувствия. Жалко, что он очень озабочен внешними последствиями своей деятельности. Я же никогда очень не интересовался этим, теперь же мне прямо неприятно думать об этом. С одной стороны, я знаю, что всё хорошее — если оно есть — наверно не пропадёт, а это только и нужно знать. С другой стороны, знаю, что я никогда не угадаю того, что будет. Третье — не надёжен для Царства Божия взявшийся за плуг и оглядывающийся назад. Говорил с ним о молитве, и он как будто равнодушен к этому» (71, № 588).

Ещё бы Кенворти не быть «равнодушным» к абстрактной «божественной» болтовне, когда ехал-то он к Толстому – за насущным, за помощью не болтовнёй и рассуждениями, а личной поддержкой и практически-ценными советами. Письма Толстого лукавцу Черткову таким ценным содержанием – переполнены. Не заслужил ли Кенворти их в БОЛЬШЕЙ степени?

С точки зрения Толстого – не заслужил, как и издательских прав. Чертков продолжал сраться по их поводу, и Толстому, попутно опровергая очевидную ложь о «ненормальности» бывшего пастора Братской церкви, пришлось ещё не раз успокаивать ближайшего друга:

«Кенворти мне очень понравился. У него много очень хорошо и прекрасно выраженных им мыслей. Ничего мистического он не высказывал, хотя как будто нащупывал меня в этом отношении. Я старался выражать моё несочувствие этому, также и его издательству» (письмо В. Г. Черткову от 10 мая 1900 г.).

«Со мной он был очень хорош, хотя постоянно был озабочен внешним успехом, но на Ольгу произвёл нехорошее впечатление. Об изданиях я ему повторил несколько раз, что всё это дело отдано вам, и всякое печатание моих сочинений я прошу его делать только с вашего согласия» (письмо В. Г. Черткову от 23 мая 1900 г.).

После свидания в Пирогово переписка с Кенворти и по поводу него возобновилась. Но увы! по письмам Толстого мы можем видеть, что он уже не помнил

никаких своих дружеских заверений и даже письменных разрешений и обещания в отношении своего пусть и английского, но зато ИСТИННОГО помощника и друга. Как и до приезда Кенворти, после его отъезда Толстой был «атакован» сплетнями чертковских баб: «Гали», Оли и самого Черткова – склонявших его к ложному пониманию ситуации с изданием Кенворти его книг. И сознание Толстого постепенно «прогибалось» под давлением этих, намеренно очернявших Джона Кенворти, сплетен. Образчиком тому – письмо его Кенворти от 17/29 июня 1900 года:

«Ольга Константиновна получила письмо от Анны Черткой, в котором она пишет, что вы объявили или опубликовали в газетах, будто вы уполномочены издавать мои сочинения или что-то в этом роде. Опасаясь, чтобы это не повело к недоразумениям или нежелательным осложнениям, я немедленно пишу, чтобы напомнить вам о том, что я говорил в Пирогове, а именно, что вся деловая сторона в связи с изданием моих сочинений передана мною Владимиру Черткову, и что поэтому, хотя мне и было бы очень приятно, чтобы серия предполагаемых вами изданий была выпущена под вашим руководством, тем не менее та степень уполномочия, которую я чувствовал бы себя в состоянии дать вам, может быть дана только при условии согласия Черткова. Отсюда следует, что, насколько дело касается меня, вы не уполномочены действовать в данном случае без полного согласия Черткова. <...> Содержание этого письма я сообщаю Черткову» (72, 384 - 385).

Вот тебе и раз! Высланный с семьёй из страны ПРЕСТУПНИК, пригретый, аки змий, «Братской церковью» Кенворти, сделался теперь полноправным и доверенным издателем толстовского наследия. Права Кенворти, оговорённые в письме 1896 года – попросту исчезли, забыты!

Вообще комментариям к опубликованным письмам этих лет Толстого к Кенворти – доверять затруднительно. Опубликованы они были единственный раз в томе 72-м Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, вышедшем в 1933 году ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ самого В. Г. Черткова! Умненький преступник умело замечает следы... Вот что он гадит (через посредство «шестёрки» В. Жданова, писавшего комментарий) на Кенворти в связи с июньским письмом Толстого:

«Посещение Кенворти (май 1900 г.) оставило в Толстом хорошее впечатление. Он не заметил начавшегося и резко прогрессирующего душевного расстройства Кенворти с проявлением мании величия и болезненной подозрительности. Психическая неуравновешенность сказалась на его отношении к В. Г. Черткову. В письме от 4 июля н. ст. 1900 г. Кенверти обвинял Черткова в небрежном отношении к его, Кенворти, произведениям, выражавшемся в нежелании переиздавать их, и в неумелом ведении издательского дела. В том же письме он сообщал о своём намерении начать самостоятельное издание избранных писаний Толстого».

Сомнительно, что Кенворти мог обвинить Черткова, многоопытного издателя, в неумелом ведении дела. Об

истинных причинах разгоревшегося конфликта «чертковский» 72-й том умалчивает... письма же Кенворти припрятаны восприемниками чертковской подлости в архиве Музея Толстого, и нам недоступны...

Кенворти, видимо, раззlobил старца, напомнив о его же широковещательном отказе от авторских прав и разрешении издавать его сочинения всем желающим. В письме 2 июля Толстой уже недвусмысленно советует Кенворти... посторониться и НЕ МЕШАТЬ своему фавориту поступать по своему произволу:

«Что же касается издания моих сочинений, то я всем предоставил право переводить и издавать их. Но я уверен, что Вы не захотите мешать Черткову, который начал издание и уже столько лет над ним работает» (72, 392).

С какого хера Чертков уже делается здесь ЗАЧИНАТЕЛЕМ английского перевода и издания книг Толстого? Он не был им ни в России (исключая народное книгоиздательство «Посредник»), ни в Англии, ни тем более в «Братском книгоиздательстве» Кенворти. Что это? Старческая слабость рассудка Толстого? сознательное предательство в пользу русского «друга»? трудно отыскать иные причины...

Следом, 15 июля н. ст., Толстой пишет ещё одно письмо Кенворти, в ответ на его благодарность за присланное Предисловие к «Анатомии нищеты» и письмо с обличениями в адрес Черткова. В чём суть критики – комментатор, разумеется, умалчивает, но сообщает, что Кенворти в письме соглашается не передать все права

Черткову, а братски СОТРУДНИЧАТЬ с ним, при условии соблюдения Чертковым «христианской правдивости, прямоты, простоты и самопожертвования» (72, 407).

Для Чертова такие условия были, разумеется, неприемлемы. И Толстой берёт лучшего дружка под защиту от «злого» английского толстовца:

«Я только что получил ваше последнее письмо и с большим огорчением узнал из него, что вы недружелюбно относитесь к Черткову. Что же касается его, то он в своих письмах всегда пишет о вас с большим уважением и любовью. Утверждения, против которых вы возражаете, ему не принадлежат. Всё это стало вам известно только благодаря моей неосторожности. <...> Я очень, очень жалею о всём этом недоразумении между двумя столь близкими мне друзьями, как вы и Чертков, и очень надеюсь, что при вашей искренности и прямоте это недоразумение, без сомнения, выяснится» (72, 406).

Теряешься в догадках: пишет ли это просто поглупевший от старости, дряхлеющий, усталый человек, мелочно манипулируемый негодяем, или пишет его сознательный сообщник? Упоминание об «искренности и прямоте» Кенворти звучит здесь как издевательство: именно его искренность, прямота вкупе с эмоциональностью и губила его в этой ситуации. А Чертков с его дьявольской внешней безупречной вежливостью и уважительностью – на словах! – ко всем, безусловно выигрывал очки.

Уже 16 июля Толстому приходит письмо с новыми «подробностями» «безумия» Кенворти. Капля камень точит... Сознание Толстого было, видимо, подготовлено к тому, чтобы слепо поверить, что более чем нормальный, по его собственным наблюдениям, ещё в мае – к июлю Кенворти совершенно сошёл с ума. Вот что он отвечает Черткову, вынося «смертный приговор» и Кенворти, и прежним дружеским с ним отношениям:

«Да, он душевно болен. В вчерашнем письме пишет, что я обещал ему отдать мои писания и в том числе the story Resurrection, [«Воскресение»] но вы и Моод отняли у него. Ужасно противны его глупые клеветы на вас и желание приписать вам что-то такое, что немыслимо для величайшего негодяя» (88, 199 - 200).

А с чего бы Кенворти не претендовать на «Воскресение», когда Толстой с 1896 года отдал ему права на ВСЕ первые переводы и публикации в Англии? Только потому, что у яснополянского и всемирного аскета и бесребреника «припекло» собрать с этого издания деньги для духоборов? Но для духоборов это был только ОДИН, и не очень обильный, канал притока денежной помощи, а для Кенворти получить право на первое издание было не только экономической (для доходов издательства), но и психологической необходимостью.

Между тем, Толстой будто «запамятовал» про Кенворти в связи с изданием «Воскресения», и тупо, явочным порядком, передал право на перевод, издание и сбор доходов – Черткову и Мооду.

А Моод, сука, не просто разочаровался в Кенворти и его общинах, но и просто возненавидел его. В письме от 11 ноября н. ст. 1899 года, цитата из которого проскочила в комментариях 71-го тома Полного собрания сочинений Толстого (вышедшего только в 1954 году, т.е. уже без контроля Черткова), Моод пишет со всею откровенностью:

«Я теперь жажду очутиться вновь среди обыкновенных мужчин и женщин, не оторванных от действительности, и которых я могу понимать».

И тут же – сам раскрывает некоторые подробности того, как Кенворти был ограблен в связи с «Воскресением»:

«А. К. Черткова просила мою жену взять на себя издание «Воскресения», и Чертков более не возражал против закрепления за моей женой права литературной собственности на её перевод. <...> Боюсь, что теперь время уже потеряно для заключения удовлетворительных договоров в Англии. Всё же мы постараемся сделать всё возможное. Может быть, что-нибудь удастся в Америке...»

Как только Толстого «припекло» на денежку – ему дороже и ближе стал обрусевший пробивной барыга Моод, нежели малоудачливый брат во Христе Кенворти.

К лету 1900 года Кенворти наконец понял, что пришло время напомнить о своих правах лично Толстому, что он и делает в письме от 25 июля (упоминаемом комментатором). В эти же дни в

конфликт вмешивается – на стороне Кенворти – всё та же сердобольная, прямая и искренняя сектантка квакерша Элиза Пикард, и, разумеется, только «подливает масла в огонь»!

Кенворти уличил Черткова в растрате духоборческого фонда. В письме от 3 августа н. ст. 1900 г. (почт. шт.) Пикард переслала Толстому копию письма к Кенворти г-жи Хола (Miss Florence Holah — литературный сотрудник В. Г. Черткова, автор биографического очерка о В. Гарисоне, написанного совместно с В. Г. Чертковым и изданного с предисловием Толстого), которая по просьбе последнего виделась с Чертковым в связи с этим обвинением. Г-жа Хола писала Кенворти 24 июля н. ст. (перевод с английского): «Я видела Черткова и передала ему то, что вы говорили. Он дал мне объяснения на большинство пунктов, ПОДЛЕЖАЩИХ ОБСУЖДЕНИЮ, но он считает, что вы должны поверить ему на слово, что он не присваивал духоборческого фонда [...] По моему, его объяснения вполне удовлетворительны и доказывают только то, что все несогласия возникли почти исключительно по недоразумению».

Элиза Пикард не была удовлетворена этой отпиской, и писала об этом Толстому 3 августа н. ст. (перевод с английского):

«Мне передали письмо Черткова и его просьбу ответить определённо — ДА или НЕТ — на его вопрос: «Верите ли вы или нет моему настоящему заявлению, что ни одного пенни из вверенных мне духоборческих денег не было мною присвоено? Верите ли вы теперь

моему слову?» Я ответила: да, я верю вам на-слово, что вы выплатили духоборам все те деньги, КОТОРЫЕ ВЫ МОГЛИ ИСТРАТИТЬ, но я совершенно согласна с Кенворти, что это вопрос не личных отношений, а вопрос общепринятой порядочности и честности по отношению к публике. Я также сказала ему, что я никогда не думала, чтоб он намеревался ограбить духоборов, но что, насколько я знаю, однажды, на время, он воспользовался их деньгами».

Любопытны ответы (черновой и отосланный) Толстого на это послание Пикард. Любопытна даже их судьба. Тот текст, который был отослан, отослан был не напрямую Элизе Пикард, а – Черткову, для предварительного ознакомления и одобрения. Сохранилось письмо не в подлиннике, а в КОПИРОВАЛЬНОЙ КНИГЕ, которую вела Ольга Толстая. Причём – не в скопированном, как положено, а в ПЕРЕПИСАННОМ ОТ РУКИ виде. Если бы не уцелевший автограф толстовского черновика – вполне можно бы было усомниться и в подлинности текста... Вот что отправил Толстой в ответ на доводы Элизы Пикард:

«Дорогая мисс Пикард! Мне совершенно неинтересно знать мнение мисс Хола и других о Черткове. Моё мнение о нём составлено и не может измениться. Оно основано на чём-то более сильном, нежели дружба. Моё мнение, должен, к сожалению, сказать, сложилось также и о теперешнем состоянии ума г. Кенворти. Его последнее письмо, в котором он пишет: „Вы обещали мне ваши книги для издания, включая последнюю повесть «Воскресение»” — утверждение, не имеющее и тени правды — и его глупое, в лучшем случае,

обвинение Черткова, на что он не имеет ни малейших оснований, доказательств и права, всё это убедило меня, что он не в себе. Поэтому я буду вам весьма обязан, если вы сможете убедить его не писать мне больше об этом деле. Мне его очень жаль и в особенности потому, что я не в состоянии ему помочь и сноситься с ним, пока он находится в теперешнем невменяемом состоянии» (72, № 340).

Тут всё уже совсем запущено... Толстой фактически признаётся в «более, чем дружеской» (любовной педерастической?) привязанности к Черткову и слепом доверии ему во всём, что ему ещё захочется соврать о «безумном» и даже «невменяемом» Джоне Кенворти. В «безумии Кенворти», известном ему только по наветам в письмах его врагов – ни тени сомнения, зато в напоминаниях самого Кенворти о данном Толстым его издательству праве первого перевода и издания – уже якобы «ни тени правды»...

Любопытная деталь: в «чистовом» варианте письма критика Черткова со стороны Кенворти названа Толстым «глупой». А вот в черновичке стоит другой эпитет: критика эта – «НЕПРОСТИТЕЛЬНА» («...его непростительное обвинение Черткова...»). Толстой явно «задет за живое»: не ожидал от «божьей овечки», английского толстовца, решительной защиты личных, вполне земных и материальных, интересов!

Свой камень в Кенворти швырнул со вкусом и Эйльмер Моод. Вот строки из его письма Толстому от 16 июля н. ст. 1900 г.:

«Дорогой друг, я колебался, писать или нет о бедном Кенворти, но чувствую, что надо написать хоть несколько строк. Пытаться входить в непонятные мне самому подробности его многочисленных ссор и обвинений, из которых многие, по-видимому, совершенно неосновательны, будет ни к чему [...] Положение всех нас очень трудное, потому что приходится выбирать одно из двух: или вмешиваться в ссоры и пререкания, или же дать Кенворти понять, что мы хотим стоять в стороне от него и его предприятий. Уже несколько месяцев тому назад я предчувствовал наступавшую беду, и меня интересовало, к чему поведёт его поездка к вам: отвлечёт ли она его, или вызовет кризис. Много раз пытался я дружески говорить с Кенворти, указывая ему на его ошибки, но всё было напрасно [...] Наконец, мне пришлось письменно изложить то, что я говорил ему несколько раз, а именно, что я не могу брать его сторону против некоторых других лиц и что я прошу его не связывать моего имени с его новыми деловыми проектами [...] Два года я находился под почти гипнотическим воздействием его личности, и теперь испытываю как физическую, так и душевную потребность освободиться от его напряжённого и возбуждающего влияния».

Сука хитрая, Моод тут хорошо подбирает слова: будто речь не о разорении, не о разочаровании, не о крахе надежд и человеческой судьбы, не о предательстве «русских друзей», а – о неких корыстных происках самого Джона Кенворти, связанных с некими его «новыми деловыми проектами». КАКИМИ, блядь, проектами?!!

Далее Толстой держится уже собственных, сложившихся о Кенворти, предрассудков и собственного дурного зарока – не общаться с ним даже письмами, не давать ему никаких возможностей реабилитировать себя, докричаться до правды...

Итогом отношений со стороны Кенворти была его добрая и глубокая книга «Толстой. Его жизнь и труды», изданная и присланная автором Толстому в 1902 году. По поводу неё Толстой лишь малоопределённо отозвался в одном из писем к литератору П. А. Буланже: «Странная, но не дурная» (73, № 239). В другом письме к Буланже, от 28 мая 1902 г., Толстой, сам только-только, усилиями самых дорогих врачей и Софьи Андреевны, оклемавшийся от смертной болезни, выносит Кенворти диагноз – «мегаломания» (т. е. мания величия, сумасшествие), в связи с его сообщениями о том, что он снова участвует как журналист в периодическом издании и планирует политическую карьеру. Между прочим, Кенворти тут ничего не выдумывал, он действительно работал тогда редактором и стремился заново наладить жизнь – это подтверждают биографы, об этом мы расскажем ниже, в заключительной части нашей книги... С какого хера это «мегаломания»?

Но Толстой спешит, вместо поддержки, оглушить Кенворти ледяным молчанием, прервавшимся только один раз: в самом конце 1901 года, когда Толстой, как известно, кончался (и все ждали смерти...) от тяжёлой болезни в Крыму и даже императору Николаю II отослал «завещательно-увещательное» письмо, обратившись к нему: «любезный брат». Вот и для Кенворти в письме нашлись слова: «дорогой друг»... увы, в последний раз!

«Кореиз. Крым.

Дорогой друг.

От души благодарю вас за присылку ваших сочинений и особенно за ваше доброе письмо.

Могу сказать совершенно искренно, что я никогда не забывал и никогда не забуду, какой радостью для меня было знакомство с вами и вашей деятельностью, и ту радость, которую я получал от общения с вами. Не могу не сказать, что я сожалею о значении, которое вы придаёте спиритизму. Ваша истинная и чистая христианская вера и жизнь достойны гораздо большего доверия, чем всё, что могут вам сказать духи.

Ваш искренний друг
Лев Толстой.

11 янв. / 30 дек. 1902».

Вот и всё... Да, по сути – это смертный приговор отношениям. Отказ и помогать, и понимать, и как-либо поддерживать. «Любезным» предсмертным письмом Толстой, будто бы «на всякий случай», снимает с своей совести всю ответственность за человека, которого УЖЕ равнодушно и бездумно ПРЕДАЛ и едва не загубил. То, что бывший пастор, верующий человек, в зрелые годы вдруг кинулся в водоворот журналистской, политической жизни, да ещё и предался светской моде «спиритизма» -- всё это признаки ОГРОМНОГО и ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖЕННОГО его РАЗОЧАРОВАНИЯ В Л. Н. ТОЛСТОМ и его «ближней свите». Разочарования

обоснованного, в отличие от пренебрежения и злобы Черткова или Моода в отношении самого Кенворти...

Толстой не умер тогда (о чём сожалели многие, даже единомышленник его Павел Бирюков в своей знаменитой «Биографии Л. Н. Толстого»)... и всё, что с его стороны было сказано после о Кенворти, сделано (точнее – не сделано!) для него – носило уже вполне расслабленный, равнодушный, БЕССОВЕСТНЫЙ и бесчеловечный характер. Сделано то, что должно. Результатами – доволен. А с другом в далёкой Англии – пусть будет, что будет... хоть заболеет, хоть сдохнет... больше не нужен!

Научился Толстой, сам того не заметив, от Черткова... «выжать» человека, как лимон, и... бросить.

Иуда и Понтий Пилат в одной шкуре, Толстой умыл руки.

ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ Д.К.К. И МОЁ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

(Вместо заключения).

Да, и он был не без греха... Человеку несколько самолюбивому и тщеславному, Кенворти, как, к примеру, и «толстовцу № 1» Владимиру Черткову, -- однозначно лучше бы было не влезать в своей жизни ни в религиозные движения, ни в оппозиционную или любую иную политику. Лучшее, что мог подарить своей душе пастор Кенворти – смирение, а близким – покой и уют семейной жизни... Не тянуться за «чужим»

поприщем. Тут он – много несчастней Черткова. Ближайший и доверенный друг Толстого был и культурно, да и просто географически ближе к Толстому, сумел за много лет до знакомства Толстого с Кенворти не только заручиться максимальным доверием Льва Николаевича, но и оправдать его в делах. Наблюдая его, Кенворти мог бы учиться тому, как КОМПЕНСИРОВАТЬ акцентуации своего характера, не превратив их в детерминации личностно-деструктивных и социально-контрпродуктивных поведенческих девиаций. Но – не стоило и пытаться «перебежать дорогу» ему в контроле (пусть даже и законном...) над наследием Толстого. Чертков всегда мог всеми уловками и хитростями удержать своё первенство. Кенворти проявил огромную наивность, попытавшись даже на краткий период отобрать у Черткова часть его «монополии» на Толстого: уж точно не менее тщеславный, чем Джон Колеман, и куда более хищный и мнительный, Чертков не собирался делиться добычей...

Возвращение Кенворти в Англию из российской поездки в 1900 г. знаменует собой начало последнего активного периода в его надломленной жизни. Он порывает прежние связи – даже с Кройдоном и Братской церковью, так и не ставшей, вопреки всем усилиям пастора, ни христианской, ни аполитичной. Он хватается за жизнь, «как у всех»: использует своё имя в общественной и журналистской среде для чтения прежних публичных лекций и получения в начале 1902 года места редактора в газете «Midland Weekly Herald». Будучи уверенным, что хотя бы такую «простую» жизнь ещё можно спасти, Кенворти переезжает на жительство

по месту своей новой работы: в городок Билстон (Bilston), в графстве Уэст-Мидлендс.

Но удача окончательно отворачивается от бедного Джона. Уже в июле 1902 года он попадает под обвинение в искажении фактов и опорочении полиции – в одной из публикаций с описанием судебного заседания...

По поводу другой его публикации к нему под окна явилась жаждавшая расправы толпа. «Обвинение» было вполне в духе и традиции провинциальной Англии: в оскорблении королевского «величества».

Наконец, в том же 1902 году влиятельная газета «Sun» опубликовала «обличающую» статью под заголовком: «Среди анархистов: евангелие ножа, револьвера, факела и бомбы». Среди идеологов насилия особо выделен был... несчастный Кенворти, как раз-таки совершенно чуждый и насилию, и политическому анархизму «бомб и револьверов». Он подал иск в суд, в ходе которого, конечно, сумел разъяснить, что посвятил свою жизнь как раз предупреждению анархистов от насилия и проповеди христианского учения непротивления злему насилием. Присяжные оказались разумнее газетчиков «Сана» и решили тяжбу в пользу Кенворти – с выплатой ему 140 ф. ст. за моральный ущерб.

Но, не считая утраченной в ходе скандала должности, моральный ущерб Кенворти никак не укладывался в эту цифру... и вообще не мог быть измерен цифрами.

Не удалось ему свести счёты и с чертковской шайкой. Судя по письмам Толстого, в конце 1902 или начале 1903 года он атаковал Эйльмера Моода в связи с его тенденциозной и неверной передачей мнения Толстого о сочинениях Кенворти. В книге «Tolstoy and his Problems» (London, 1901) Моод утверждал, что Толстой ценил только и исключительно сочинение Кенворти «Anatomy of Misery» [«Анатомия нищеты»] и считал слабыми другие его работы. Это не так, если судить по отзывам Толстого в письмах Кенворти. Толстой, как мы видели, просто не взялся критиковать ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЕ сочинение, отделавшись высказыванием общего положительного впечатления от «рёскинского» религиозно-этического его содержания. Но Мооду, разумеется, Толстой в своём ответе 28 января 1903 года во всём подпел, очевидно просто желая отделаться от обоих и не участвовать в готовившемся скандале с участием суда:

«То, что вы пишете о моём мнении об «Anatomy of Misery» и о том, что последующие сочинения Кенворти ниже первого (?? – Р. А.), совершенно справедливо, но подтвердить это письменно с тем, чтобы вы могли публиковать мои слова, я никак не хотел бы, так как это могло бы возбудить дурное чувство ко мне Кенворти, чего я вовсе не желаю, да и, кроме того, простите меня, не желаю вступать в препирательства, особенно с людьми, как теперешний Кенворти, который за всякое слово угрожает судом, а, как говорит французская адвокатская пословица: дайте мне строчку, написанную человеком, и я берусь засудить его. Главное же то, что я вот уже скоро два

месяца болен и слаб, очевидно, приближаюсь скорыми шагами к смерти, и вместе с тем столько дел, кажущихся мне важными и которые хочется сделать, что я уверен, что вы, любя меня, сами не захотите тревожить меня и отвлекать моё внимание от более серьёзного и важного» (74, № 26).

Последующие месяцы, до весны 1904 года – превратились в лагуну для биографов. ДАЖЕ британских (русские вообще не знают ни хера: не считая нескольких сплетен, для них Кенворти будто умер, как только уехал из России в 1900-м...). Единственное «историческое» событие, отмечаемое ими – кризис в самой «сильной» из уцелевших общин, в Блэкберне, вызванный, в числе прочего, политикой её главы, Тома Ферриса. Своё отношение к бывшему кумиру, бывшему же пастору, «сбившемуся с пути» Джону Кенворти Феррис выразил своеобразно: избил, изнасиловал и пытался убить жившую при общине его 15-летнюю дочь Агнес.

На этом фоне странным и малообъяснимым становится отъезд Кенворти в мае 1904 года в Америку – будто бы к товарищу по новым мистическим (спиритическим) интересам Алонзо Холистеру. Этот шаг – «лакомый кусочек» для тех, кто хотел бы «подтвердить» сумасшествие Кенворти уже в эти годы. Не надо, впрочем, забывать, что мода на спиритизм была в ту эпоху массовой и никак напрямую о клиническом состоянии её жертв не свидетельствовала.

(Для обнаружения свидетельств о настоящих мотивах путешествия 1904 года и раскрытия всех подробностей

жизни Кенворти с 1902 года – необходимо задействовать недоступные в России источники. Даже соотечественникам он в этот период жизни уже «малоинтересен», и кроме нескольких обмолвок они не сообщают ни-че-го...)

Между прочим, О. Голиненко в публикации «Нашего наследия» за 1990 год (№ 2), не ссылаясь ни на какие источники, информирует, что Кенворти в это своё пребывание в Америке «продолжал переводить и издавать произведения Толстого». Тут же она цитирует письмо Л. Н. Толстому Эрнеста Кросби от 20 января 1905 г., в котором сообщается, что Кенворти выступал с лекциями в Чикаго.

Это опровергает ВСЕ сплетни о «сумасшествии» ДКК, инвазированные в сознание Л. Н. Толстого обманщиками-манипуляторами, знавшими его резко негативное отношение к спиритизму и заявлениям любых юридических прав (до последних лет жизни Толстой высказывался о юриспруденции как о вредной «лженауке»). Занятия спиритизмом ТОЧНО не были ни единственной, ни главной целью поездки Кенворти (как это пытается подать в своём очерке Кристофер Драппер, современный английский историк и биограф Джона Кенворти).

По возвращении из Америки Кенворти, будто назло своим будущим жизнеписателям, так же ведёт себя вполне разумно: отыскивает жену и дочь, безуспешно пытается найти и единомышленников во Христе... Но «братишки» увлеклись тогда повально другой модой эпохи, много зловреднейшей спиритизма: политикой.

Они не верят больше ни в нравственную трудовую жизнь, ни в личное самосовершенствование. А верят они... в проклятые некогда молодым Кенворти выборы и иные «установления демократии».

И вновь – лакуна в биографии. С единственным упоминанием – о болезни жены Кенворти, Элеонор, и её переезде в дом престарелых в Эссексе. Сам же стареющий ДКК, спустя несколько одиноких, отчаянных лет – действительно заболевает душевно и переезжает в 1909 году в другой эссекский казённый дом. Увы! это, действительно, был «дом скорби»...

Примечателен здесь апофеоз русской подлости. Кенворти добит, сметён «в сторону», изъят из жизни – и вот теперь о нём «вспомнили» и НАПОМНИЛИ Толстому!

Шерше ля фам! Если баба не причастна – тогда, может быть, и никто не виноват... Первой о сумасшествии Кенворти Толстому сообщила в письме, полученном 5 декабря 1909 года, не кто иная, как всё та же «Галья», она же Анна Константиновна Черткова. Как и муженёк, она занималась редакторством и переводами и в его делишках «выдавливания из бизнеса» Джона Кенворти – без сомнения, участвовала.

Мерзко, но даже в смертной трагедии сумасшествия Кенворти не удостоился заслуженного УВАЖЕНИЯ ни «Гали», ни даже самого Льва Николаевича... Анна Черткова, будто для того, чтобы подчеркнуть «ничтожность» события социальной смерти Джона Кенворти, сообщает «заодно» и о сумасшествии некоего Репина, основавшего колонию толстовцев под

Ташкентом. Примечательно сообщение об этом домашнего врача Толстого, Д. П. Маковицкого: «Обе вести очень тронули его, и Репина ему очень жаль» (ЯЗ-4. С. 124).

То есть, надо думать – бывшего пастора и бывшего друга, Кенворти, ему жаль «не очень»? Меньше, чем «своего», русского лошарика и идеалиста? Или – и совсем не жаль?..

Во всяком случае, сочувствие родственникам Репина он в письме от 15 декабря выразил (см. 80, 248-249), а вот родственников Кенворти личным сочувствием не почтил, предоставив заботу о них третьим лицам.

Среди таких «заботников», проливших о «неожиданной» болезни Кенворти крокодиловы слёзы, был, разумеется, один из его главных убийц – Эйльмер Моод, взявший на себя и кое-какую последнюю «грязную» работёнку в этом и без того грязном и преступном деле (Чертков тогда уже воротился в Россию и хищно крутился вокруг старца Толстого и его семьи: решался вопрос о правах по завещанию!).

В письме от 13 декабря 1909 г. Моод сообщал, что Джон Кенворти, к его, Моода, и его дружков облегчению, помещён наконец в дом умалишённых. Он спрашивал, будут ли со стороны Толстого возражения, если из фонда «Воскресения» (основанного в Англии в 1899 г. и составляемого из прибыли от английских изданий толстовского романа «Воскресение») будет выдаваться известная сумма семье Кенворти, оставшейся без средств.

К тому же – о, ужас! – среди бумаг Кенворти был найден «опасный» документ: подлинник письма Толстого к нему 1896 г., в котором Толстой действительно (как и пытался, вплоть до сумасшествия, докричаться до Толстого и до всех несчастный Кенворти!) предоставлял право первого издания переводов своих произведений на английский язык именно Кенворти и его «Братскому книгоиздательству». Это письмо, как уверяет Моод, крайне удивило его и, наконец, -- слишком поздно! – объяснило ему ЗАКОННЫЕ (как оказалось) притязания Кенворти на монополию первого перевода и издания в Англии произведений Л. Н. Толстого.

И Толстой уловил «тонкость момента», и в ответной цидулке поддержал подлость своих «соратников». Вот, от слова до слова, текст его ответа:

«Пожалуйста, распорядитесь деньгами из фонда «Воскресения», как вы находите правильным. Думаю, что ваш план помочь семье Кенворти очень хорош.

Что касается моего письма к Кенворти, то я совершенно всё ЗАБЫЛ О НЁМ.

Ваш Л. Т.»

ВСЁ. Это – всё! Крышка гроба захлопнулась над живым ещё английским львёнком Льва Толстого... Он, сука, оказывается, – «забыл»! То есть – как бы отдал, между строк, распоряжение Мооду и всей компании: «а вы тоже наплюйте и забудьте лучше про это!.. ну, свихнулся – и чёрт с ним!.. он нам больше не нужен!»

Ещё одна душезащипательная подробность: черновой текст ответа написан Толстым, из соображений экономии бумаги, на обрывке конверта от письма Моода. Бумагу-то он ценить и сберегать любил и умел... чего нельзя сказать о живых жизнях ДОВЕРИВШИХСЯ ему, духовно сблизившихся, а также и родственно-близких людей!

Усилия В. Черткова 1909 – 1910 гг. по добыванию прав на наследие Толстого в обход интересов семьи Льва Николаевича – отдельная огромная и страшная тема. Некоторые подробности грызни его с женой Толстого (как, впрочем, и поведения Софьи Андреевны, болезненно возненавидевшей его) позволяют подозревать его в нездоровье не только нравственном, но и психическом. Тем отвратительнее на таком фоне смотрятся разглагольствования Льва Толстого о сумасшествии, зафиксированные его домашним доктором Д. П. Маковицким всё того же 5 декабря 1909 года. Они непосредственно связаны не с известиями о сумасшествии Кенворти и Репина, а с посещением Ясной Поляны в этот день неким «помешанным», с которым Толстой имел беседу, а затем высказался о нём:

«...У сумасшедших – эгоизм: они не переносятся в положение другого человека, считают, смотрят на другого человека, как на орудие своих целей» (ЯЗ-4. С. 124).

А ниже – сообщение о Кенворти, к которому данное суждение Толстого НИКАК не могло быть отнесено. Это как раз Толстой не вник в положение, в драму Кенворти, отвернулся от него, поверив лжи «доверенных

лиц!»! И это Толстой до последних дней жизни в Ясной Поляне закрывал глаза на вполне сумасшедший эгоизм своего ближайшего друга – В. Г. Черткова, вполне сумевшего использовать старца как орудие для своих целей!

«Мила» по-своему и подробность, подтверждаемая английским биографом, о финансировании семьи «несчастливого»: это и в наши дни делается. Безденежных родственников «подкармливают», держат в материальной зависимости, чтоб они помогали удерживать жертву в психушке...

Последние биографические сведения о Кенворти превращаются, действительно, в неинтересную «историю болезни». Болен он, больна и его жена. Сыновья и дочь сторонятся отца (хотя и не отказываются ни разу от материальной поддержки из России, связанной с его болезнью), но навещают в доме престарелых мать. После окончания квакерской школы – они уже под полным влиянием и контролем единомышленников Эйльмера Моода и поселяются в общине «Светлый путь». После смерти матери – живут с сестрой Агнес.

О Кенворти же в «большом мире» заботится постоянно и ещё долгие годы только один человек – не родственник, а единомышленник во Христе. Всё та же Элиза Пикард, член английского «Общества Друзей» (квакеров). (Та самая, кто за два года сотрудничества отчасти «раскусила» Черткова и пыталась заступиться за ещё здорового Кенворти перед Толстым в 1900-м... и нарвалась на ответ грубости, предубеждённости и

слепого доверия к «одноцентренному» Вовочке...) Она добилась перевода больного из заведения в Эссексе в ближайшую к ней и лучшую больницу – «West Riding Pauper Lunatic Asylum» в Лидсе. Подальше от ненавидящих его «сподвижников», сумевших заразить своей ненавистью даже детей несчастного... Элиза никогда не женилась, и столь преданно, до самой своей смерти в 1942 году, заботилась о Джоне, так слилась с ним любовью истинной, Христовой (чуждой таким, как Чертков и большая часть русских дружков Льва Толстого) что даже в завещании своём подписалась так: «Elisa Pickard or Kenworthy».

После её смерти дряхлый, больной старик Кенворти был «выселен» в «City Mental Hospital» в йоркширском Фултоне, где он, наконец, ОТ ВСЕХ ВАС, СВОЛОЧИ, и освободился к жизни истинной, неумирающей и выстраданной. Совершилось это, по вашему счислению, 13 сентября 1948 года. Ему было 87 лет...

Хотя вам ведь, русским поганцам, это всё равно... вам ВСЁ «всё равно»! Имеете – не храните, погубите – сами себе простите. Главное – успеть попользоваться! Мёртвых любите больше, чем живых, да и то – одних «своих»...

Такова ВСЯ теперешняя Ясная Поляна... и вряд ли бы была иной, даже если бы в неё никогда бы и не заглянул В. Г. Чертков.

Пробы на вашем «христианстве» негде ставить, на вашей «культурной» заботе о Заповеднике и о духовном наследии Льва Николаевича!

Анафемы. От имени Бога, Иисуса и Льва – ПРОКЛЯТЫ БУДЬТЕ каждый, и вся Россия, стельная

буржуазная дрянь. За Кенворти, за Льва и за меня!..
Чтоб вам ни смерти, ни жизни не было. Навсегда.

ПРОКЛЯТЫ, ПРОКЛЯТЫ, ПРОКЛЯТЫ будьте!

КОНЕЦ

* * * * *